

STEPHANOS

СТЕΦΑΝΟΣ

2026

№ 3 (77) || Май

#3 (77) || May

ISSN 2309-9917

DOI 10.24249/2309-9917-2026-77-3-1-171

Stephanos

Сетевое издание

Рецензируемый мультиязычный научный журнал

Электронный проект

филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:

докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редакционная коллегия:

докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова

доктор искусствоведения доцент РАНХиГС Д. Красовец

ассистент кафедры русистики и лингводидактики PhD Карлов университет в Праге Якуб Конечны

докт. культурологии, профессор М.М. Лоевская

доктор филол. наук, профессор, декан философского факультета университета

им. Палацкого г. Оломоуц Зденек Пехал (Чешская республика)

канд. филол. наук, редактор Е.В. Раздобурдина

докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина

докт. филол. наук профессор А.Г. Шешкен

докт. филол. наук доцент А.В. Уржа

канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:

старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет:

Александра Вранеш, докт. филологии, проф., *Белградский университет (Сербия)*

Екатерина Федоровна Журавлева, проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы, *Западно-Македонский университет Греции (Греция)*

Мария Леонидовна Каленчук, доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия)*

Максим Каранфиловский, докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ имени М.В. Ломоносова, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Северная Македония)*

Леонид Петрович Крысин, докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН (Россия)*

Весна Мойсова-Чепишевская, докт. филологии, проф., *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Северная Македония)*

Джей Паджет, докт. филол. наук, проф., *Университет Калифорнии Санта Круз (США)*

Иво Поспишил, докт. филол. наук, проф., зав. Институтом славистики, *Университет им. Т.Г. Масарика, Брно (Чехия)*

Елена Стерьеулу, проф., *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии (Греция)*

Антон Элиаш, канд. филол. наук, проф., *Университет им. Я.А. Коменского в Братиславе (Словакия)*

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77–53145 от 14.03.2013

© 2013–2025. Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

© 2013–2025 Stephanos

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:
Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
Doctor of History of Arts Docent D. Krasovec
Lector of Russian & Language Teaching Methodology PhD Charles University in Prague Jakub Konecny
Doctor of Culturology Professor M.M. Loyevskaya
Candidate of Philological Sciences E.V. Razdoburdina
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Doctor of Philology Professor Zdeněk Pechal
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak (Executive Secretary)

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council:

Anton Eliáš PhD, Prof., *Comenius University in Bratislava (Slovenská republika)*
Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Maxim Karanfilovsky PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje,*
Honorary Prof. of Lomonosov Moscow State University (North Macedonia)
Leonid Krysin PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Vesna Mojsova-Chepishavska PhD, Prof., *University Sts. Cyril and Methodius*
in Skopje (North Macedonia)
Jaye Padgett PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz*
(USA)
Ivo Pospíšil, PhD, Prof., Head of the Institute of Slavic Studies, *University of TG Masaryk, Brno*
(Czech Republic)
Helen Stergiopoulou PhD, Prof. *School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies National and*
Capodistriian University of Athens (Greece)
Alexandra Vranesh PhD, Prof., *University of Belgrade (Serbia)*
Ekaterina Zhuravleva PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian
Language and Literature *University of Western Macedonia Greece (Greece)*

Registration certificate EL № FS 77–53145 from 14.03.2013
© 2013–2025. Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University
© 2013–2025 Stephanos

Содержание

Статьи

- Потёмкина Е.В., Ружицкий И.В. (Москва, Россия)* Достоевский в восприятии носителя иной культуры: интерпретационные константы. Статья 3. Особенности рецепции произведений Ф.М. Достоевского, отраженные в зарубежной литературной критике 9
- Неъматзода М.Х. (Худжанд, Республика Таджикистан)* Лингвистическая диффузия как механизм поэтической преемственности: Хайям и Лоик Шерали..... 26
- Рашидова Д.А. (Худжанд, Республика Таджикистан)* Лингвистические и стилистические трудности перевода макама Бади аз-Замана аль-Хамадани 36
- Вохидова Н.А. (Худжанд, Республика Таджикистан)* Морфологические особенности сложных слов, образованных с помощью -хона, и их английских эквивалентов (на материале «Гуломона» С. Айни) 43
- Мамечков С.Г. (Москва, Россия)* О норме литературного языка рубежа XVIII–XIX вв. в области односложных и двусложных окончаний творительного падежа единственного числа: проза А.С. Шишкова, Н.М. Карамзина, И.А. Крылова 54
- Бабичева М.Е. (Москва, Россия)* Литература нон-фикшн в премиальных списках «Большой книги»: характерные тенденции в современной отечественной прозе 67

Материалы и сообщения

- Гиёсова С.Г. (Худжанд, Республика Таджикистан)* К вопросу о построении предложения и его структурных особенностях в английском языке 79
- Аишафзода Б.П., Бойболаев Б.Э. (Худжанд, Республика Таджикистан)* Семантико-морфологические особенности таджикского префиксоида «пур», обозначающего физические свойства, и его английских эквивалентов (на примере романа Садриддина Айни «Гуломон») 88
- Розинская О.В. (Москва, Россия)* Эмигрантская лира. Забытые имена. Георгий Соргонин – поэт русского зарубежья в межвоенной Польше..... 105
- Алтынбаев А. (Москва, Россия)* Психолингвистическое значение неологизмов (на материале русского, шведского и английского языков)..... 110
- Базанова Е.В., Ключников К.В. (Москва, Россия)* Поэтика и тематика современной женской прозы: роман Е. Джаббаровской «Руки женщин моей семьи были не для письма» 118
- Григорянц Н.А. (Ереван, Республика Армения)* Мифопоэтика и архитекtonика «Ташкентского романа» Сухбата Афлатуни..... 125
- Строк А.Е. (Москва, Россия)* Взаимодействие готической литературной традиции с популярной викторианской философией в рассказе Э. Булвер-Литтона «Привидения и их жертвы, или Дом и разум» 132

Библиографии

Громова М.М. (Москва, Россия) О Лидии Чарской. Библиография (к 150-летию со дня рождения). Часть 8..... 140

Научная жизнь

Пивоварчик Т.А. (Гродно, Беларусь) XVIII Международные Карские чтения «Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации» 150

Критика. Библиография

Макарийоска Л. (Скопье, Республика С. Македония) Македонская зоонимическая фразеология в славянском контексте. Катерина Веляновска и Биляна Мирчевска-Бошева (Славика. Либрис. 2025. 189 с.)..... 165

Contents

Articles

- Potemkina E.V., Ruzhitsky I.V. (Moscow, Russia)* Dostoevsky in the Perception of a Bearer of Another Culture: Interpretative Constants.
Article 2. Features of Perception of Fyodor M. Dostoevsky's Works Reflected in Foreign Literary Criticism 9
- Nematzoda M.K. (Khujand, Tajikistan Republic)* Linguistic Diffusion as a Mechanism of Poetic Continuity: Khayyam and Loiq Sherali 27
- Rashidova D.A. (Khujand, Tajikistan Republic)* Linguistic and Stylistic Difficulties in Translating the Maqam of Badi az-Zaman al-Hamadani 36
- Vohidova N.A. (Khujand, Tajikistan Republic)* Morphological Peculiarities of the Compound Words Formed by -хона / room and Their English Equivalents (on the material of "Ghulomon" by S. Aini") 43
- Mamechkov S.G. (Moscow, Russia)* Literary Norm at the Turn of the 18th–19th Centuries in the Field of Monosyllabic and Two-Syllabic Endings of the Instrumental Singular Case: Prose by A.S. Shishkov, N.M. Karamzin, I.A. Krylov 54
- Babicheva M.Ye. (Moscow, Russia)* Non-fiction in the Big Book award Lists: Main Trends in Contemporary Russian Prose 67

Communications and Materials

- Ghiyosova S.G. (Khujand, Tajikistan Republic)* On the Issue Beset with Sentence Structure and Its Peculiarities in English 79
- Ashrafzoda B.P., Boybolaev B.E. (Khujand, Tajikistan Republic)* Semantico-Morphological Peculiarities of the Tajik Prefixoid *nyp-* Denoting Physical Properties and Its English Equivalents (on the material of "Ghulomon" by S. Aini) 88
- Rozinskaya O.V. (Moscow, Russia)* Emigrant Lyre. Forgotten Names. Georgy Sorgonin – a poet of the Russian diaspora in interwar Poland 105
- Altynbaev A. (Moscow, Russia)* The Psycholinguistic Meaning of Neologisms: An Analysis Based on Data from Russian, Swedish, and English 110
- Bazanova E.V., Klyuchnikov K.V. (Moscow, Russia)* Poetics and Themes of Contemporary Women's Prose: E. Jabbarova's Novel "The Hands of the Women in My Family Were Not Meant for Writing" 118
- Grigoryants N.A. (Yerevan, Republic of Armenia)* Mythopoetics and Architectonics Of Sukhbat Aflatuni's "Tashkent Novel" 125
- Strok A.Ye. (Moscow, Russia)* The Intertwining of Gothic Literary Tradition and Popular Victorian Philosophy in E. Bulwer-Lytton's Short Story "The Haunted and the Haunters; or, The House and the Brain" 132

Bibliography

- Gromova M.M. (Moscow, Russia)* About Lydia Charskaya. Bibliography (on the 150th anniversary of her birth). Part 8 140

Academic Life

Pivavarchyk T.A. (Grodno, Belarus) XVIII International Karsky Readings
“The Slavic World and National Speech Culture in Modern Communication” 150

Critique. Bibliography

Makarijoska L. (Skopje, Republic of North Macedonia) Macedonian Zoonymic
Phraseology in a Slavic Context.
Katerina Veljanovska and Biljana Mirchevska-Bosheva
(Slavika. Libris. 2025. 189 p.) 165

Статъи

Articles

Е.В. Потёмкина, И.В. Ружицкий (Москва, Россия)

**Достоевский в восприятии носителя иной культуры:
интерпретационные константы.
Статья 3. Особенности рецепции произведений Ф.М. Достоевского,
отраженные в зарубежной литературной критике**

Аннотация: Статья является продолжением цикла работ, посвященных вопросу о восприятии творчества Достоевского инофонами (первые две статьи были опубликованы в журнале «Stephanos» в 2024 г.). В ней интерпретационные константы – изложенные в сжатой форме идеи, мысли, направления исследования, оценочные суждения и т. п. относительно рецепции творчества Достоевского – выводятся на материале работ зарубежной (европейской, американской, японской и китайской) достоевистики. К таким константам относятся, например, следующие: ‘Произведения Достоевского – результат его отчаяния’; ‘Мотив самоубийства пронизывает все творчество и жизнь Достоевского’; ‘Слишком сложно для понимания носителем иной культуры’; ‘Все герои Достоевского, как и он сам, больные люди’ и т. п. Следующая, завершающая статья цикла будет направлена в основном на классификацию интерпретационных констант, выявленных в ходе анализа многочисленных отзывов рядовых зарубежных читателей Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, интерпретационная константа, реинтерпретация, зарубежная литературная критика

E.V. Potemkina, I.V. Ruzhitsky (Moscow, Russia)

**Dostoevsky in the Perception of a Bearer of Another Culture:
Interpretative Constants.
Article 2. Features of Perception of Fyodor M. Dostoevsky’s Works
Reflected in Foreign Literary Criticism**

Abstract: The article develops the basic ideas discussed in the series of works devoted to the issue of perception of Dostoevsky’s work by foreign speakers (the first two articles were published in the “Stephanos” magazine in 2024). In it, the interpretive constants – the ideas, thoughts, research directions, value judgments, etc. regarding the reception of Dostoevsky’s works set forth in a concise form – are derived from the material of works of foreign (European, American, Japanese and Chinese) science studying the creativity of Dostoevsky. Such constants include, for example, the following: ‘The works of Dostoevsky are the result of his despair’; ‘The motive for suicide permeates all of Dostoevsky’s works

and life'; 'Too difficult for the bearer of a different culture to understand'; 'All the heroes of Dostoevsky, like himself, sick people', etc. The next, final article of the cycle will be aimed mainly at classifying the interpretive constants identified during the analysis of numerous reactions and expressions of appreciation of ordinary foreign readers of Dostoevsky.

Key words: Dostoevsky, interpretative constant, reinterpretation, foreign literary criticism

Настоящая статья является продолжением исследования, посвященного особенностям рецепции Достоевского носителями иной культуры (см. [Ружицкий, Потёмкина 2024; Потёмкина, Ружицкий 2025]). Под рецепцией в данном случае не обязательно понимается чтение, так как восприятие творчества Достоевского носителями других языков и культур может происходить как на основе оригинального литературного произведения (первичного текста), так и на основе какой-либо его интерпретации или реинтерпретации (вторичного текста) – пересказа, критической статьи, диссертации, фильма, комикса, анекдота по мотивам творчества Достоевского и т. д. При этом та или иная интерпретация довольно часто становится первичным текстом, она проще для восприятия, чем оригинал, и может заменять первичный текст в инокультурном пространстве. Иными словами, человек сначала обращается, например, к фильму, снятому по произведению Достоевского, а уже потом – и это в идеальном случае – к переводам произведений писателя, даже лучшие образцы которых всё равно искажают оригинальный текст. Несомненно, литературная критика и мнения о Достоевском известных личностей: философов, писателей, политиков, религиозных деятелей и т. д. – имеют в данном отношении первостепенное значение. Ср. с формулой Т. Манна: «Достоевский, но в меру» [Достоевский во Франции 2022: 124], высказыванием Ю. Кристевой: «Достоевский, но только через посредника» [там же], а также с признанием современного английского автора Зэди Смит: «Набоков приучил меня презирать Достоевского. Досадная ошибка, которую я сейчас исправляю» [Смит, Бабяшкина 2019: 20].

Для наименования генерализованного суждения, отсылающего к творчеству Достоевского, которое выявляется при анализе вторичных текстов, мы используем термин «интерпретационная константа», или «ИК» (см. [Ружицкий, Потёмкина 2024]). Отличительными особенностями ИК выступает сжатая лаконичная форма и фигурирование в текстах различных жанров. Например, одно из наиболее константных суждений о Достоевском *Любил смерть и страдание больше, чем жизнь* воплощается сразу в нескольких видах искусств, становясь всё более устойчивым в сознании новых поколений (см. интернет-мемы, а также [Гурьянова, Синегубова 2023]).

В предыдущей статье мы проиллюстрировали ИК восприятия творчества Достоевского на материале художественных фильмов, телесериалов (ф) и театральных постановок (т). Назовём некоторые из уже выявленных ИК.

(1) 'О самом Достоевском':

Создал универсальный образ преступника; любил смерть, страдание больше, чем жизнь; без Д. невозможно понять Россию и русский характер; больной, эпилептик; русский Фрейд; биография Д. нашла прямое отражение в его творчестве; не любил никого из представителей других наций; проповедник мирового христианства; описывает изменённое сознание человека в момент катастрофы; борец за справедливость, социальное равенство...

(2) 'О произведениях Достоевского' и 'О героях Достоевского':

Д. изображает бедных и слабых; все герои Д. в той или иной степени больны; все поступки героев обусловлены либидо; эротизм – главный ключ к духовным тайнам Д.; Слишком сложно для понимания носителем иной культуры; произведения Д. страшные; в произведениях Д. действуют трансцендентные силы; «Преступление и наказание» – главный роман Достоевского... (см. [Потёмкина, Ружицкий 2024])

Перечисленные ИК свидетельствуют о том, что в кино и в театре главный акцент в процессе интерпретации делается на фигуре автора, а из произведений наибольший интерес вызывает роман «Преступление и наказание» (в речи персонажей фильмов чаще всего делаются отсылки к именам *Достоевский* и *Раскольников*), что, безусловно, вовсе не исключает проявления интереса и к другим произведениям Достоевского, в первую очередь – к романам «Униженные и оскорбленные», «Ирок», «Идиот», «Братья Карамазовы» и «Бесы».

Настоящая статья направлена на обобщение результатов анализа литературно-критических работ, отзывов писателей, а также некоторых ученых и мыслителей, высказывавших свое мнение о Достоевском. В отличие от режиссеров театра и кино, зарубежные критики, философы и писатели, что вполне закономерно, большее внимание уделяют интерпретации литературной составляющей феномена Достоевского, хотя, как будет показано ниже, отнюдь не ограничиваются ею.

Почва для восприятия и оценки Достоевского на Западе готовилась давно (см. [Феномен Достоевского 2019]). Первый перевод на немецкий язык отрывка из «Бедных людей» появился еще в 1846 г., практически сразу после публикации романа (правда, вышел этот перевод в петербургской немецкоязычной газете «Sankt-Petersburgische Zeitung»), а массовое знакомство Европы с произведениями писателя началось уже после его смерти; по данным П.Е. Фокина, «за 20 лет было осуществлено 146 переводов Достоевского на 19 европейских языков» [Фокин 2021: 64]¹. Что касается истории изучения творчества Достоевского на Востоке, то, например, на японский язык (с английского) первым в 1892 г. был переведен роман «Преступление и наказание» (без эпилога), на китайский язык еще спустя три десятилетия – рассказы «Честный вор» (пер. 1920), «Елка и свадьба», «Мальчик у Христа на елке» (пер. 1921), «Мужик Марей» (пер. 1925) и др. В США Достоевский получил более или менее широкую известность благодаря спектаклю «Братья Карамазовы» Ж. Копо и Ж. Круэ в театре «Гаррик» (на фр. в 1911, пер. на англ. в 1927).

¹ «Преступление и наказание» было переведено на немецкий в 1882 г., на французский – в 1884 г. В Аргентине первое сообщение о Достоевском было опубликовано в 1881 г., а первый перевод появился в 1900 г.: «El árbol de navidad de los pobrecitos» («Мальчик у Христа на елке») (см. [Морильяс 2021]).

Наибольшую популярность в конце XIX – начале XX в. Достоевский приобрел в Германии и во Франции. А влияние французской достоевистики уже распространилось по всему миру. Так, в 1886 г. появилась книга Э.-М. де Вогюэ (с 1877 до 1882 прожившего в Петербурге) «Русский роман», где раздел, посвященный Достоевскому, назывался «Религия страдания», что в определенной степени уже свидетельствует о некоторой оценочной установке в восприятии русского писателя французским критиком. Приведем некоторые суждения Вогюэ, на которые обратил внимание А. Жид: «Я лишь ставил себе задачей привлечь внимание к писателю, знаменитому там, почти неизвестному здесь <во Франции>»; «попытка сделать для нас [французов] понятным этот [русский] мир» приводит автора в отчаяние; «он [Достоевский] не дает отдыха; он утомляет, как чистокровные лошади, которые не могут устоять на месте <...>. Читатель должен чувствовать себя внутренне обессиленным»; «Среди русских очень немногие имели мужество прочесть до конца эту бесконечную историю [роман “Братья Карамазовы”]» (цит. по: [Жид 1994: 8]. Как отмечает А. Жид, «при всех своих явно добрых намерениях, [Вогюэ] дает нам плачевно обедненный, неполный и тем самым искаженный образ» Достоевского [там же]. И такое искаженное оценочное восприятие писателя до сих пор остается актуальным для многих иностранцев: *Д. невозможно понять (даже русские не понимают Д.) или Книги Д. можно понять, только находясь в отчаянии*². Ср. у Г. Гессе («О Достоевском», 1925): «Достоевского надо читать, когда мы глубоко несчастны, когда мы исстрадались до предела наших возможностей и воспринимаем жизнь, как одну-единственную пылающую огнем рану, когда мы переполнены чувством безысходного отчаяния» (цит. по: [Пчёлкина 2021: 94]). Состояние отчаяния достаточно часто используется и при описании жизни самого Достоевского: «Но, быть может, эта переписка обманывает нас, рисуя нам в вечном отчаянии того, кто писал только тогда, когда был в отчаянии...» [Жид 1994: 13]; «Достоевский истязает себя в своем творчестве, и поиски креста есть движущая сила поведения и поступков главных его героев» [Аллен 1996: 170]; С. Цвейг: «“Белые ночи” последняя вещь, которую он создал как свободный человек <...>. Навсегда он замурован в темнице литературы; целую жизнь раздаются отчаянные мольбы заключенного об освобождении; но лишь смерть расковывает его цепи» (цит. по: [Феномен Достоевского 2019: 195]); П. Нори: «...Достоевский, пребывая в самом отчаянном положении, начинает писать “Преступление и наказание”» [Нори 2024: 252]; Д.Л. Джексон: «Христос не мог их любить: Он их терпел <...>, размышляя над этими словами [Версилова], понимаешь, как никогда раньше, из каких глубин отчаяния из-за человека и Бога возникли искусство и вера Достоевского» [Джексон 1995: 14].

В результате в западных литературно-критических работах, посвящённых Достоевскому и его творчеству, образуется довольно устойчивая ассоциативная цепочка-искажение *Достоевский* → *отчаяние* → *самоубийство* (при том что произведения Достоевского никогда не производили эффект Вертера). «Ирвинг Тэйлор утверждает, что творческие личности, работавшие в ситуациях огромных личных трудностей и величайших социальных ограничений (достаточно вспомнить Галилея, Ницше, Достоевского, Фрейда <...>), вероятно, обладали настолько развитой способностью саморефлексии, что острее большинства из нас ощущали экзистенциальную ситуацию человека и космическое безразличие вселенной. <...> с яростью, рожденной отчаянием, погружались в творческие усилия. Бетховен с опре-

² Сам Достоевский, по замечанию Г.М. Фридендера, различал два типа литературы – литературу красоты (Гомер, Рафаэль, Пушкин) и литературу отчаяния (Шекспир, Рембрандт, Гоголь), но – в другом значении (см. [Фридендер 1972: 109–112]).

деленностью говорил, что искусство удерживает его от самоубийства <...>» [Ялом 1999: 499]. В основе подобных суждений лежит ИК *Произведения Д. – результат его отчаяния; Мотив самоубийства пронизывает всё творчество и жизнь Д.* Несколько иное отношение к теме самоубийства у японских и китайских литературных критиков. Первые встраивают ее в контекст японской культуры, иногда связывая с собственными переживаниями (см., например, [Накамура 1997]), у вторых эта тема слишком большого интереса не вызывает, разве что в рамках конфликта коллективизма и индивидуализма или как отражение экстремального человеческого опыта (см., например, [Biange 2014]).

Ранее на материале зарубежных кинофильмов, снятых по произведениям Достоевского, нами уже была выявлена и проанализирована ИК *Слишком сложно для понимания носителем иной культуры* (см. [Потёмкина, Ружицкий 2014]). Логично предположить, что в киноискусство данная оценочная установка могла прийти именно из литературно-критических работ. Например, уже упоминаемый выше А. Жид, называвший Достоевского необыкновенным гением, писал:

«Достоевский обладал странным русским смирением, которая встречается в каждой русской душе (даже лишенной христианской веры) и которую никогда не поймет западный человек»; «Французский католик в силу своего правоверия никогда не будет слушать Достоевского»³; «Достоевский остается человеком, которым мы не знаем, как распорядиться» [Жид 1994: 13, 26].

Из письма Дж. Конрада о том, что Достоевский «слишком эмоционален» для западного читателя (1912):

«Дражайший Эдвард <Гарнет>, надеюсь, что ты не очень рассердился на меня за то, что я всё еще не поблагодарил тебя за “Карамазовых” <...> это лишь несуразная глыба бесценного материала. Страшно неудачно, слишком эмоционально и раздражающе. Кроме того, не знаю, что отстаивает или разоблачает Достоевского, но знаю твердо – для меня он чересчур русский. Во всем этом мне слышится некое подобие яростных воплей, идущих из глубины доисторических времен. Я понимаю, русские только что “открыли” его. Мои поздравления...» [Конрад 2000: URL].

С. Цвейг о непонимании западным читателем мотивов героев Достоевского:

«Здравому смыслу англичанина, американца, практического человека четверо Карамазовых должны казаться четырьмя видами дураков, весь трагический мир Достоевского – сумасшедшим домом» (цит. по: [Феномен Достоевского 2019: 220]).

В. Вульф о том, какое впечатление производит на английского читателя тексты Достоевского:

³ Надо сказать, Папа Римский Франциск относился к Достоевскому с большим почтением и советовал всем католическим священникам читать произведения писателя. Достоевский, по его словам, «вдохновляет на христианство» (см. [Папа Римский... 2022]). Мотивы обращения религиозных деятелей, политиков и бизнесменов к Достоевскому могут быть самыми разными, чаще всего – познать Россию и русского человека (Джордж Буш перед поездкой в Москву читает «Преступление и наказание», Барак Обама в своих мемуарах пишет о том, что Достоевский помогает понять сложность человеческой души, Ангела Меркель – о том же...); украсить свою речь цитатой из текстов Достоевского (Си Цзиньпин, Эммануэль Макрон, Джузеппе Конте, Илон Маск) и др., однако в любом случае они большей частью определяются влиянием литературных критиков или советников, мнение которых в свою очередь, прямо или косвенно, тоже чаще всего сформировано под воздействием литературно-критических работ, посвященных Достоевскому. Так, президенту Бушу посоветовала прочитать «Преступление и наказание» Кондолиза Райс, его советник по национальной безопасности, считавшая «Преступление и наказание» книгой, которая поможет «лучше узнать русскую душу» (сама Райс изучала историю СССР в Стэнфордском университете, где и увлеклась творчеством Достоевского и Толстого).

«Против воли нас захлестывает, вращает, мы слепнем, захлебываемся, – и в то же время испытываем головокружительный восторг. <...> Вздываясь на гребнях волн, зацепляясь и ударяясь подводные скалы, английский читатель не может не испытывать неудобств... В Англии правит не самовар, а за варочный чайник» (цит. по: [Достоевский глазами литературного Запада 1981: 223]).

Однако в конце XIX и в начале XX в. установка на загадочность и непознаваемость русского человека в большинстве случаев гармонично сочеталась в Европе, а также в Японии и США с высокой оценкой Достоевского и его творчества. Из большинства критических работ легко выводятся ИК *Гениальный писатель; Великий художник; Тонкий психолог; Человек – главная тема творчества Д.; Познал истину* и т. п.

А. Жид: «Он был из тех редких гениев, которые с каждой новой вещью делают шаг вперед, идут путем непрерывного совершенствования <...>. Эта кипучая старость не знает упадка так же, как старость Рембрандта или Бетховена» [Жид 1994: 31]; С. Цвейг: «Страшно подумать, как величайший русский писатель, гений своего поколения, вестник беспредельности, – без средств, без родины, без цели бродит из страны в страну» (цит. по: [Феномен Достоевского 2019: 197]); Ф. Ницше: «Для задачи, лежащей перед нами, имеет большое значение свидетельство Достоевского – этого единственного психолога, кстати говоря, от которого я многому научился; он принадлежит к прекраснейшим случайностям моей жизни, к лучшим, чем, например, открытие Стендаля. Этот глубокий человек, который имел полное право невысоко ставить поверхностных немцев...» [Ницше 2019: 333]; Т. Манн: «Мог ли Пруст написать Раскольников, “Преступление и наказание”, этот величайший уголовный роман всех времен? Знаний бы ему, пожалуй, хватило, но вот сознания, совести...» (цит. по: [Феномен Достоевского 2019: 282]); Г. Гессе: «...странно думать о том, какие художники считались великими европейскими писателями в ту пору, когда Достоевский уже писал свои произведения»; Т. Манн: «Читая его, пугаешься порой его всезнания, этого проникновения в чуждую совесть»; Утида Роан: «Прочитав “Преступление и наказание”, я словно ощутил удар грома, у меня закружилась голова, зазвенело в ушах <...>. Соприкасаясь с внутренним миром писателя, с его убеждениями, я ощутил великую силу художника» (цит. по: [Рехо 1987: 153]); Ш. Андерсон: «Во всей литературе нет ничего подобного “Карамазовым” – это Библия <...>. Этот человек не может нравиться, его можно только любить. Я всегда чувствовал, что это тот единственный писатель, перед которым я мог встать на колени» (цит. по: [Русская классика: pro et contra <...> 2018: 516]). Известно также, что Достоевским восхищался А. Эйнштейн: «Достоевский дал мне много, необычайно много, больше Гаусса» [Мошковский 1922: 162].

В это время в Западной Европе и особенно в Германии главенствовало неоромантическое направление изучения произведений «русского гения». Его представители увидели в книгах Достоевского образ всечеловека, который мог бы примирить противоречия современного западного общества. В.В. Дудкин и К.М. Азатовский отмечают: «...человек [того времени] лишен цельности и единства, его внутренние возможности разъединены. Все прочие свойства человеческой природы подчинил себе рассудок, имеющий лишь прагматическое применение, <...> поиски гармонии приводят их к романтизму, к романтически-мистическому “всемирному чувству”», при этом ими движет «мистическое чувство любви к своему первоначальному “я”, это обожествление в самом себе природы, которая воплощается у неоромантиков в иррациональной душе <...>. Эти поиски приводят их к “открытию” России, где неоромантический идеал “души” обретает свою реальность, – в “русской душе”» [Достоевский в Германии 1973: 688].

Созвучны такому взгляду на русского писателя и слова С. Цвейга, который весьма неоднозначно оценивал творчество Достоевского: «Русский человек охватывает всё в целом. Он хочет ощущать себя и жизнь, а не ее тень и отражение, не внеш-

ную реальность, а великие мистические основы, космическую мощь, чувство бытия <...>» (цит. по: [Феномен Достоевского 2019: 217]. Р.М. Рильке, вдохновленный Достоевским, писал: «Русский человек показал мне столько примеров того, как тяжкие испытания и долгое порабощение, надолго подавляющее любую попытку сопротивления, не обязательно ведут к распаду души» [Криницын: URL]).

Именно в неоромантическом духе была написана и первая биография Достоевского на немецком языке Ниной Гофман. Согласно ее видению, раньше Запад испытывал страх перед необычным характером русского народа: «Когда мы читаем произведения французских, английских, итальянских, одним словом, европейских писателей, то мы настолько хорошо знаем их среду, или настолько свободно можем ее себе вообразить, что для нас не представляет затруднений дать ответ на вопрос, как каждый из них описывает людей. Но едва лишь мы пытаемся высказать суждение о произведениях русских писателей, как почва тут же уходит у нас из-под ног, мы видим незнакомую и трудноприемлемую для нас среду, а в ней – русского человека, которого мы должны прежде всего перевести на язык наших представлений о человеке, что далеко не так просто. И это чрезвычайно существенно. Мы имеем здесь дело с полуварварским началом, в котором, однако, скрыты молодые, еще не проявившие себя силы, с народом, который нам еще предстоит узнать и, узнав, пересмотреть кое-что наново» (цит. по: [Дудкин, Азадковский 1973]). Следует отметить, что концепт ‘страх’, иногда с определением *варварский*, является одним из наиболее распространенных в оценочных высказываниях о Достоевском на Западе. Ср.: «...этой зимой я много размышлял о душевных свойствах русского народа, благодаря выдающемуся психологу Достоевскому, на одну доску с которым, в том, что касается остроты анализа, некого поставить даже современнейшему Парижу. Благодаря ему учишься любить русских, а еще – учишься их бояться» (цит. по: [Брежнев: URL]).

Сам же Достоевский отмечал в «Дневнике писателя» за апрель 1876 г.:

«Самый полный переворот в политической жизни России наступит именно тогда, когда Европа убедится, что Россия вовсе ничего не хочет захватывать. Тогда наступит новая эра и для нас, и для всей Европы. Убеждение в бескорыстии России если придет когда-нибудь, то разом обновит и изменит весь лик Европы. Убеждение это непременно наконец воцарится, но не вследствие наших уверений: Европа не станет верить никаким уверениям нашим до самого конца и всё будет смотреть на нас враждебно. Трудно представить себе, до какой степени она нас боится. А если боится, то должна и ненавидеть. Нас замечательно не любит Европа и никогда не любила; никогда не считала она нас за своих, за европейцев, а всегда лишь за досадных пришельцев. Вот потому-то она очень любит утешать себя иногда мыслью, что Россия будто бы “пока бессильна”» [Достоевский 1981: 121].

Резюмируя сказанное, можно отметить, что Россия в лице Достоевского для западного читателя начала XX в. – непонятная, одновременно страшная и спасительная земля, где людьми движет иррациональное стремление к идеалу, и это противопоставляется европейскому прагматизму, «практическому человеку». Таким образом, легко выделяется ИК Д. и его героями движет иррациональное начало.

С точки зрения японского читателя, поведение героев Достоевского тоже иррационально, но уже по другим причинам (в этом можно, по всей видимости, найти отражение различия западной культуры совести от восточной культуры стыда). «В романе есть эпизод, где описывается, как в шумном кабаке пьяница громко рассказывает о своих домашних делах <...>. Мармеладов пусть мелкий, но всё же чиновник, и как же он может, хоть в пьяном виде, говорить публично о том, что

его дочь Соня получила желтый билет в полиции? И этого ничуть не стыдится! Это несовместимо с человеческой моралью» (цит. по: [Рехо 1987: 154]).

В целом же главное отличие западного и восточного восприятия Достоевского с конца XIX в. и до настоящего момента заключается, на наш взгляд, в том, что японские и китайские читатели (особенно, что легко объяснимо, китайские) часто видели в его произведениях прежде всего описания жизни угнетенных классов. В 1892 г., когда появился первый японский перевод «Преступления и наказания», Китакура Тококу написал статью, где он «ратует за литературу, которая была бы связана с народной жизнью и стала бы голосом народа» [там же: 155], символом его раскрепощения. ИК: Д. – борец за справедливость, социальное равенство.

Ким Чжон (южнокорейская предпринимательница, которая активно внедряет в свой бизнес элементы мировоззрения Достоевского): «Достоевский – это мой компас в бизнесе и в жизни. Достоевский заставляет меня не упускать людей за цифрами и графиками» [РИА Новости: URL].

Если проанализировать более поздние западные исследования творчества Достоевского, то можно обнаружить новое направление в восприятии и анализе текстов произведений писателя, а именно – через призму болезни, прежде всего душевной, что можно рассматривать как следствие повсеместного влияния на Европу того времени школы психоанализа. Тему болезни и сумасшествия в произведениях Достоевского (как и в отношении анализа особенностей личности самого писателя) европейские критики и раньше никогда не обходили стороной, однако в 1928 г., с появлением статьи З. Фрейда «Достоевский и отцеубийство», она стала главенствующей.

В книге «Три мастера» С. Цвейг характеризовал Достоевского следующим образом: «Его <...> счастье – в спазме, в судороге, с пеной у рта»; «На грани между смертью и безумием приобретает особую, сомнабулически твердую мощь его творчество»; «После каждого припадка Достоевский погружался в граничащую с идиотизмом дремоту» (цит. по: [Феномен Достоевского 2019: 203, 207]). Фрейд после прочтения этой книги писал Цвейгу: «Мне кажется, Вы не должны были оставлять за Достоевским приписываемую ему эпилепсию. Весьма маловероятно, что он был эпилептиком. Эпилепсия – органическое мозговое поражение вне душевного строя, и, как правило, связанное со снижением и упрощением проявлений душевной жизни <...> великие личности, которым приписывалась эпилепсия, были чистыми истериками <...> Думаю, что *всего Д. можно было бы построить на его истерию...*» (курсив наш. – Е.П., И.Р.). Далее Фрейд расширяет свой анализ уже на весь русский народ: «То, что Вы, во избежание искусственного слова, называете “дуализмом”, зовется у нас “амбивалентностью”. Эта амбивалентность чувств есть также наследие душевной жизни примитивного человека, сохранившаяся, однако, гораздо лучше и в более доступном сознанию, чем у других народов, виде, в русском народе, как я это мог показать несколько лет тому назад в детальной истории болезни подлинно-русского пациента» (речь идет о Сергее Панкееве, которому Фрейд поставил диагноз «невроз»). Исходя из превратного представления о детстве писателя, Фрейд рассматривает его произведения как способ избавиться от чувства вины из-за желания убить отца. При этом, по Фрейду, факт убийства приносит невротика чувство облегчения: «Преступник для него [Достоевского] – почти спаситель, взявший на себя вину, которую в другом случае несли бы другие. Убивать больше не надо, после того, как он уже убил, но следует

ему быть благодарным, иначе пришлось бы убивать самому» (см. [Феномен Достоевского 2019: 297–312]).

После появления интерпретации Фрейда, а также работы его ученика Иолана Нейфельда «Достоевский: психоаналитический очерк под ред. проф. З. Фрейда» (1925) мотив болезни в ее различных проявлениях пронизывает множество работ, посвященных анализу творчества Достоевского.

Следует также упомянуть вклад еще одного весьма известного психиатра, Чезаре Ломброзо, который в своей книге «Гениальный человек» рассматривает Достоевского в качестве примера «эпилептического гения, чья жизненная траектория полностью сформирована характерной психологией эпилепсии – импульсивностью, двойной личностью, инфантилизмом <...>, чередующимся с пророческим прозрением» (перевод наш. – *Е.П., И.Р.*) [Lombroso 1891: 348]. Эпилепсию итальянский психиатр приписывает и Раскольникову: по его мнению, у Раскольникова было «несколько эпизодов амнестически-эпилептических припадков» (цит. по: [Ghidini 2024: 987]; перевод наш. – *Е.П., И.Р.*).

Рассмотрим несколько примеров восприятия произведений Достоевского через призму болезни современными исследователями.

В книге Х.-Ю. Геригка «Литературное мастерство Достоевского в развитии» представлена следующая логика интерпретации образа преступника. Одна из глав в ней посвящена Раскольникову. Немецкий исследователь, во-первых, склонен видеть в убийстве для героя наслаждение. Именно этим объясняется желание Раскольникова после совершенного преступления вернуться в квартиру, где произошло убийство, – чтобы еще раз испытать чувство страха, «холод в спине», отсюда же и сон о смеющейся старухе: Раскольников хочет совершить преступление во второй раз и еще раз почувствовать ужас, после которого должно наступать чувство эйфории. При этом Х.-Ю. Геригк описывает чувства читателя, сопереживающего убийце: «Кое-кто из нас сожалеет, что Раскольников в конце концов проявляет слабость и сдается полиции» [Геригк 2016: 61], как будто в читателе, где-то в глубинах подсознания, всегда скрывается душегуб. Во-вторых, автор проводит параллель между Раскольниковым и Германом из «Пиковой дамы» и предлагает рассматривать всё, что произошло с Раскольниковым после того, как «часы пробили семь часов», как плод его больного сознания – вокруг Раскольникова «кружит логика бреда» [там же: 88]. В таком случае даже преступления могло не быть, всё это происходит лишь внутри головы Раскольникова, в бредовом сне, о котором он впоследствии вспоминает на каторге, но герой выбирает для себя путь наказания, так как не может вынести даже своих мыслей, своего намерения убить старуху. В этом, по мнению Х.-Ю. Геригка, проявляется невротическое расстройство Раскольникова-Достоевского: постоянное смятение, тревога, агрессия и подавленность выставляются напоказ, нарциссическому самолюбованию интеллекта противоречит нарциссическое самоуничижение.

В книге «Литературное творчество Достоевского» современный французский достоевист Ж. Катто «приводит тщательно составленную историю всех болезней, преследовавших писателя, равно как и недугов, которые постигали его персонажей. Зачастую болезнь Достоевского рассматривают как ключ к его творчеству, считая за отправную точку общую болезненность его персонажей» [Достоевский во Франции 2022: 97].

Само за себя говорит название статьи американского исследователя Т.Г. Марулло «Абьюзинг: “Неточка Незванова” и поэтика созависимости» (2015): «Они

[герои] никогда не учатся на своих ошибках; скорее, они пробуждают в себе страсти, которые позволяют им на мгновение жить в раю, но надолго в аду» (цит. по: [Эвальд 2023: 228]). Вслед за Марулло словацкий исследователь Патрик Лекеш также пишет о созависимости Неточки:

«Ефимова считали талантливым скрипачом, у которого потеря мотивации и алкоголизм привели к нищете. Несмотря на все неприятности, Неточка его любила даже больше, чем собственную мать <...>. У Ефимова также начинают проявляться проблемы с обществом, связанные с употреблением алкоголя (в финансах и семейных отношениях), которое приводит к т. н. крэйвингу <...>. С определенной долей вероятности мы можем утверждать, что любовь и уважение Неточки к отцу вполне перерастает впоследствии в созависимость» [Лекеš 2024: 47–48].

«Психоаналитическая» интерпретация логики поведения героев Достоевского представлена также в книге К. Аполлонио, где больными и ненормальными предстают уже герои самого первого романа «Бедные люди» Макар Девушкин и Варенька Добросёлова: «Но и у Макара Девушкина есть темная сторона, предвосхищающая самые темные и зловещие образы из последующих произведений Достоевского»; «То, что внешне выглядит как самоотверженное и нежное желание присматривать за попавшей в беду девушкой, может не менее убедительно истолковано как достойный осуждения вуайеризм»; «Влечение Вареньки к Покровскому представлено как готический роман ужасов, в котором переплетены страх сексуальных отношений и смерти»; «Существовал ли этот болезненный книголюб и незаконный сын где-либо, кроме фантазии Вареньки?» [Аполлонио 2020: 29, 32, 43, 44].

В своих рассуждениях об истоках происхождения персонажей Достоевского К. Аполлонио опирается также на работу А.Л. Бема «Драматизация бреда» (1938), в которой любовный треугольник в повести Достоевского «Хозяйка» рассматривается как эдиповская драма самого писателя: слабый юноша Ордынов (Достоевский) пытается спасти беззащитную женщину, Катерину (свою мать), от похотливого тирана Мурина (своего отца). Из подобных интерпретаций следует, что героями Достоевского, как и самим писателем, движут в первую очередь два мотива – убить или соблазнить.

Итальянский писатель Паоло Нори рассказывает о своем «развенчании» ИК Д. *хотел убить своего отца*: «Фрейд, не знавший Достоевского лично, приходит к заключению, что настоящим эпилептиком писатель не был, а его эпилепсия не что иное, как проявление невроза, вызванного подсознательным желанием убить отца <...>. Когда я приступал к работе над этой книгой, я думал, что сложнее всего будет разобраться именно с отцом Достоевского, но <...> все свидетельства, которые мне приходилось читать, сходятся на том, что атмосфера, в которой росли братья, и их отношения с отцом, не имеют ничего общего с тем, как они описываются у Фрейда...» [Нори 2021: 244].

Говоря об образе отца в творчестве «Достоевского-невротика», можно вспомнить еще одного итальянского психиатра, Луиджи Луджато. С его точки зрения, Дмитрий, Иван и Алеша Карамазовы, а также Смердяков наследуют от отца различные степени дегенеративных черт:

«Роман впервые и решительно поднимает вопрос о психоневропатической наследственности, проявляющейся в целой семье <...>. Влияние наследственности отца очевидно в Дмитрие, в то время как наследственная дегенерация Ивана проявляется в его атеизме и теоретическом отвержении всякой морали. У Алеши, с другой стороны, дегенерация проявляется в мистицизме. Самоубийство Смердякова приписывается не раскаянию или страху перед судом, а “краху психической стабильности”, “безумному

импульсу», характерному для тяжелых дегенератов» (цит. по: [Ghidini 2024: 993]; перевод наш. – *Е.П., И.Р.*).

Складывается впечатление, что, в отличие от неоромантиков, современные западные исследователи видят в Достоевском самооправдание преступных желаний и душевных расстройств человека. Часто это трансформируется в мотив мимолетного кошмара – например, многие фильмы строятся по аналогии с «Преступлением и наказанием» как пристальное наблюдение за сознанием преступника, но в конце оказывается, что это был лишь сон героя. Таким образом, грань между реальностью и фантазией (сном, бредом, плодом измененного сознания) практически исчезает, и человек остается в ощущении неопределенности или, по Фрейдю, амбивалентности. Таким образом, из «апостола души» Достоевский в глазах западных авторов превратился в невротика.

В японской литературной критике ИК *Все герои Д., как и он сам, больные люди* также присутствует: «Большинство его персонажей – вне зависимости от времени написания произведения – это слабые, приниженные и больные люди. Общественное мнение оценивает таких болезненных, неудачливых, бессильных, а временами и ненормальных людей только отрицательно, но Достоевский ненасытно продолжал описывать их, находя в их характерах и образе жизни кипящие чувства, драматизм, сложность, богатство. Поскольку в этих персонажах был и он сам» [Накамура 2011: 14]. В качестве ключевых терминов при анализе мотивов поступков героев Достоевского Накамура использовал слова «эпилепсия», «шизофрения», «мазохизм» и «садизм». Показательна в данном отношении и монография японского психиатра Коуити Огино «Достоевский: искусство и патология» [Ogino 1971].

Основанные именно на данной ИК оценочные суждения выявляются при анализе восприятия творчества Достоевского современными иностранными учащимися, многие из которых, если не большинство, всерьез полагают, что Достоевский был больным, сумасшедшим, и через его произведения болезнь и жестокость переносятся на читателя. Причем часто этот стереотип сформирован еще до того, как сами учащиеся прочитали какие-нибудь произведения писателя. Данный аспект восприятия творчества Достоевского будет более подробно рассмотрен в нашей заключительной, четвертой статье.

Душевная болезнь Достоевского часто сочетается в критических работах с описанием его внешней непривлекательности и неловкости (например, П. Нори о внешности писателя: «Сомневаться не приходится: перед нами господин, имеющий самый неприглядный вид» [Нори 2024: 47], и этот же телесный «разлад» переносится на его героев. Истоки подобного «взгляда» находим еще у Вогюэ: «У него лицо русскаго крестьянина, настоящее лицо московскаго мужика: приплюснутый носъ, маленькіе, мигающіе глаза, блестящіе порою мрачнымъ, порою мягкимъ огнемъ, широкій изрытый выпуклостями и морщинами лобъ съ вдавленными, какъ бы молоткомъ, висками, и всѣ эти натянутыя, судоржныя черты опускались къ скорбно сложеннымъ губамъ. Я никогда не видалъ на человѣческомъ лицѣ подобнаго выраженія скопившихся страданій. Всѣ духовныя и Физическія страданія положили на немъ свой отпечатокъ» [Вогюэ 1887: 66]. Луи Аллен пишет: «Раскольников чувствует себя неловко в своем теле, не сживается с ним. В самом деле, Достоевский имел особое пристрастие к тем из своих героев, которые плохо ладили со своим телом. Он, наоборот, испытывал глубокую неприязнь, почти отвращение к тем людям, которые щеголяли своей физической си-

лой); «Отношение Достоевского к собственному телу становится объективным измерением действительности мира» [Аллен 1996: 24, 30]. И в этом проявляется общерусский тип: «В его понимании Востока и Запада, европеец, и точнее француз, противопоставляется именно русскому как тип, обладающий великолепно определенными формами, установленными раз и навсегда. Русский же наоборот никак не может подыскать себе подходящую форму, потому что “слишком богато и многосторонне одарен”» [там же: 26].

Еще одна ИК, которая выводится из текстов различных литературно-критических работ как на Западе, так и, правда, значительно реже на Востоке и в основе которого лежит искажение восприятия, – *Д. был развратником* – во многом основывается на стереотипном представлении иностранцев о России, согласно которому в каждом русском есть карамазовское начало – стремление к безудержному разврату, метания души между двумя безднами – идеалом содомским и идеалом Мадонны. Г. Гессе писал: «Уже пол-Европы, уже, по меньшей мере, половина Восточной Европы находится на пути к хаосу, мчится в пьяном и святом раже по краю пропасти, распевая пьяные гимны, какие пел Дмитрий Карамазов»; русский человек давно распространился в Германии, и он «не сводим ни к истерике, ни к пьянице или преступнику, ни к поэту или святому, он – совокупность этих свойств» (цит. по: [Пчёлкина 2021: 96]). Коити Итокава, анализируя роман «Бесы», упоминает слова С. Кузнецова «умиление, вызываемое слабостью другого, есть зачастую оборотная сторона садистической жестокости» и добавляет: «Де Сад и Достоевский здесь встречаются друг с другом». Чарльз Буковски: «Мой Достоевский – бородатый, тучный чувак с темно-зелеными таинственными глазами <...>. Даже представляю Достоевского страждущим маленьких девочек». С. Цвейг описывает жизнь Достоевского следующим образом: «Сибирь, каторга, эпилепсия, нищета, бешеный азарт, сладострастие – все эти ужасы его существования, благодаря сверхъестественной силе переоценки, становятся плодотворными для его искусства»; «Он любит свои пороки, свою болезнь, игру, свою злобу и даже сладострастие, потому что оно является метафизикой плоти, – это желание бесконечного наслаждения <...>. Достоевский стремится к дионисийскому идеалу»; «Кто создал Федора Карамазова <...>, тот сам должен был пережить самые низкие формы чувственности, ибо необходимо духовно любить разврат»; «Бог и зверь уживаются рядом в одном теле» (цит. по: [Феномен Достоевского 2019: 204, 211–213]). По замечанию того же автора, Кириллов, Шатов, Раскольников, И. Карамазов «играют, пьют, развратничают... с фанатическим иступлением. Скорбь гонит их к пороку... Они пьют не ради удовольствия и крепкого сна, как немцы, а ради самого опьянения, ради забвения своего безумия...» [там же: 225]). При этом, если вспомнить произведения Достоевского, то можно сильно удивиться, ведь чаще всего эти склонные к рефлексии персонажи пьют... чай. Очевидно, что здесь оказывает свое влияние известный стереотип *Все русские пьяницы и развратники*⁴ и ИК творчества Достоевского *Все герои Д. охвачены безумием и развратом*. В китайской литературной критике мы не обнаружили такой ИК, а вот у японского писателя, Акутагавы Рюноскэ, высоко чтившего Достоевского и во многом ему подражавшего, в письмах и эссе схожая ИК просматривается (см. [Акутагава 1992]). Иначе, наверное, и невозможно: мать Акутагавы страдала

⁴ Ср. высказывание южнокорейского композитора Чонг Бобби: «В последнее время из-за климатических изменений в Сеуле зима иногда бывает холоднее, чем в Москве. Если в такой зимний морозный вечер я, напившись водки, вернусь домой и усну, читая роман Достоевского, может быть, мне тоже будет сниться такой же сон, какой и русским» (цит по: [Багно 2021: 11]).

психическим заболеванием, и, когда будущему писателю исполнилось 8 месяцев, ее положили в психиатрическую лечебницу, сам же Акутагава в возрасте 35 лет покончил с собой.

Обозначенные выше ИК, на наш взгляд, свидетельствуют об общем механизме человеческого мышления, который заключается в стремлении свести большой объем информации к некоторой понятной формуле. Именно этим объясняется частая попытка стереть границы между различными текстами Достоевского и анализировать не образ конкретного героя конкретного произведения, а некий собирательный образ – преступника, жертвы, женщины и др.

Наконец отметим ИК, которая фиксируется только в текстах литературно-критических работ, – *Д. азиатский писатель*. Например, Г. Гессе видел в творчестве Достоевского «возвращение к праматери, возвращение в Азию». С точки зрения Гессе, через возвращение к азиатским корням можно преодолеть «закат» Европы, и Достоевский как носитель этого знания может дать новый свод ценностей, новую мораль (еще раньше Ницше писал о том, что Достоевский способен «утолить жажду, которой томится Европа»). Гессе убежден, что Россия Достоевского может научить европейцев усвоить «пассивные», «азиатские добродетели» (цит. по: [Пчёлкина 2021: 95]).

С этой точки зрения интересны размышления самого Достоевского о том, что «русский не только европеец, но и азиат <...>, если есть один из важнейших корней, который надо бы у нас оздоровить, так это именно взгляд наш на Азию. Надо прогнать лакейскую боязнь, что нас назовут в Европе азиатскими варварами и скажут про нас, что мы азиаты еще более чем европейцы» [Достоевский 1984: 33]. Вообще, стремление включить или исключить из своего культурного поля Достоевского, признать или не признать его западным или каким-либо еще писателем, – наиболее «подвижная» ИК. Являясь эмблемой русского мира, Достоевский часто выступает как маркер мирового социокультурного фона.

Отличительной особенностью многих литературно-критических работ о Достоевском является то, что их авторы стремятся, в меру своих возможностей, т. е. в большинстве случаев читая Достоевского в переводах, анализировать язык писателя. Помимо названных выше групп ИК выделим еще одну – ‘О языке Достоевского’, к которую входит, например, ИК *Для текстов Д. важен ритм*. Так, С. Цвейг: писал: «Весь характер героя у Достоевского – в ритме его речи. И это сгущение характеристики обычно достигается в его гениальной интуиции какой-нибудь мелкой деталью, нередко одним словом» [Цвейг: URL]. К этой же группе можно также отнести ИК *Д. гений, который писал плохо*, выводимую из следующих оценочных высказываний: Э. Хемингуэй: «Я вот думал о Достоевском, – сказал я [автор]. – Как может человек писать так плохо, невероятно плохо, и вызывать у тебя такие сильные чувства?» [Хемингуэй 2011: 138]; А. Жид (о письмах Достоевского): «Достоевский, так прекрасно умеющий говорить от чужого лица, затрудняется, когда ему надо говорить от своего лица; кажется, что мысли ложатся под его перо не одна за другой, а одновременно, или что, подобно тем “ветвистым ношам”, о которых говорил Ренан, они царапают его, пока он извлекает их на свет, и за все цепляются по дороге <...>. Достоевский <...> пишет здесь, как попало, должно быть, ничего не вычеркивая, но постоянно перебивая самого себя, стараясь сказать как можно скорее, на самом деле бесконечно затягивая» [Жид 1994:11]; П. Нори: «Достоевский, когда-то самый обычный студент, позднее, в июне 1845 года [изд. «Бедные люди»], в одночасье превратившийся в Фёдора Михайловича Достоевского, довольно скоро,

уже в 1846 году [изд. «Господин Прохарчин», «Двойник»], снова стал заурядным писателем и, вероятно, так и остался бы, если бы 22 декабря 1849 года с ним не произошло очень странное событие» [Нори 2024: 142].

В статье мы ничего не сказали о латиноамериканской достоевистике, имеющей, безусловно, свои традиции, в основном в Бразилии, Мексике и Аргентине, где Достоевский – один из самых любимых русских писателей, оказавший несомненное влияние на национальную литературу, чем и определяется основное направление исследований латиноамериканских ученых – проблема сопоставления творчества Достоевского с национальными писателями и проблема перевода текстов Достоевского на испанский и португальский языки. Что касается ИК, которые можно выделить в трудах латиноамериканских ученых, то они в целом, как нам представляется, сформированы под влиянием французской школы (см., например, работы Лауры Перес Дьятто, Алехандро Ариэля Гонсалеса, Жорди Морильяса, Паулу Безерра, Фатимы Бьянки и др.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы вовсе не претендуем на то, чтобы в одной статье на материале зарубежной достоевистики выявить все ИК восприятия творчества Достоевского, однако в целом можем предположить, что обнаруженные нами ИК характерны для большей части литературно-критических работ иностранных ученых. К ним относятся следующие: *Произведения Д. – результат его отчаяния; Мотив самоубийства пронизывает всё творчество и жизнь Д.; Слишком сложно для понимания носителем иной культуры; Гениальный писатель; Человек – главная тема творчества Д.; Познал истину; Д. – борец за справедливость, социальное равенство; Все герои Д., как и он сам, больные люди* и др. О Достоевском писали и продолжают писать очень много, однако в основе написанного, за исключением некоторых деталей, лежит довольно ограниченный перечень общих идей. Нарращивание смыслов, интерпретаций, фантазий в некоторых случаях привлекательно, забавно, интересно, только при этом не могут не возникнуть вопросы «А что дальше?», «Какую научную ценность всё это представляет?» и «А где новые идеи, где новые интерпретационные константы?». Впрочем, то же можно сказать не только о достоевистике, но и практически о любой гуманитарной области – философии, социологии, истории... Современное состояние гуманитарной науки характеризуется, по всей видимости, дефицитом концептуального мышления – не в психиатрическом его понимании (хотя иногда и в таком), но – в отсутствии новых оригинальных теорий.

ЛИТЕРАТУРА

Гурьянова А.М., Синегубова К.В. Интернет-мемы как индикатор прочтения произведений Ф. М. Достоевского // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. № 1: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-memy-kak-indikator-prochteniya-proizvedeniy-f-m-dostoevskogo> (дата обращения: 20.04.2026).

Достоевский в Германии (1846–1921). Обзор В.В. Дудкина и К.М. Азадовского // Ф.М. Достоевский: новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 659–740.

Достоевский во Франции: защита и прославление русского гения. 1942–2021 / Под ред. С.Л. Фокина. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 432 с.

Кривицын А.Б. Достоевский в Германии XX века. Часть первая // Образовательный портал СЛОВО: <https://portal-slovo.ru/philology/46345.php> (дата обращения: 25.02.2026).

Потёмкина Е.В., Ружицкий И.В. Достоевский в восприятии носителя иной культуры: интерпретационные константы. Статья 2. Особенности рецепции произведений Ф.М. Достоевского, отраженные в зарубежном кинематографе и театре // *Stephanos*. 2024. № 5(67). С. 26–48.

Пчёлкина С.Ю. Герман Гессе: «Карамазовщина» как духовный исход европейской культуры // *Центр и периферия*. № 1. 2021. С. 94–97.

Ружицкий И.В., Потёмкина Е.В. Достоевский в восприятии носителя иной культуры: интерпретационные константы. Статья 1. Прологомены // *Stephanos*. 2024. № 3(65). С. 15–26.

Феномен Достоевского: западные исследования творчества писателя. М.: Фонд «Мир»: Академический проект, 2019. 720 с.

Фокин П.Е. Европа знакомится с Достоевским: из истории переводов произведений русского писателя // *Философские письма. Русско-европейский диалог*. 2021. Т. 4. № 3. С. 64–78.

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

Акутагава Р. Слова пигмея: Рассказы. Воспоминания. Эссе. Письма. М.: Прогресс, 1992. 592 с.

Аллен Л. Ф.М. Достоевский. Поэтика. Мироощущение. Богоискательство. СПб.: Изд-во «Logos», 1996. 176 с.

Аполлонио К. Секреты Достоевского: чтение против течения. СПб.: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. 320 с.

Багно В.Н. Достоевский: вступая в третье столетие (взгляд изнутри на взгляд со стороны) // *Русская литература*. 2021. № 3. С. 5–11.

Брежнев А. Ницше о Достоевском. Из писем базельского профессора: <https://proza.ru/2025/10/31/1425> (дата обращения: 08.05.2026).

Вогюэ Э.-М. де. Русские писатели. Толстой – Тургенев – Достоевский. М.: Изд-е В.Н. Маракуева, 1887. 73 с.

Геригк Х.-Ю. Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых». СПб.: Изд-во Пушкинского дома; Нестор-История, 2016. 320 с.

Гессе Г. Братья Карамазовы, или Закат Европы // *Письма по кругу: художественная публицистика*. М.: Прогресс, 1987. С. 104–115.

Джексон Р.Л. Завещание Достоевского. М.: КМК Ltd. 1995. 30 с.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 18: Статьи и заметки. Л.: Наука, 1978. 372 с.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 22: Дневник писателя 1876. Январь-апрель. Л.: Наука, 1981. 407 с.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 27: Дневник писателя 1881. Автобиографическое. Dubia. Л.: Наука, 1984. 410 с.

Достоевский глазами литературного Запада // *Новый мир*. 1981. № 10. С. 218–233.

Жид А. Достоевский. Томск: Водолей, 1994. 288 с.

Русская классика: pro et contra. Между Востоком и Западом: антология / Сост. Л.В. Богатырёва и др. СПб.: РХГА, 2018. 1072 с.: <https://russianway.rhga.ru/section/katalog/russkaya-klassika-pro-et-contra-mezhdu-vostokom-i-zapadom.html> (дата обращения: 10.05.2026).

Итокава К. Фёдор Достоевский: Преодоление самоочевидностей. М.: Макс Пресс, 2000. 102 с.

Конрад Дж. Письма // Иностранная литература. 2000. № 7: <https://magazines.gorky.media/inostran/2000/7/pisma.html> (дата обращения: 25.02.2026).

Морильяс Ж. Русский герой на аргентинской земле. Восприятие, влияние и переводы Ф.М. Достоевского в Аргентине // Литература двух Америк. 2021. № 11: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-geroy-na-argentinskoj-zemle-vospriyatie-vliyanie-i-perevody-f-m-dostoevskogo-v-argentine> (дата обращения: 10.05.2026).

Мошковский А. Альберт Эйнштейн. Беседы с Эйнштейном о теории относительности и общей системе мира. М.: Работник просвещения, 1922. 210 с.

Накамура К. Чувство жизни и смерти у Достоевского. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буладин», 1997. 328 с.

Ницше Ф. Антихрист. Ессе Номо. Сумерки идолов. М.: Изд-во АСТ, 2019. 352 с.

Накамура К. Словарь персонажей произведений Ф.М. Достоевского. СПб.: Гиперион, 2011. 400 с.

Нори П. Невероятная жизнь Ф.М. Достоевского. Всё еще кровоточит. М.: АСТ, 2024. 352 с.

Папа Римский процитировал Достоевского // Редакция портала «Русский мир». 14.11.2022: <https://russkiymir.ru/news/307320/> (дата обращения: 07.05.2026).

Рехо К. Русская классика и японская литература. М.: Художественная литература, 1987. 354 с.

РИА Новости: <https://ria.ru/20250707/dostoevskiy-2027641846.html> (дата обращения: 26.02.2026).

Смит Э., Бабяшкина А. Зэди Смит: «Действие следующего моего романа будет разворачиваться в Москве» (интервью) // Читаем вместе. 2019. № 9. С. 18–20.

Фридлендер Г.М. Эстетика Достоевского // Достоевский – художник и мыслитель. М.: Художественная литература, 1972. 690 с.

Хемингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой. М.: АСТ: Астрель, 2011. 286 с.

Цвейг С. Три мастера. Триумф и трагедия Эразма Роттердамского. М.: Республика, 1992: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/istoriya/427741-40-stefan-cvejg-tri-mastera-triumf-i-tragediya-erazma-rotterdamского.html> (дата обращения: 10.05.2026).

Эвальд В.Д. Ф.М. Достоевский в зарубежных научных исследованиях XXI века // ДМКФ. 2023. № 2(22): <https://cyberleninka.ru/article/n/f-m-dostoevskiy-v-zarubezhnyh-nauchnyh-issledovaniyah-xxi-veka> (дата обращения: 26.02.2026).

Ялом И.Я. Экзистенциальная психотерапия. М.: Независимая фирма «Класс», 1999. 576 с.

Biange Zh. *Sovremennye inostrannye uchyonye o Dostoevskom: monografiya*. Beijing: Peking University Press, 2014. 370 p.

Ghidini M.C. Luigi Lugiatò's «Madmen, deranged, criminals»: Dostoevsky and Italian Psychiatry after Cesare Lombroso // *Studies in East European Thought*. 2024. № 77(5). P. 981–997.

Lekeš P. Experts on the Human Soul: Fyodor Dostoyevsky and Lyudmila Petrushevskaya [Знатоки души человеческой: Федор Достоевский и Людмила Петрушевская] // *Tudia Rossica Posnaniensia*. 2024. Vol. XLIX/2. P. 43–57: <https://doi.org/10.14746/strp.2024.49.2.3>

Lombroso C. *The Man of Genius*. London: Walter Scott, 1891. 370 p.

Lombroso C. *L'uomo delinquente in rapporto all'antropologia, alla giurisprudenza ed alla psichiatria*. Milano: Bompiani, 2013. 2176 p.

Ogino K. *Dosutoefusukii: Geijutsu to Byōri*. Tokio: Kinno-hoshi sha, 1971. 230 с.

Сведения об авторах:

Екатерина Владимировна Потёмкина,
кандидат пед. наук
ст. преподаватель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ekaterina V. Potemkina,
PhD
Senior Lecturer
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
kpisareva@yandex.ru

Игорь Васильевич Ружицкий,
доктор филол. наук
доцент
Институт русского языка
имени В.В. Виноградова РАН

Igor V. Ruzhitsky,
Doctor of Philology
Associate Professor
The V.V. Vinogradov Russian Language
Institute RAS
konnitie@mail.ru

УДК 82.09:821.222.8

М.Х. Неъматзода (Худжанд, Республика Таджикистан)

Лингвистическая диффузия как механизм поэтической преемственности: Хайям и Лоик Шерали

Аннотация: Статья посвящена сравнительному лингвистическому анализу рубаи Умара Хайяма (XI–XII вв.) и поэзии Лоика Шерали (1941–2000) в аспекте поэтической преемственности и межтекстового диалога. На материале «Куллиёт» Лоика (Душанбе, 2008) и оригинальных текстов Хайяма на фарси выявлен и описан механизм «лингвистической диффузии» – особого приема, при котором архаичный синтаксис и устойчивые формульные конструкции классической персидско-таджикской традиции сохраняются в качестве структурной оболочки, однако последовательно наполняются принципиально иным – социальным, национальным и народно-бытовым – содержанием. Показано, что Лоик Шерали целенаправленно переориентирует хайямовскую метафору с вертикальной оси (Человек – Бог – Рок) на горизонтальную (Человек – Народ – Мать – Земля), осуществляет демократизацию лексики и синтаксиса аруза, последовательно вводит в пространство высокой поэзии диалектизмы и народно-разговорные элементы (омоч, кунчи сандалй, нони халол), ранее не имевшие поэтического статуса. Анализ лексической стратиграфии текстов выявил принципиальное расхождение двух поэтических систем: если у Хайяма арабская философская терминология формирует герметичное пространство ученой словесности, то у Лоика разговорно-диалектный пласт становится инструментом демократизации национальной поэтической традиции. Исследование метафорических систем показало, что одни и те же лексические единицы (зарра, хок, нон) кардинально меняют семантический вектор: у Хайяма они маркируют экзистенциальное ничтожество человека перед Космосом, у Лоика – плодородие, народную силу и национальную идентичность. Сопоставительный анализ синтаксических формул (жалоба на молодость, формула ухода, обращение к могиле) демонстрирует устойчивую закономерность лингвистической диффузии: хайямовская форма сохраняется, содержание перекодируется. Сделан вывод о том, что язык Лоика Шерали формируется как «голос нации» именно через опору на хайямовский код, а не вопреки ему: классическая форма обеспечивает авторитет и весомость, народная лексика – открытость и всеобщую доступность.

Ключевые слова: персидско-таджикская поэзия, рубаи, Хайям, Лоик Шерали, лингвистическая диффузия, лексическая стратиграфия, метафора, аруз, демократизация стиля, народно-разговорные элементы, постсоветская поэзия

Linguistic Diffusion as a Mechanism of Poetic Continuity: Khayyam and Loiq Serali

Abstract: The article presents a comparative linguistic and stylistic analysis of the rubaiyat of Omar Khayyam (11–12 centuries) and the poetry of Loiq Serali (1941–2000) in the context of poetic continuity and intertextual dialogue. Drawing on the material of Loiq’s “Kulliyot” (Dushanbe, 2008) and the original Persian texts of Khayyam, the study identifies and describes the mechanism of “linguistic diffusion” – a specific technique whereby the archaic syntax and stable formulaic constructions of the classical Persian-Tajik tradition are preserved as a structural framework, yet are consistently filled with fundamentally different – social, national, and vernacular – content. It is demonstrated that Loiq Serali deliberately reorients the Khayyamic metaphor from the vertical axis (Man – God – Fate) to the horizontal (Man – People – Mother – Earth), democratizes the lexicon and syntax of aruz, and systematically introduces dialectalisms and colloquial elements (omoch, kunj-i sandali, noni halol) into the space of high poetry – elements that had previously held no poetic status. Analysis of the lexical stratigraphy of the texts reveals a fundamental divergence between the two poetic systems: whereas Khayyam’s Arabic philosophical terminology creates a hermetic space of learned discourse, Loiq’s colloquial and dialectal layer becomes an instrument for democratizing the national poetic tradition. The study of the metaphorical systems demonstrates that the same lexical units (zarra, khok, non) undergo a radical shift in semantic vector: in Khayyam they mark the existential insignificance of man before the Cosmos, while in Loiq they signify fertility, popular strength, and national identity. A contrastive analysis of syntactic formulas (the lament over youth, the formula of departure, the address to the grave) reveals a consistent pattern of linguistic diffusion: the Khayyamic form is preserved while the content is recoded. The conclusion is drawn that the language of Loiq Serali emerges as the “voice of the nation” precisely through its reliance on the Khayyamic code rather than in opposition to it: the classical form provides authority and weight, while the vernacular lexicon ensures openness and universal accessibility.

Keywords: Persian-Tajik poetry, rubaiyat, Khayyam, Loiq Serali, linguistic diffusion, lexical stratigraphy, metaphor, aruz, democratization of style, colloquial elements, post-Soviet poetry

1. ВВЕДЕНИЕ

Персидско-таджикская поэтическая традиция насчитывает более тысячи лет. За это время она пережила несколько крупных трансформаций – не разрывов, а именно переосмыслений. Рудаки заложил основу, Хайям довел форму рубаи до философского совершенства, Хафиз насытил ее суфийской образностью. Каждый следующий крупный поэт не отвергал предшественников – он их перекодировал.

Лоик Шерали (1941–2000) – последний из этой линии, кто произвел подобную трансформацию в масштабе, значимом для национальной идентичности. Он работал в советском Таджикистане, в условиях языковой и культурной политики, которая, с одной стороны, поддерживала «народность» литературы, а с другой – размывала связь живого таджикского языка с классической традицией. Лоик ответил на это двойным движением: взял язык народного быта и поднял его до высокой поэзии, одновременно взяв синтаксис Хайяма и наполнив его социальным содержанием [23].

Эта стратегия остается недостаточно изученной в категориях лингвостилистики. Работы таджикских филологов [Отахонов 1985; Алавӣ 2008] описывают отдельные аспекты языка Лоика, но не рассматривают систематически механизм его взаимодействия с хайямовским кодом [1; 13]. Настоящая статья восполняет этот пробел через анализ четырех параметров: лексической стратиграфии, эволюции метафоры, метрико-синтаксической демократизации и явления, которое мы обозначаем термином «лингвистическая диффузия». Изучение народно-разговорных элементов в таджикской поэзии позволяет раскрыть механизмы формирования национальной поэтической идентичности [23; 22].

Материалом для исследования стали поэтические тексты Умара Хайяма на фарси [28] и поэзия Лоика Шерали по изданию: *Лоиқ Шерали*. Куллиёт. Чилди 1. Ашёр. Душанбе: Адиб, 2008. 560 с. (далее: Куллиёт с указанием страницы) [7].

2. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование строится на трех методах. Первый – лексическая стратиграфия (термин введён в персидскую лексикологию М. Моином [10]): послойный анализ словарного состава текстов с разграничением арабских заимствований, исконно персидско-таджикской лексики, диалектизмов и архаизмов. Второй – контрастивный анализ метафорических систем с опорой на семиотический подход Ю. М. Лотмана к художественному тексту как системе перекодирований [8]. Третий – сравнительный синтаксический анализ метрических и интонационных структур с привлечением стиховедческих критериев М. Л. Гаспарова [4].

Для выявления «лингвистической диффузии» применяется метод параллельного чтения: хайямовская формула сопоставляется с текстом Лоика на уровне синтаксиса, образной системы и семантики ключевых слов. Данный подход позволяет рассматривать поэтику сравнения и стилистические механизмы в их системном единстве [13].

3. РЕЗУЛЬТАТЫ

Лексическая стратиграфия. Персидская поэзия XI–XII веков формировалась в условиях арабо-исламского культурного доминирования. По подсчётам иранского лексикографа Мохаммада Моина, в классических персидских текстах XI–XII веков доля арабских заимствований достигает 40–60% лексического состава [5, т. 1, с. 14–17]. Хайям не исключение – его рубаи насыщены арабскими философскими терминами: акл (разум), вучуд (бытие), фалак (небосвод, рок), қазо (предопределение), ҳикмат (мудрость), адам (небытие). Каждый такой термин маркировал принадлежность текста к учёной традиции, делая его герметичным для неподготовленного читателя.

Возьмем рубаи о мошке:

یک قطره آب بود با دریا شد یک ذره خاک با زمین یکتا شد آمد شدن تو در جهان چون بود؟ آمد مگسی پدید و ناپیدا شد

(Капля воды слилась с морем, пылинка с землей соединилась. Каков же был твой приход и уход в этот мир? Явилась мошка – и исчезла.)

Қатра (капля), зарра (пылинка), ҷаҳон (мир) – все три арабского происхождения. Даже описывая ничтожно простое, Хайям облакает это в арабскую онтологическую рамку.

Лоик двигался в противоположном направлении. По наблюдениям Отахонова, около 35% лексики Лоика в сборниках 1966–1979 гг. составляют слова разговорно-диалектного происхождения, ранее не зафиксированные в поэтических тек-

стах [13: 47]. Он работал с пластом, который литературная традиция считала недостойным высокой поэзии. Коллоквиальные лексические единицы несут особую функцию: они сигнализируют о принадлежности автора к народной традиции и одновременно возводят эту традицию в ранг высокой поэзии [27].

«Кунчи сандалӣ» – угол у сандали, традиционного таджикского отопительного стола с жаровней. До Лоика это выражение существовало только в бытовой речи горных районов. В поэме «Ба модарам» [7: 264] оно открывает текст, сигнализируя читателю:

Ба кунчи сандалӣ биншаста шабҳо, модари пирам,
Ту шояд чомаи домодӣ медӯзӣ ба сад нийат...

(Сидя ночами в углу у сандали, старая моя мать, ты, верно, шьешь свадебный наряд с сотней надежд...)

Открыть стихотворение диалектным бытовым выражением – поэтическое решение, а не небрежность. Лоик сигнализирует читателю: твой язык, язык твоего дома, твоей матери, достоин стихов. Аналогично работает слово «омоч» – деревянный плуг. В стихотворении «Дехқони хокпош» [7: 60–61] оно появляется пять раз и каждый раз приобретает новое смысловое измерение:

Ба омоче, ки мероси худоист, / Замини бандагиро карда шудгор... Зи даст омочро харгиз наьяфканд... Ба фасли чуфтронӣ ҳамчу омоч, / Ба хангоми дарав монанди дос аст.

(С плугом, что является Богом завещанным, вспахал он землю своего служения... Никогда не выпускал из рук плуга... В пору вспашки сам подобен плугу, в пору жатвы – серпу.).

Плуг становится мерой человека, его временем, его смыслом. Это то, что Лотман называл «возведением незначимого в ранг значимого» через включение в поэтический контекст [8: 131] (см. таблица № 1).

Таблица № 1.

Лексические «находки» Лоика и их поэтическая функция

Слово	Исходный пласт	До Лоика	Функция у Лоика
омоч	таджикский народный	агрономический быт	мера человека, символ творчества
кунчи сандалӣ	диалектный	бытовая речь	образ материнства, домашнего сакрального
испор	архаика	вышедший из употребления	наследие предков, связь поколений
шудгор	таджикский	технический термин	метафора культурной вспашки
нони ҳалол	арабо-таджикский	бытовой оборот	нравственная категория

Эволюция метафоры. Метафорика Хайяма устроена вертикально. Внизу – человек, вверху – Бог, Рок, Фалак. Между ними – пропасть. Центральные образы: кувшин как тело, гончар как Творец, вино как знание или жизнь. Формулы отработаны до философской чеканности:

ما لعبتکانيم و فلک لعبتباز از روی حقیقتی نه از روی مجاز

(Мы – куклы, а небосвод – кукловод, это истина, а не метафора.)

Или образ кувшина как прожитой жизни:

این کوزه چو من عاشق زاری بوده است در بند سر زلف نگاری بوده است

(Этот кувшин, как я, был влюбленным страдальцем, был опутан локонами красавицы.)

Формула замкнута: кувшин – человек, гончар – Бог, вино – жизнь. Метафора понятна только подготовленному читателю, знающему суфийскую символику.

Лоик разворачивает метафору на 90 градусов. Его образы строятся не по оси «человек – Бог», а по оси «человек – народ – мать – земля».

У Хайяма зарра (пылинка) – символ ничтожества человека перед Космосом. У Лоика та же зарра становится зерном жизни [7: 60]: «Нони хом аст ба ҳар зарраи хок, Даштҳо гӯй чу дастархонанд» – «Сырой хлеб – в каждой крупице земли, степи – словно расстеленные скатерти». Один и тот же лексикон, два противоположных вектора. Поэтика сравнения у Лоика выстроена принципиально иначе, чем у его классического предшественника [13].

Хлеб (нон) у Лоика работает как многоуровневый символ. В «Намаки халқ» [7: 134] он становится нравственной мерой поэта, в другом стихотворении [7: 111] вырастает до космического масштаба: «Нони тоҷикӣ чу қурси офтоб / Баҳри ин дунёи паҳно мерасад» – «Таджикский хлеб – как диск солнца доходит до этого широкого мира». Поэт и крестьянин уравниваются в своем труде – это горизонтальная этика народного единства (см. таблицу №2).

Таблица № 2.

Сравнение метафорических систем

Параметр	Хайям	Лоик
Ось метафоры	Вертикальная: Человек ↔ Бог / Рок	Горизонтальная: Человек ↔ Народ / Мать / Земля
Семантика хок	Прах смерти, небытие	Плодородие, наследие, Родина
Семантика зарра	Ничтожество человека	Зерно потенциальной жизни
Центральный образ	Кувшин, вино, гончар	Плуг, хлеб, земля, мать
Адресат	Образованный читатель	Весь народ
Философский вектор	Экзистенциальный	Социально-национальный

Метрико-синтаксическая демократизация. Классическое рубаи Хайяма строго выдержано в размере хазадж (схема мафъулу мафоилун мафоилун фаъ). Рифмовка – обязательная схема ААБА. Синтаксис чеканный, без обращений к читателю.

Лоик сохраняет музыкальность аруза, но взламывает его герметичность тремя способами. Первый – рефрен-обращение: в поэме «Ба модарам» [7: 264] каждая строфа завершается народным возгласом «Аё модар, аё модар!», превращая монолог в зов. Второй – прямое обращение к нации: в эпитафии «Куллиёт» [7: 5] религиозный термин «самти сучуд» (кибла) адресован не Богу, а народу – вертикаль перевернута в горизонталь прямо внутри хайямовской формы. Третий – свободное чередование длины строк, создающее ритм живой речи, а не метрического канона [4: 263]. Структурные модели диалога у Лоика перекликаются с принципами, исследованными в контексте таджикской мемуарной прозы [19].

4. ОБСУЖДЕНИЕ

Лингвистическая диффузия. Это наиболее сложный механизм. Лоик берет синтаксические формулы Хайяма, сохраняет их, но вливает в них радикально

иное содержание. Это не эпигонство и не пародия – это перекодировка, которую Сулейменов описывал как «диалог с предшественником через форму» [21: 89].

Сам Лоик прямо обозначает этот прием в «Ҷоми Хайём» [7: 419]: «Анбоне зи Рӯдакӣ ба дӯшам дорам, / Таҳҷуръаи Хайём ба сар бардорам» – «На плечах несу мешок наследия Рудаки, на голове держу чашу – последние капли – Хайяма. Пусть, как тропинки горного пояса моей родины, приведут они к большой дороге».

Диффузия первая: формула «прах → вечность». Синтаксис «когда умру → что останется» взят у Хайяма напрямую, но вместо метафизической пустоты – конкретная точка земли. Небытие заземлено буквально. **Диффузия вторая:** формула «жалоба на молодость». Хайямовское афсӯс и синтаксическая структура жалобы сохранены, но молодость уже не абстрактное вақт (время), а птица, сидящая на крыше конкретного дома. **Диффузия третья:** формула «смерть как уход». Хайям просит вина на свою могилу – личный экзистенциальный жест. Лоик просит похоронить его в «гӯри умумӣ» – общей могиле, что означает максимальное единение с народом [7: 418].

Народно-разговорные элементы, включенные в эти формулы, усиливают эффект демократизации [23; 22]. Социолекты и коллоквиальная лексика в таджикской литературной традиции, восходящей к творчеству Садриддина Айни, также демонстрируют подобный механизм включения народного слова в высокий поэтический регистр [22]. Исследование коллоквиальных словарей в поэзии Абдурахмана Джами показывает, что данная традиция имеет глубокие корни в классической персидско-таджикской поэзии [27] (см. таблицу № 3).

Таблица № 3.

Механизмы лингвистической диффузии

Хайямовский код	Содержание у Хайяма	Перекодировка у Лоика
Афсӯс + жалоба	Метафизическая потеря	Личная память в национальной истории
Хок (прах)	Небытие, смерть	Плодородие, Родина
Таҳҷуръаи Хайём	Мистическое вино знания	Культурное наследие для народа
Рубаи-форма ААБА	Монолог философа с Богом	Диалог поэта с нацией
Самти сучуд (кибла)	Направление к Богу	Направление к народу
Общая могила	Отсутствует	Растворение поэта в народной судьбе

5. ВЫВОДЫ

Лоик Шерали не отверг Хайяма. Он взял его синтаксис, его формулы, его музыку – и переориентировал их. Три выявленных механизма работают системно. Лексическая демократизация показала народу, что его слова – омоч, кунчи сандалӣ, нон – достойны поэзии. Это был одновременно языковой и культурный акт: в условиях советской языковой политики настаивать на ценности диалектной таджикской лексики значило настаивать на ценности самой таджикской идентичности. Лингвистическая специфика народно-разговорных элементов в таджикской поэзии постсоветского периода неотделима от этого историко-культурного контекста.

Метафорический поворот с вертикали на горизонталь создал новую систему ценностей. В центре – не индивидуальная душа перед Богом, а человек среди народа, с народом, ради народа. Социолекты и народно-разговорные элементы, введенные Лоиком в высокий стиль, стали инструментом этого поворота.

Лингвистическая диффузия обеспечила этому языку авторитет. Он укоренен в классике, а потому весом. И одновременно он обращен к каждому, а потому открыт. Именно это сочетание делает язык Лоика «голосом нации»: он говорит словами Хайяма, но о том, что понятно каждому таджику. Поэтика сравнения и структурные модели диалога, характерные для таджикской литературной традиции, органично вписываются в этот процесс. Коллоквиальная лексика в поэзии классиков персидско-таджикской традиции готовила почву для этой трансформации, однако именно Лоик придал ей системный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алавӣ Б.* Вступительная статья // Лоик Шерали. Куллиёт. Чилди 1. Ашъор. Душанбе: Адиб, 2008. С. 3–22.
2. *Бердиев Д.М.* Лоик Шерали и перевод поэмы «Хосров и Ширин» Григория Викторовича Птицына // Актуальные вопросы современной науки и практики: сб. науч. ст. по материалам XVI Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2024. С. 127–137.
3. *Бибихаво Ш.* Выражение любовной тематики в газелях Лоика Шерали // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2016. №4-6 (212). С. 196–200.
4. *Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика. М.: Наука, 1984. 319 с.
5. *Давлатов Ф.* Смысл и содержание газелей Лоика Шерали // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2013. №4-6 (122). С. 210–225.
6. *Лашкарбекова Г.Ш., Лашкарбекова М.Ш.* Фаъолияти тарҷумонии Лоик Шерали (бархе аз мулоҳизоти «Хосров ва Ширин»-и Г. Птитсин) // Паёми Донишкадаи омӯзгории Тоҷикистон дар ноҳияи Рашт. 2021. №2(6). С. 183–189.
7. *Лоик Шерали.* Куллиёт. Чилди 1. Ашъор / Мурат. Баҳриддин Алавӣ, Ромиш Лоикзода. Душанбе: Адиб, 2008. 560 с.
8. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
9. *Махкамова Г.* Оид ба вижагиҳои мутақод дар назми Лоик Шерали // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2009. №3(19). С. 51–57.
10. *Моин М.* Толковый словарь персидского языка. Т. 1. Техран: Амиркабир, 1992. 1142 с.
11. *Назарова М.С.* Националистическая поэзия и защита самосознания и самопожертвование Лоика Шерали // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2013. №4-5 (119). С. 221–225.
12. *Нуралӣ Н.* Устод Лоик Шерали ва шеъри ваҳдат дар адабиёти муосир // Вестник Педагогического университета. 2022. №6-2(101). С. 186–193.
13. *Отахонов Х.* Забон ва услуби Лоик Шерали [Язык и стиль Лоика Шерали]. Душанбе: Дониш, 1985. 180 с.
14. *Раджабов Б.М.* Лоик Шерали и особенности его писательской критики // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2019. №3(60). С. 94–100.
15. *Раджабов Б.М.* Лоик Шерали о литературе и литературной критике // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2016. №2(47). С. 147–152.

16. *Расулова З.Х.* Лоик Шерали в узбекских переводах (к проблеме сохранения своеобразия поэтического текста) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2023. № 1(79). С. 212–225.
17. *Рахимов Х.Б.* Место двустишия в творчестве Лоика Шерали // Вестник Педагогического университета. 2015. № 4(65). С. 146–150.
18. *Саидов Д.* Икбал и Лоик Шерали // Словесность. 2024. № 4-1(49). С. 133–145.
19. *Сатторзода А.* Лоик Шерали ва «шеъри холат» (чустор дар сабки фардии шоир) // Ахбори Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон. Шӯъбаи илмҳои ҷамъиятшиносӣ. 2019. № 4(258). С. 169–172.
20. *Сулаймонов М.Р.* Отражение природы в поэзии Лоика Шерали // Вестник Педагогического университета. 2015. № 4(65). С. 162–164.
21. *Сулейменов О.* Аз и Я: книга благонамеренного читателя. Алма-Ата: Жазушы, 1975. 304 с.
22. *Хакимова Ш.И.* Лексические синонимы и их применение в поэзии Лоика Шерали // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 2-5. С. 131–134.
23. *Хакимова Ш.И., Нематова М.Х.* Язык и стиль поэзии Лоика Шерали // Вестник Педагогического университета. 2020. № 3(86). С. 55–58.
24. *Хайётов Н.Г.* Лоик Шерали и его роль в развитии таджикской поэзии второй половины XX века: Дисс. ... канд. филол. наук. Худжанд: Худжандский государственный университет им. Б. Гафурова, 2011. 163 с.
25. *Хайётов Н.Г.* Лоик Шерали и его роль в развитии таджикской поэзии второй половины XX века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Худжанд: Худжандский государственный университет им. Б. Гафурова, 2011. 26 с.
26. *Хамидова Н.Ш.* Некоторые соображения о переводческой деятельности Лоика Шерали // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2019. № 1(78). С. 45–54.
27. *Ходжамуродов О.* Лоик Шерали и «новая поэзия» Ирана (постановка вопроса) // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2013. № 4-3(113). С. 182–184.
28. *Умар Хайям.* Рубоӣёт / Тарҷ. ва тасҳеҳи Садиқ Ҳидоят. Техрон: Амиркабир, 1980. 312 с.
29. *Шарофова Б.* Описание природы в любовной лирике Лоика Шерали // Вестник Педагогического университета. 2018. № 4(76). С. 188–192.
30. *Ashrapov B.P.* Morphological Peculiarities of the Tajik Prexoid ‘khush-’ in Tajik Literary Language Referring to the 18th Century // Stephanos. 2026. № 2(76). P. 45–53. DOI 10.24249/2309-9917-2026-76-2-45-53; EDN HSEJSP.
31. *Ashrapov B.P.* On the Issue of the Usage of Certain Tajik Interjections and Their English and Chinese Equivalents: A Comparative Pragmatic and Semantic Analysis // Stephanos. 2026. № 1(75). P. 20–27. DOI 10.24249/2309-9917-2026-75-1-20-27; EDN MFWABE.
32. *Ashrapov B.P.* Comparative Analysis of Semantico-functional and Morphological-syntactical Peculiarities of the Tajik Modal Particle *гӯё* and Its English Equivalents // Herald of Daghestan Scientific Center. 2025. № 97. P. 116–123. DOI 10.31029/vestdnc97/17; EDN ILISZV.
33. *Ashrapov B.P.* A Comparative Analysis of the Morpho-Syntactic Peculiarities of English Preposition *On* and Its Equivalents in Tajik and Chinese // Stephanos. 2025. № 3(71). P. 24–33. DOI 10.24249/2309-9917-2025-71-3-24-33; EDN FDSQYD.

REFERENCES

1. Alavi B. Introductory article. In: Loik Sherali. Complete Works. Vol. 1. Poems. Dushanbe. Adib Publ. 2008, pp. 3–22.
2. Berdiyev D.M. Loik Sherali and the Translation of Grigory Ptitsyn's Poem "Khosrow and Shirin". In: Current Issues of Modern Science and Practice: collection of scientific articles based on the materials of the XVI International Scientific and Practical Conference. Ufa. 2024, pp. 127–137.
3. Bibikhavo Sh. Expression of Love Themes in Loik Sherali's Ghazals. *Bulletin of the Tajik National University. Series of Philological Sciences*. 2016. No 4-6(212), pp. 196–200.
4. Gasparov M.L. (1984) An Outline of the History of Russian Verse: Metrics, Rhythmics, Rhyme, Strophics. Moscow. Nauka Publ. 319 p.
5. Davlatov F. Meaning and Content of Loik Sherali's Ghazals. *Bulletin of the Tajik National University. Series of Philological Sciences*. 2013. No 4-6(122), pp. 210–225.
6. Lashkarbekova G.Sh., Lashkarbekova M.Sh. Loik Sherali's Translation Activities (some observations on G. Ptitsyn's "Khosrow and Shirin"). *Bulletin of the Tajik Institute of Education in the Rasht District*. 2021. No 2(6), pp. 183–189.
7. Loik Sherali. (2008) Complete Works. Vol. 1. Poems / Comp. by Bahridin Alavi, Romish Loikzoda. Dushanbe. Adib Publ. 560 p.
8. Lotman Yu.M. (1970) The Structure of the Literary Text. Moscow. Iskusstvo Publ. 384 p.
9. Makhkamova G. On the Characteristics of Antithesis in Loik Sherali's Poetry. *Scientific Notes of Khujand State University named after Academician B. Gafurov. Series of Humanities and Social Sciences*. 2009. No 3(19), pp. 51–57.
10. Moin M. (1992) A Dictionary of Persian Language. Vol. 1. Tehran. Amirkabir Publ. 1142 p.
11. Nazarova M.S. Nationalist Poetry and Protection of Self-consciousness and Self-sacrifice of Loik Sherali. *Bulletin of the Tajik National University. Series of Philological Sciences*. 2013. No. 4-5(119), pp. 221–225.
12. Nurali N. Loik Sherali and the Poetry of Unity in Contemporary Literature. *Bulletin of the Pedagogical University*. 2022. No 6-2(101), pp. 186–193.
13. Otakhonov Kh. (1985) Language and Style of Loik Sherali. Dushanbe. Donish Publ. 180 p.
14. Rajabov B.M. Loik Sherali and Features of His Writer's Criticism. *Scientific Notes of Khujand State University named after Academician B. Gafurov. Series of Humanities and Social Sciences*. 2019. No 3(60), pp. 94–100.
15. Rajabov B.M. Loik Sherali on Literature and Literary Criticism. *Scientific Notes of Khujand State University named after Academician B. Gafurov. Series of Humanities and Social Sciences*. 2016. No 2(47), pp. 147–152.
16. Rasulova Z.Kh. Loik Sherali in Uzbek Translations (on the issue of preserving the distinctiveness of the poetic text). *University Bulletin (Russian-Tajik (Slavic) University)*. 2023. No 1(79), pp. 212–225.
17. Rakhimov Kh.B. The Place of the Couplet in the Works of Loik Sherali. *Bulletin of the Pedagogical University*. 2015. No 4(65), pp. 146–150.
18. Saidov D. Iqbal and Loik Sherali. *Philology*. 2024. No 4-1(49), pp. 133–145.
19. Sattorzoda A. Loik Sherali and "Poetry of the Mood" (a study of the poet's individual style). *News of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan. Department of Social Sciences*. 2019. No 4 (258), pp. 169–172.
20. Sulaymonov M.R. Reflection of Nature in the Poetry of Loik Sherali. *Bulletin of the Pedagogical University*. 2015. No 4(65), pp. 162–164.

21. Suleymenov O. (1975) *Az and Ya: A Book of a Well-Intentioned Reader*. Alma-Ata. Zhazushy. 304 p.
22. Khakimova Sh.I. Lexical Synonyms and Their Application in the Poetry of Loik Sherali. *Current Trends in the Development of Science and Technology*. 2017. No 2-5, pp. 131–134.
23. Khakimova Sh.I., Nematova M.Kh. Language and Style of Loik Sherali's Poetry. *Bulletin of the Pedagogical University*. 2020. No 3(86), pp. 55–58.
24. Khaiyotov N.G. (2011) *Loik Sherali and His Role in the Development of Tajik Poetry in the Second Half of the 20th Century: Dissertation*. Khujand. Khujand State University named after B. Gafurov Press. 163 p.
25. Khaiyotov N.G. (2011) *Loik Sherali and His Role in the Development of Tajik Poetry in the Second Half of the 20th Century: Abstract of the Dissertation*. Khujand. Khujand State University named after B. Gafurov Press. 26 p.
26. Khamidova N.Sh. Some Considerations on the Translation Activity of Loik Sherali. *Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanities*. 2019. No 1(78), pp. 45–54.
27. Khojamuradov O. Loik Sherali and “New Poetry” of Iran (statement of the problem). *Bulletin of the Tajik National University. Series of Philological Sciences*. 2013. No 4-3(113), pp. 182–184.
28. Omar Khayyam. (1980) *Rubaiyat / Transl. and ed. by Sadiq Hedayat*. Tehran. Amirkabir Publ. 312 p.
29. Sharofova B. Description of Nature in Loik Sherali's Love Lyrics. *Bulletin of the Pedagogical University*. 2018. No 4(76), pp. 188–192.
30. Ashrapov B.P. Morphological Peculiarities of the Tajik Prexoid ‘khush-’ in Tajik Literary Language Referring to the 18th Century. *Stephanos*. 2026. No 2(76), pp. 45–53. DOI 10.24249/2309-9917-2026-76-2-45-53; EDN HSEJSP.
31. Ashrapov B.P. On the Issue of the Usage of Certain Tajik Interjections and Their English and Chinese Equivalents: A Comparative Pragmatic and Semantic Analysis. *Stephanos*. 2026. No 1(75), pp. 20–27. DOI 10.24249/2309-9917-2026-75-1-20-27; EDN MFWABE.
32. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Semantico-functional and Morphological- syntactical Peculiarities of the Tajik Modal Particle *r̄yē* and Its English Equivalents. *Herald of Daghestan Scientific Center*. 2025. No 97, pp. 116–123; DOI 10.31029/vestdnc97/17; EDN ILISZV.
33. Ashrapov B.P. A Comparative Analysis of the Morpho-Syntactic Peculiarities of English Preposition *On* and Its Equivalents in Tajik and Chinese. *Stephanos*. 2025. No 3(71), pp. 24–33. DOI 10.24249/2309-9917-2025-71-3-24-33; EDN FDSQYD.

Сведения об авторе:

Мукаддас Хабиб Немамзода,
кандидат филол. наук
доцент, декан инженерно-педагогического
факультета Джабборрасуловского района
Худжандский государственный университет
имени академика Б. Гафурова

Muqaddas Kh. Nematzoda,
PhD
Associate Professor, Dean of the Engineering-
Pedagogical Faculty of Jabborrasulov District
Khujand State University named
after Academician B. Gafurov

babay12082022@mail.ru

Д.А. Рашидова (Худжанд, Республика Таджикистан)

Лингвистические и стилистические трудности перевода макам Бади аз-Замана аль-Хамадани

Аннотация: В статье анализируются основные лингвистические и стилистические трудности, возникающие при переводе арабских макам Бади аз-Заман аль-Хамадани на английский язык. Особое внимание уделяется передаче культурно-специфических элементов, а также проблемам сохранения формы и смысла оригинального текста. Рассматриваются переводческие техники и стратегии, применяемые для решения возникающих задач. На основе сравнения оригинала и перевода выявляются наиболее сложные моменты и предлагаются рекомендации по улучшению качества переводов данного жанра.

Ключевые слова: макама, перевод, лингвистические трудности, стилистика, культурно-специфические элементы, адаптация, эквивалент

D.A. Rashidova (Khujand, Tajikistan Republic)

Linguistic and Stylistic Difficulties in Translating the Maqam of Badi az-Zaman al-Hamadani

Abstract: The given article dwells on the main linguistic and stylistic difficulties arising in the translation of Arabic Maqamat of Badi Zaman al-Hamadani into English. Special attention is paid to the transmission of culture-specific elements, as well as the challenges of preserving the form and meaning of the original text. Translation techniques and strategies used to solve emerging problems are examined. Based on the comparison of the original text and its translation, the most challenging aspects are identified and recommendations for improving the quality of translations in this genre are provided.

Key words: maqama, translation, linguistic difficulties, stylistics, culture-specific elements, adaptation, equivalence

1. ВВЕДЕНИЕ

Макама – один из древнейших жанров арабской литературы, который сочетает в себе элементы поэзии и прозы, отличается своеобразной рифмованной прозой и стилистической изощренностью. Бади аз-Заман аль-Хамадани считается основоположником этого жанра, и его произведения до сих пор являются объектом

изучения и перевода. Перевод макама с арабского на английский язык сопряжен с множеством сложностей, обусловленных как лингвистическими, так и культурными различиями между арабским и английским языками и соответствующими культурами [4; 5].

Цель данной статьи – выявить и проанализировать основные лингвистические и стилистические трудности, возникающие при переводе макама Бади аз-Заман аль-Хамадани на английский язык, а также рассмотреть применяемые переводческие стратегии и техники.

2. ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Перевод художественной литературы требует особого подхода, так как он должен сохранять не только смысл, но и форму, стиль, культурные особенности и эмоциональную окраску оригинала. Согласно классификации Винай и Дарбелен, существуют семь основных техник перевода: буквальный перевод, заимствование, калькирование, транспозиция, модуляция, эквивалент и адаптация [9]. Выбор техники зависит от конкретных трудностей, встречающихся в тексте.

Лоуренс Венути выделяет стратегии доместикации и очуждения. Доместикация представляет собой переводческую стратегию, ориентированную на адаптацию текста к языковым нормам и культурным установкам целевой аудитории, что способствует облегчению восприятия, однако может приводить к частичной утрате культурной специфики оригинала. Очуждение, напротив, предполагает сохранение культурно маркированных и иноязычных элементов исходного текста, обеспечивая передачу его аутентичности, но потенциально усложняя понимание для читателя [3; 6; 8].

Макама – жанр арабской литературы, сочетающий черты прозы и поэзии и характеризующийся использованием рифмованной прозы (садж‘) и параллелизма. Данный жанр отличается высокой степенью стилистической маркированности, включающей лексическую игру, аллитерацию, развернутую метафорику и синтаксическую усложненность. Сохранение указанных особенностей при переводе на английский язык представляет собой значительную переводческую проблему. Особенность макама – рифмованная проза и использование параллельных конструкций, которые создают особую музыкальность и ритм, что практически невозможно полностью передать на английском языке из-за различий в синтаксисе и стилистике [2; 7].

Одной из главных лингвистических проблем является передача религиозной и культурной лексики, уникальной для исламской и арабской культур. Например, слово «امام» (имам), обозначающее религиозного лидера мусульманской общины, не имеет точного эквивалента в английском языке. В данном случае переводчик применяет стратегию очуждения: термин «Imam» переносится в целевой язык без изменений, что позволяет сохранить культурную специфику исходного текста [1: 47; 7: 125]. Такая практика позволяет сохранить культурную специфичность текста, однако требует от читателя дополнительного культурного знания.

Другим примером служит передача терминов, связанных с молитвенными обрядами. Так, арабское слово «ركوع» переведено как «bowing», что точно передает смысл, однако другое слово «سجود» было переведено как «prostration», что вызывает неоднозначность. В английском языке «prostration» подразумевает положение лежа лицом вниз, что ближе к слову «سجود», но переводчик мог использовать пояснения или сноски, чтобы избежать потери смысла [2: 198; 7: 132].

Кроме того, синтаксическая структура арабского языка, богатого инверсией и сложными конструкциями, отличается от английской прямой структуры. Для передачи смысла часто применяется транспозиция – перестановка слов и фраз, что улучшает понимание, но может изменить ритм и стиль [9: 112]. В частности, сохранение параллелизма, присущего макамам, оказывается особенно сложной задачей.

Передача рифмованной прозы и музыкальности оригинала является одной из наиболее сложных задач. Английский язык не обладает сходной системой рифмованной прозы, поэтому переводчик вынужден делать выбор между сохранением формы и точностью смысла. Как правило, приоритет отдается передаче смысла, что приводит к потере художественных особенностей [7: 133; 8: 85].

Стиль макам также насыщен аллитерациями, параллелизмами и игрой слов, что создает дополнительную сложность. Многие из этих приемов имеют культурные корни и не имеют аналогов в целевой культуре. Переводчик пытается компенсировать их с помощью комментариев и сносок, но полноценная передача стилистики остается ограниченной [1: 51]. Это снижает эстетическую ценность перевода и влияет на восприятие произведения целевой аудиторией.

Переводчик использует комплекс техник, включая буквальный перевод, заимствования, калькирование и адаптацию. На практике доместикация встречается чаще, поскольку она облегчает восприятие текста англоязычными читателями. Однако чрезмерная адаптация приводит к потере уникальных черт оригинала.

В случаях с макамами часто наблюдается избыточное использование буквального перевода, что вызывает проблемы с адекватностью передачи смысла и стиля [7]. Пояснения и сноски частично компенсируют недостатки, но не устраняют их полностью.

В данном разделе статьи рассматриваются лингвистические и стилистические особенности перевода макам Бади аз-Замана аль-Хамадани на английский язык в версии Прендергаста (1915). Перевод подобных произведений представляет собой серьезную задачу, связанную не только с межъязыковыми, но и с межкультурными различиями. Для сохранения смысла, выразительности и эстетики оригинала переводчику приходится выбирать из различных стратегий: дословный перевод, заимствование, модуляция, эквивалент, калькирование, адаптация и др.

Ниже приведены конкретные примеры, иллюстрирующие, как данные методы применялись при переводе и насколько удачным был их выбор.

“‘ĪSĀ IBN HISHĀM related to us and said: Separation once hurled me hither and thither until I reached the utmost confines of Jurjān. Here, to fortify myself against the days, I took some arable land which I proceeded to cultivate. I invested in some goods as my stock-in-trade, settled upon a shop as my place of business, and selected some friends whom I made my companions” [7: 26].

Здесь переводчик передает рассказчика («‘Īsā Ibn Hishām») и его рассказ в английском виде. Обратите внимание на фразу *“Separation once hurled me hither and thither”*. Это попытка передать арабскую метафору разбросанного, беспокойного положения. Можно было бы дословно: «Расставание один раз метнуло меня туда-сюда», но переводчик выбрал более литературно «hither and thither». Далее: *“until I reached the utmost confines of Jurjān”*. – географический топоним «Jurjān» (регион) сохраняется, в то время как переводчик не адаптировал его под читателя-англоговорящего. Это пример сохранения чужеродного. Синтаксис английского более прямой, чем арабский оригинал, поэтому структура предложения упро-

цена, чтобы быть понятной англоязычному читателю. Это пример **транспозиции** и адаптации синтаксиса.

“...and we were present with him at a merchant’s entertainment and there was placed before us *maḍirah* which did credit to the townsfolk, oscillated in a large dish, announced health and testified to the Khalifate of Mu‘awiya ...” [7: 89].

Переводчик сохраняет арабское слово *maḍirah* – название блюда / угощения, что является примером **заимствования**: английскому читателю, возможно, придется объяснять, что это такое. Далее: “*which did credit to the townsfolk, oscillated in a large dish*” – дословно «...которое делало честь горожанам, колебалось в большом блюде». Здесь видно, что переводчик пытается сохранить образ-движение («oscillated») и эффект вещания («announced health»). Это пример стремления к сохранению стилистики оригинала, но английский выбор слов (например, «oscillated») вызывает ощущение архаичности и не совсем естественен.

Повествование остается формальным, с сохранением культурного контекста (например, упоминание Халифата Муавии – Khalifate of Mu‘awiya), что является примером стратегии очуждения, обеспечивающей передачу культурной аутентичности исходного текста.

«كَأَرْيَبٍ وَهَيْالٍ عَدَى شُبْدَحَ رَدَشَ كُوَيْذٍ ...» (من المقامة الهلوانية) “While he recited in a voice so loud that it weakened his chest...” [7: 31]. Здесь переводчик выбрал «weakened his chest» для передачи арабского образа, где говорится о «ضعف كبده» (буквально «слабость его печени / души»). Переводчик предпочел метафорическое «chest», ближе к английскому образу, что является примером модуляции: изменение конкретного образа ради понятности целевой аудитории. При этом частично утрачивается культурный оттенок исходного текста.

«...in a dish which dazzled the eye and wherein beauty was bestirring itself» [7: 89]. Переводчик воспроизводит образ «dazzled the eye» для арабской метафоры «أبهر البصر», что удачно передает визуальное впечатление. Выражение «wherein beauty was bestirring itself» выглядит довольно литературно и архаично, что демонстрирует стремление сохранить «цвет» оригинала. Это можно рассматривать как пример доместикации стилистики, когда переводчик сохраняет художественный регистр и богатство стилистических форм оригинала.

Таблица 1 иллюстрирует различные переводческие техники, использованные Прендергастом при переводе ключевых фрагментов макама. Каждая из стратегий направлена либо на сохранение культурной специфики оригинала, либо на адаптацию к целевой аудитории.

Таблица 1

№	Арабский оригинал	Английский перевод	Техника перевода	Комментарий
1	الإمام أمّ، ثم قرأ الفاتحة، ثم الواقعة	The Imam began the prayer, reciting first the Fātiḥa and then the Súrat al-Wáqi‘a	Заимствование + калькирование	Слова Imam, Fātiḥa, Súrat al-Wáqi‘a перенесены из арабского, что сохраняет религиозную и культурную специфику текста. Применена стратегия очуждения (foreignization).
2	سَجَدَ سَجْدَتِي الشُّكْرِ	He performed the two prostrations of thankfulness	Калька	Прямой буквальный перевод религиозного термина. Слово prostration ближе к sujud, чем к rukū‘, что создает небольшую смысловую неточность.
3	أشهد أن لا إله إلا الله	The testimony to God’s unity	Модуляция	Перевод осуществлен через адаптацию смысловой перспективы: от формулы к описанию смысла (фраза → значение), что облегчает понимание у носителей английского языка.
4	الحجام أو الحلاق	The cupper or the barber	Эквивалент + адаптация	Слово الحجام обозначает профессию, отсутствующую в культуре получателя. Переводчик выбирает ближайший аналог и поясняет термин в сноске.
5	خبز أبيّ	Father of strengthening (footnote: a type of bread)	Дословный перевод + примечание	Буквальный перевод («отец укрепления») сохранен, но сноска поясняет, что речь идет о хлебе. Более удачным был бы адаптированный вариант: bread.

В ходе исследования лингвистических и стилистических трудностей перевода макама Бади аз-Заман аль-Хамадани с арабского на английский язык были выявлены ключевые проблемы, обусловленные спецификой оригинального текста и культурными различиями между исходным и целевым языками. Макамы представляют собой сложный литературный жанр, отличающийся не только богатством стилистических средств, таких как рифмованная проза и параллелизм, но и глубокой культурной и религиозной спецификой, которая часто не имеет прямых эквивалентов в английском языке.

Анализ переводческих стратегий показал, что применение техник дословного перевода и заимствования не всегда обеспечивает адекватную передачу смыслов и стилистики оригинала. Отмечается необходимость использования таких методов, как адаптация и эквивалентность, которые позволяют не только сохранить смысл, но и донести культурно-специфические элементы до целевой аудитории, минимизируя при этом потери семантики и стилистических особенностей.

Кроме того, переводчик сталкивается с вызовом сохранения ритмико-стилистической структуры макама – параллелизма, рифмовки и выразительности речи. В практической реализации эта задача осложняется существенными различиями между арабской и английской грамматикой и синтаксисом. Переводчик вынужден искать компромиссы между точностью передачи смысла и сохранением художе-

ственной формы, что часто приводит к утрате некоторых эстетических качеств оригинала.

Результаты исследования подчеркивают, что перевод литературных произведений с культурно насыщенным содержанием требует не только глубоких лингвистических знаний, но и высокого уровня культурной компетенции, а также умения применять разнообразные переводческие стратегии и приемы. В частности, необходимым инструментом для адекватной передачи макама являются комментарии и сноски, способствующие пониманию читателем культурного контекста.

3. ВЫВОД

Таким образом, успешный перевод макама Бади аз-Заман аль-Хамадани невозможен без комплексного подхода, сочетающего лингвистическую точность, стилистическую гибкость и культурную адаптацию. Переводчик должен обладать не только знанием языков, но и глубоким пониманием обеих культур, что позволяет передать не только слова, но и дух оригинала. Ранние переводы, в частности работы Прендергаста, а также других исследователей и переводчиков, демонстрируют разнообразие стратегий – от буквальных кальк до творческой модуляции образов и адаптации стилистических форм. Их опыт подчеркивает значимость выбора адекватных методов передачи культурно-специфических элементов и художественного регистра текста. Настоящее исследование расширяет понимание специфики перевода арабской классической литературы и подчеркивает важность стратегического сочетания доместикации и очуждения для сохранения уникальности макама при их интеркультурной адаптации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аль-Джабри А.* Культурные проблемы при переводе арабских литературных текстов // Журнал переводоведения. 2010. Т. 5. №2. С. 45–62.
2. Аль-Хамадани Бади аз-Заман. المقامات [Maqamat]. Каир: Dar al-Ma'arif, 1980. 420 с.
3. *Ашрапов Б.П.* Избранная библиография печатных трудов профессора Низомиддина Муроди / Б.П. Ашрапов, Н. Муроди // Stephanos. 2025. №2(70). С. 53-63. DOI 10.24249/2309-9917-2025-70-2-53-63; EDN ZRDMDR.
4. *Рашидова Д.А.* Мухтаво ва шеваи нигориши мақомоти Бадеуззамони Ҳамадонӣ // «Номаи донишгоҳ» -и Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Б.Ғафуров, силсилаи илмҳои гуманитарӣ ва ҷомеашиносӣ. 2024. №4(81). Р. 263–269. DOI 10.24412/2077-4990-2024-481-263-269; EDN IYIUDU.
5. *Рашидова Д.А.* Элемент сцены в макамах аль-Хамадани и аль-Харири: драматическая и стилистическая специфика арабской литературы // Stephanos. 2025. №6(74). С. 15–20. DOI 10.24249/2309-9917-2025-74-6-15-20; EDN CWYDLC.
6. *Ashrapov B.P.* Professor Nizomiddin Murodi's Contribution to the Study and Exploration of Literary Ties between Tajik-Persian and Chinese Literatures (on the example of Uyghur literature) // Stephanos. 2025. №2(70). Р. 45–52. DOI 10.24249/2309-9917-2025-70-2-45-52; EDN VELVIQ.
7. *Prendergast W.J.* Maqamat of Badi Zaman al-Hamadhani. London: Methuen, 1915. 250 p.
8. *Venuti L.* The Invisibility of the Translator: A History of Translation. London: Routledge, 1995. 168 p.
9. *Vinay J.-P., Darbelin J.* Comparative Stylistics of French and English: A Methodology of Translation. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1995. 325 p.

REFERENCES

- Al-Jabri A. Cultural Issues in Translating Arabic Literary Texts. *Journal of Translation Studies*. 2010. Vol. 5. No 2, pp. 45–62.
- Al-Hamadani Badi az-Zaman. *Maqamat* [Maqamat]. Cairo. Dar al-Ma'arif Publ. 1980. 420 p.
- Ashrapov B.P. Selected Bibliography of the Works of Professor Nizomiddin Murodi / B.P. Ashrapov, N. Murodi. *Stephanos*. 2025. No 2(70), pp. 53–63. DOI 10.24249/2309-9917-2025-70-2-53-63; EDN ZRDMDR.
- Rashidova D.A. Content and Writing Style of Badeuzzamon Hamadani's maqomat. *Scientific Notes of Khujand State University named after Academician B. Gafurov. Series of Humanities Sciences*. 2024. No 4(81), pp. 263–269. DOI 10.24412/2077-4990-2024-481-263-269; EDN IYIUDU.
- Rashidova D.A. The Element of the Scene in maqāmāt by al-Hamadani and al-Hariri: Dramatic and Stylistic Specificity of Arabic Literature. *Stephanos*. 2025. № 6(74), pp. 15–20. DOI 10.24249/2309-9917-2025-74-6-15-20; EDN CWYDLC.
- Ashrapov B.P. Professor Nizomiddin Murodi's Contribution to the Study and Exploration of Literary Ties between Tajik-Persian and Chinese Literatures (on the example of Uyghur literature). *Stephanos*. 2025. No 2(70), pp. 45–52. DOI 10.24249/2309-9917-2025-70-2-45-52; EDN VELVIQ.
- Prendergast W.J. (1915) *Maqamat of Badi Zaman al-Hamadani*. London. Methuen Publ. 250 p.
- Venuti L. (1995) *The Invisibility of the Translator: A History of Translation*. London. Routledge Publ. 168 p.
- Vinay J.-P., Darbelin J. (1995) *Comparative Stylistics of French and English: A Methodology of Translation*. Amsterdam. John Benjamins Publishing Company. 325 p.

Сведения об авторе:

Дилафруз Абдукаюмовна Рашидова,
кандидат филол. наук
доцент
кафедра английского языка
Худжандский государственный университет
имени академика Б. Гафурова

Dilafruz A. Rashidova,
PhD
Associate Professor
Department of English Language
Khujand State University named after
academician B. Gafurov

dilafruz.kayumzoda@mail.ru

Н.А. Вохидова (Худжанд, Республика Таджикистан)

Морфологические особенности сложных слов, образованных с помощью -хона, и их английских эквивалентов (на материале «Гуломона» С. Айни)

Аннотация: В данной статье рассматриваются морфологические особенности сложных слов, образованных с помощью суффиксоида -хона («комната, дом, помещение»), в романе Садриддина Айни «Гуломон» («Рабы») и их функциональные эквиваленты в английском языке. На основе качественного описательно-сопоставительного анализа 20 примеров, извлеченных из романа, исследование выделяет пять морфолого-семантических категорий композитов с -хона: помещения для животных, социально-коммунальные пространства, складские и хозяйственные помещения, институциональные и абстрактные пространства, а также архитектурные метафоры. Результаты показывают, что таджикский язык использует систематическую и высокопродуктивную стратегию общего пространственного словообразования по единой модели X + хона, тогда как английский язык требует пяти различных переводческих стратегий, включая буквальную эквивалентность, функциональную эквивалентность, метонимический сдвиг, описательный перифраз и культурное заимствование. Английский суффиксоид «-room» оказывается значительно менее продуктивным и неспособен адекватно передать семантический диапазон таджикского -хона. Помимо чисто морфологического описания, использование этих композитов у Айни выполняет литературные функции аутентичности, социальной стратификации и эвфемистической иронии. Исследование вносит вклад в лексическую типологию, противопоставляя язык с общей стратегией пространственного словообразования (таджикский) языку, в котором такая стратегия отсутствует (английский).

Ключевые слова: сложные слова, суффиксоид, -хона, морфологические особенности, английские эквиваленты, стратегии перевода, Садриддин Айни, «Гуломон», таджикский язык, лексическая типология

N.A. Vohidova (Khujand, Tajikistan Republic)

Morphological Peculiarities of the Compound Words Formed by -хона / room and Their English Equivalents (on the material of “Ghulomon” by S. Aini)

Abstract: The given article dwells on the morphological peculiarities of compound words formed with the suffixoid -хона (“room, house, chamber”) in Sadriddin Aini’s novel Ghulomon (“Slaves”) and their functional equivalents in English. Based on a

qualitative descriptive-comparative analysis of 20 selected examples extracted from the novel, the study identifies five morphological-semantic categories of -хона compounds: animal shelters, social / communal spaces, storage / utility spaces, institutional / abstract spaces, and architectural metaphors. The findings reveal that while Tajik employs a systematic and highly productive general-purpose spatial compounding strategy using the single template X + хона, English requires five distinct translational strategies, including literal equivalence, functional equivalence, metonymic shift, descriptive paraphrase, and cultural borrowing. The English suffixoid “-room” proves far less productive and cannot adequately render the semantic range of Tajik -хона. Beyond purely morphological description, Aini’s use of these compounds serves literary functions of authenticity, social stratification, and euphemistic irony. The study contributes to lexical typology by contrasting a language with a general-purpose spatial compounding strategy (Tajik) with one that lacks it (English).

Key words: compound words, suffixoid, -хона, morphological peculiarities, English equivalents, translation strategies, Sadridin Aini, Ghulomon, Tajik language, lexical typology

1. INTRODUCTION

The study of compound words in any language reveals not only its morphological richness but also the cultural and cognitive frameworks of its speakers. The Tajik language, belonging to the Western Iranian group of the Indo-Iranian branch of the Indo-European family, has a long-standing tradition of nominal compounding. Among the most productive formants in Tajik is the suffixoid -хона (from Persian khāneh, meaning “house,” “room,” or “chamber”), which functions as the second element in countless compound nouns [5].

Sadridin Aini’s seminal work *Ghulomon* (“Slaves”) offers a unique linguistic corpus. Set against the backdrop of the Emirate of Bukhara in the late 19th and early 20th centuries, the novel provides authentic descriptions of everyday life, architecture, social hierarchy, and material culture, all of which are lexically encoded through -хона compounds. However, the morphological peculiarities of these compounds and their equivalence in English – a language that rarely uses “room” as a productive suffix – remain underexplored [7; 8].

This article aims to: (1) describe the morphological patterns of compound words ending in -хона in *Ghulomon*; (2) provide their contextual English translations; (3) conduct a comparative analysis of 20 selected examples; and (4) identify systematic equivalences and divergences between Tajik and English in rendering spatial and functional concepts.

2. METHODS

The research follows a qualitative, descriptive-comparative design. The material for the study consists of 20 compound nouns ending in -хона extracted from Aini’s *Ghulomon* (2019 edition, Dushanbe: Children’s Literature Publishing House). The selection was purposive: compounds were included if they (a) contained -хона as a bound root, (b) appeared in authentic narrative contexts, and (c) exhibited morphological or semantic diversity.

Each example was analyzed morphologically (stem + -хона) and semantically (literal vs. extended meaning). English equivalents were generated through functional

contextual translation, prioritizing idiomaticity over literal rendering. The comparative analysis was structured around five typological categories: (1) literal equivalence (EN “room / house”), (2) functional equivalence (EN specialized term), (3) metonymic shift, (4) descriptive paraphrase, and (5) cultural borrowing.

3. RESULTS

The analysis of Ghulomon yielded over 50 distinct -хона compounds. The 20 selected examples are presented below in Tajik (Cyrillic) with English translation and morphological breakdown.

Example 1: Дар шутурхонае, ки дар пахлуи ҳавлӣ буда, ба вай бо як дар мепайваст, дегҳои миси калонро, ки дар ҳар кадоми онҳо як ман (8 пуд) биринҷро дам кардан мумкин буд, қатор шинонда буданд [1: 84].

Translation: “In a *camel-shed (camel-room)* that was located next to the courtyard and connected to it by a single door, large copper cauldrons were lined up...”

Morphology: шутур (camel) + хона (room / shed)

Example 2: Ғуломони хонадор кардашуда ҳам бо канизони ба ҳудашон додашуда дар коҳхонаҳо, саисхонаҳо, оғилхонаҳо ва шутурхонаҳо ҷой гирифтанд [1: 89].

Translation: “The married slaves, together with the maidservants given to them, settled in *chaff-houses, stable-rooms, cow-sheds, and camel-sheds*”.

Morphology: коҳ (chaff) + хона; саис (groom, stableman) + хона; оғил (cowshed) + хона; шутур (camel) + хона

Example 3: Ин гуна гарм омадани зимистон аломаги хубӣ нест, – гуфт Бобомурод такламачӣ, ки аз гурӯҳи мардум ҷудо шуда бар суфаҷаи дарвозахонааш қолинча паҳн карда ҷой нӯшида менишаст ва эзоҳ дод [1: 338].

Translation: “‘This kind of warm winter is not a good sign,’ said Bobomurod the taklamachi (beggar), who... sat on a small bench in his *gateway-room (porch)*, having spread a small carpet, drinking tea”.

Morphology: дарвоза (gate) + хона (room) → porch, entrance chamber

Example 4: – Сара ҷаноби олиатро аз нақорахонаи арки овоз хоҳӣ дид, – гуфт ба дили худ зане, ки барои халос кардани писари дастгиршудааш ба пеши қозӣ омада буд [1: 295].

Translation: “‘Soon you will hear His Excellency from the *naqqāra-khāneh (drum-chamber)* of the Ark,’ a woman said to herself...”

Morphology: нақора (drum / kettledrum) + хона (room / chamber)

Example 5: Гунбазҳои похсағӣ ва чевахонаҳои лой, ки дар ҳар ду-чор фарсахи он биёбон во меҳӯрданд, маданияти туркмани онрӯзаро нишон медоданд [1: 3].

Translation: “The mud domes and clay *pit-dwellings (pit-rooms)*, which appeared every two-four farsakhs in that desert, showed the Turkmen culture of that time”.

Morphology: чев (pit, trench) + хона (room)

Example 6: Милисионере, ки дар пеши дарвозаи милисахона дар посбонӣ истода буд, аз ин «уллос» дар ҳарос афтада рафиқи худро... [1: 289].

Translation: “The militiaman who was standing guard in front of the *police-station (militia-room)* was frightened by this ‘hullo’ and his comrade...”

Morphology: милиса (militia / police) + хона (room) → police station

Example 7: Ду бандие, ки онҳоро аз обхона–аз ҳабсхонаи дар роҳрави арк буда бароварда оварда буданд, дар пеши дарвозаи арк ба сари тахтапул намудор гардиданд [1: 39].

Translation: “Two prisoners whom they had brought out from the *water-room (detention cell) – the prison-room* located in the Ark’s corridor – appeared on the wooden bridge in front of the Ark’s gate.”

Morphology: об (water) + хона (room) — euphemism for prison; ҳабс (imprisonment / arrest) + хона

Example 8: – «Дар мамлакат дузд ёфт нашавад, тарозудорро ба миршабхона кашола кун» гуфтаанд, – гуфта деҳқони дигаре хандаи ҳанӯз нахобидаро боз болотар бардоронид [1: 48].

Translation: “They say: “If no thief can be found in the country, drag the scale-keeper to the *watch-house (chief-of-night’s-room)*”, another peasant said”.

Morphology: миршаб (chief of the night watch; mir-i shab) + хона → night-watch station

Example 9: Маҳрамони Ўрмон-Полвон дастурхонро паҳн карда бар рӯи он лаълиҳои ширавор ва нонҳоро гузоштанд, чои кабудро аз даҳлез кашида даровардан гирифтанд, меҳмонон бо соҳибхона ба нонхӯрӣ ва чойнӯшӣ даромаданд [1: 152].

Translation: “Urmon-Polvon’s confidants spread the tablecloth... the guests and the *householder (owner of the room / house)* started eating bread and drinking tea”.

Morphology: соҳиб (owner, master) + хона (room / house) → host, householder

Example 10: Амир, ки дар задухӯрди аввалии ин ҷанг сараскараш ва тӯбхонааш талаф шуда буд, боз роҳи ҳиларо пеш гирифт... [1: 207].

Translation: “The Emir, who had lost his commander-in-chief and his *cannon-house (artillery battery)* in the first clash of this battle, again resorted to trickery...”

Morphology: тӯб (cannon / ball) + хона (room / house) → artillery unit, cannon emplacement

Example 11: Ҳасан Эргаш аз ёбон ба деҳа даромада ба чойхонаи сурх наздик расид, дар ин вақт як “сиёҳӣ”-е, ки ба девори чойхона пушт дода истода буд [1: 422].

Translation: “Hasan Erghash came from the steppe into the village and approached the red *teahouse (tea-room)*, when a ‘black figure’ standing leaning against the teahouse wall...”

Morphology: чой (tea) + хона (room) → teahouse

Example 12: – Ман чӣ медонам? – гуфт ва хареро, ки кашшааш аз нурӣ пур шуда буд, аз порухона бароварда, хари дигареро пеш кашид ва кашшаи бар болои вай бударо рост карда, ба вай пору андохтан гирифт [1: 77].

Translation: “‘What do I know?’ he said, and taking out the donkey whose pack-saddle was full of straw from the *dung-room (stable for dung / fodder)*, pulled forward another donkey”.

Morphology: пору (dung, manure) + хона (room) → manure shed, dung storage

Example 13: Ин пиразан, ки ба сари худ саллаи калонеро ба сохти лаклакхонаи манори Бухоро маҳрутишакл карда баста буд, ба яке аз ояндагон бе он ки расми салом ва пурсупоси туркманиро адо кунад [1: 5].

Translation: “This old woman, who had tied on her head a large turban shaped like a cone after the fashion of a *stork’s-nest-room (stork-house)* of the Bukhara minaret, [said something] to one of the arrivals...”

Morphology: лаклак (stork) + хона (room / nest) → stork’s nest (on a minaret)

Example 14: Акнун молхона бо гӯсфанд, сорбонхона бо шутур пур буд [1: 32].

Translation: “Now the *livestock-room (sheepfold)* was full of sheep, the *camel-driver’s-room (caravanserai section)* was full of camels”.

Morphology: мол (livestock, property) + хона; сорбон (camel driver) + хона

Example 15: Бой саночҳои пулро ба меҳмонхона дароварда ба сандуқи оҳанин андохт, дафтар ва асбоби ҳисобро дар тоқи меҳмонхона гузошт [1: 49].

Translation: “The wealthy man brought the sacks of money into the *guest-room* (*guesthouse / reception room*), threw them into an iron chest, and placed the ledger and counting tools in the niche of the *guest-room*”.

Morphology: меҳмон (guest) + хона (room)

Example 16: Дар ошхона барои ошпазӣ ва обгармкунӣ дегҳои ҷудогона шинонданд [1: 35].

Translation: “In the *kitchen* (*cooking-room*), separate cauldrons were installed for cooking and for heating water”.

Morphology: ош (cooked food, pilaf) + хона → kitchen

Example 17: Аз ягон мушхона ва ё сӯрохии дигар об ба тарафи мо гузашта рошро бардоштааст...[1: 354].

Translation: “Water must have passed through some *mouse-hole* (*mouse-room*) or other hole and cut off our path...”

Morphology: муш (mouse) + хона (room) → mouse hole, small opening

Example 18: Дудҳое, ки аз оташхонаи трактор мебароманд, монанди моҳичаҳои хокистарранг, ки дар баҳри vaseи шаффоф сайр карда гарданд, дар ҳавои соф шино мекарданд [1: 425].

Translation: “The smoke rising from *the tractor’s fire-chamber* (*combustion chamber / engine*) – like small grayish fish swimming in a vast transparent sea – sailed through the clean air.”

Morphology: оташ (fire) + хона (room / chamber)

Example 19: Баъд аз даромадани аз дарвоза ба дасти чапатон ҷувозхона, ятимхона ва оғили моли сиёҳбандӣ буд [1: 114].

Translation: “After entering the gate, on your left were *the walnut-store* (*walnut-room*), *the orphanage* (*orphan-room*), and the fold for black cattle”.

Morphology: ҷувоз (walnut) + хона; ятим (orphan) + хона

Example 20: Бо шеҳа кашидани асп саге ҳам, ки дар лаби чуқурии аспхона хобида буд, ғуррос зада ак-ак кард [1: 165].

Translation: “At the horse’s neighing, a dog that lay at the edge of *the pit of the stable* (*horse-room*) growled and barked”.

Morphology: асп (horse) + хона (room) → stable

4. DISCUSSION

4.1. MORPHOLOGICAL PRODUCTIVITY AND CONSTRAINTS

The suffixoid -хона in Tajik exhibits what linguists term semi-affixal behavior: it retains lexical meaning (“room”, “enclosure”, “chamber”) while functioning grammatically as a derivational suffix. Unlike a fully grammaticalized suffix (e.g., English “-ness”), -хона can still appear as an independent noun (хона – house, room) [2; 3]. However, in compounds, its meaning undergoes semantic bleaching to varying degrees, as shown in Figure 1 (conceptual).

Degree of semantic bleaching continuum:

Minimal bleaching: шутурхона = literal room for camels

Moderate bleaching: чойхона = not just a “tea room” but a social institution

Strong bleaching: тӯбхона = not a room at all, but a military unit

Complete metaphoric shift: обхона = euphemism for prison (no water involved)

A striking morphological constraint emerges from the corpus: no adjective + -хона compounds occur. Aini never writes калонхона (big-room) or сурххона (red-room) as nouns. This confirms that -хона attaches exclusively to nominal stems (including deverbal nouns like ҳабс). This distinguishes Tajik from English, where “room” readily combines with adjectives (“darkroom”, “clean room”).

4.2. COMPARATIVE ANALYSIS OF THE 20 EXAMPLES BY CATEGORY

Category A: Animal Shelters (Examples 1, 2, 14, 20)

The four animal-shelter compounds – шутурхона (1,2), аспхона (20), оғилхона (2), молхона (14) – reveal an important typological difference. Tajik uses the same morphological template for all domesticated animals, regardless of the animal’s size or the structure’s complexity. English, by contrast, employs etymologically unrelated roots: stable (from Latin stabulum), cowshed (Germanic compound), camel-shed (descriptive compound), sheepfold (Germanic). No single English suffix corresponds to -хона in this domain.

Moreover, саиҳхона (2) and сорбонхона (14) introduce a human agent into the animal-space compound. These do not mean “room of the groom” in a possessive sense but rather “the area / quarters associated with the groom’s work.” English lacks this pattern: “groom-room” is unidiomatic; “stableman’s quarters” is a phrase, not a compound.

Category B: Social and Communal Spaces (Examples 3, 4, 6, 8, 11, 15, 16)

This is the largest and most diverse category. Дарвозахона (3) exemplifies a spatial concept central to Central Asian architecture: the entrance area, often a raised platform (суфа) inside the gateway. English “porch” or “vestibule” partially covers this, but “gateway-room” captures the enclosure better.

Нақорахона (4) is a cultural keyword. In the Ark of Bukhara, the naqqāra-khāneh was a gallery or tower where kettledrums were played to announce official events. Translating it as “drum-room” loses its ceremonial, institutional meaning. Retaining the borrowing naqqāra-khāneh (with italics) is preferable in scholarly translation.

Милицахона (6) and миршабхона (8) form a historical pair. Миршабхона derives from the pre-Soviet institution of the mirshab (night watch commander), whose station served as a local police post. Милицахона introduces the Soviet militsiya system. Both use -хона, but their English equivalents diverge (“watch-house” vs. “police station”), reflecting institutional history. This shows that -хона compounds are diachronically stable even as their referents change.

Чойхона (11) requires special attention. While literally “tea-room,” the Central Asian choykhona is a male-dominated social hub, often serving meals, allowing rest for travelers, and functioning as a de facto club. English “teahouse” (used in the translation) is acceptable but underrepresents the institution’s centrality. Меҳмонхона (15) similarly oscillates between “guest-room” (in a private house) and “guesthouse” (commercial). Context in Ghulomon suggests the former, but the morphological structure permits both.

Ошхона (16) is a rare case of almost perfect functional equivalence: Tajik oshkhona (pilaf-room) and English “kitchen” share the same core meaning – a space for cooking – though the Tajik term specifies a particular dish (osh), reflecting cultural dietary centrality.

Category C: Storage and Utility Spaces (Examples 2, 5, 12, 17, 19)

Коҳхона (2) – chaff-house – and порухона (12) – dung-room – refer to agricultural storage structures peripheral to the main house. English compounds with “-house” or “-shed” work well here.

Љевахона (5) is the most culturally specific term in the corpus. The Turkmen *jeva* is a semi-underground, dome-roofed dwelling made of clay, common in arid regions. Aini explicitly marks it as distinct from the *похсагӣ* (mud-brick) domes. English has no single-word equivalent; “pit-dwelling” or “semi-subterranean hut” must paraphrase. The morphological transparency of *љевахона* (pit + room) ironically aids the English reader despite the cultural gap.

Љувозхона (19) – walnut-store – reflects pre-refrigeration preservation practices: nuts were stored in dedicated cool rooms. English “walnut store” or “nut-house” is possible but rare; most English texts would simply say “the place where walnuts were kept”. The compound form in Tajik implies a permanent architectural feature.

Мушхона (17) is deceptive: it does not denote a structure built for mice but rather an unintended hole or gap that mice use. The *-хона* formant here is ironic or metaphorical – a “room” in miniature. English “mouse-hole” uses “hole,” not “room,” reflecting a different spatial metaphor (cavity vs. chamber).

Category D: Institutional and Abstract Spaces (Examples 7, 9, 10, 18, 19)

Обхона (7) as a euphemism for prison deserves detailed analysis. Aini adds an appositive clarification: аз обхона – аз ҳабсхона (“from the water-room – from the prison-room”). The euphemism likely derives from the practice of giving prisoners only water, or from prisons located near water cisterns. English has similar euphemisms (“cooler,” “slammer”) but none that preserve the *-хона* morphological pattern. The juxtaposition of *обхона* and *ҳабсхона* in the same sentence shows Aini exploiting both the euphemistic and the literal compound.

Соҳибхона (9) is morphologically exceptional because the first element *соҳиб* (owner, master) is itself a loanword from Arabic. The compound means “host” or “master of the house” – a person, not a room. This is a case of metonymic shift whereby a locative compound comes to denote the occupant. Similar shifts occur in English (“the White House said today...”), but English lacks a dedicated compound for “room-owner.” The translation “householder” is approximate.

Тубхона (10) undergoes military metonymy: from “cannon-room” (an actual storage or firing chamber) to “artillery unit” (an abstract military formation). In the context, the Emir has lost his *tūbkhona* in battle – clearly not a physical room but a tactical asset. English “artillery battery” is a parallel metonymy (from French *batterie* – the act of beating / bombarding). Both languages thus extend spatial terms to military units, but Tajik uses the *-хона* template while English borrows from French.

Оташхона (18) in the context of a tractor refers to the internal combustion chamber. This is a rare case of *-хона* extending into modern technology. Aini, writing in the 1930s, already applies the traditional pattern to a Soviet-era machine. This demonstrates the formant’s adaptability. English “fire-chamber” or “combustion chamber” is a direct parallel, though modern technical English prefers “cylinder” or “combustion chamber” as fixed terms.

Ятимхона (19) – orphanage – shows institutional abstraction. Unlike *меҳмонхона* (guest-room), which retains a spatial sense, *ятимхона* denotes not just a room but an entire institution, often a large building. English “orphanage” is a single word (from Latin *orphanus* + *-age*), while Tajik preserves the transparent compound. This reflects

different lexicalization strategies: Tajik favors analytic transparency, English favors synthetic opacity.

Category E: Architectural Metaphors (Example 13)

Лаклакхона (13) is the most poetic compound in the selection. The stork's nest on top of a Bukhara minaret is described as a "stork-room." The old woman's turban is then compared to the conical shape of that nest. This triple layering – concrete nest → architectural feature → headwear shape – is only possible because -хона can denote both human and animal dwellings. English "stork's nest" lacks the "room" resonance, weakening the metaphorical chain.

4.3. CONTRASTIVE ANALYSIS: TAJIK -ХОНА VS. ENGLISH "-ROOM"

The English suffixoid "-room" exists but is far less productive. Examples like "chat-room," "showroom," "restroom" are limited to modern, often commercial, contexts. English does not form "camel-room," "chaff-room," or "prison-room" idiomatically. Instead, English uses:

English strategy / Example Corresponding / Tajik pattern

Zero-derived specific noun / kitchen / ОШХОНА

Agentive possessive / cow-shed / ОҒИЛХОНА

"-house" compound / storehouse / анборхона (not in corpus but regular)

"-hole" compound / mouse-hole / МУШХОНА

Descriptive phrase / pit-dwelling / чевахона

This contrast suggests a fundamental difference in construal: Tajik conceptualizes almost any bounded functional space as a "room" (хона), while English differentiates spaces by material, size, animal, or purpose using diverse roots.

4.4. PRAGMATIC FUNCTIONS IN GHULOMON

Aini's use of -хона compounds serves three literary-pragmatic functions:

1. Authenticity and local color. By consistently using дарвозахона, чойхона, нақорахона, Aini constructs a linguistically authentic Bukharan world. These are not neologisms but real terms from the spoken language of his childhood (Aini was born in 1878 in the village of Sektare near Bukhara).

2. Social stratification. The contrast between соҳибхона (householder, master) and ғулумони хонадор (housed slaves) in Example 2 is telling. The slave has a хона only as a dependent compound (хонадор – literally "room-holding"), not as autonomous possession. -Хона thus participates in the novel's critique of feudal hierarchy.

3. Euphemism and irony. Обхона (water-room) for prison is darkly ironic – the "water" is minimal sustenance, not comfort. The reader familiar with prison conditions understands the grim joke. Aini reinforces this by immediately glossing it with хабсхона, ensuring comprehension while preserving the euphemistic texture.

4.5. LIMITATIONS OF THE STUDY

This study is limited in three respects. First, it analyzes a single literary work; spoken and dialectal Tajik may exhibit different patterns. Second, diachronic change is not tracked; Soviet-era coinages like компютерхона (computer room) are absent from Aini. Third, only 20 of 52 compounds are analyzed in depth; a full corpus analysis would be necessary for statistical generalization.

4.6. IMPLICATIONS FOR LEXICAL TYPOLOGY

The Tajik -хона pattern exemplifies a general-purpose spatial compounding strategy (GPSCS) – a morphological tool that can generate a name for almost any bounded location, regardless of size, function, or formality. Languages with GPSCS (e. g., Japanese -ya ‘shop / house’, Turkish -hane from Persian, German -haus) contrast with languages like English that lack such a strategy and instead rely on diverse, etymologically unrelated nouns. This typological difference has cognitive implications: speakers of GPSCS languages may perceive a stronger family resemblance between a camel-shed, a kitchen, and a prison than English speakers, for whom these concepts belong to different lexical categories [4; 6; 9 10].

The morphological peculiarity of -хона compounds in Ghulomon lies not in their formation (which is regular and predictable) but in their semantic range and cultural specificity. English equivalents require five distinct strategies, revealing a major typological divergence. Aini exploits this morphological resource for literary realism, social commentary, and euphemistic irony. Future research should investigate contemporary Tajik media to determine whether -хона is gaining or losing productivity in the digital age (e. g., интернетхона, харидхона – online shop).

5. CONCLUSION

The analysis of compound words formed with the suffixoid -хона in S. Aini’s Ghulomon reveals that their morphological peculiarity lies not in unpredictable formation patterns – which are regular and transparent – but in their remarkable semantic range and deep cultural embeddedness. The 20 examined examples demonstrate that Tajik employs a general-purpose spatial compounding strategy, whereby the element -хона (etymologically “room / house”) attaches productively to nominal stems to designate any bounded functional space, regardless of size (from a mouse-hole to a prison), purpose (storage, shelter, cooking, ceremony), or degree of abstraction (military unit, social institution).

The comparative analysis with English equivalents uncovers a major typological divergence. While Tajik systematically deploys the single template X + хона across diverse semantic domains, English resorts to five distinct translational strategies: (1) literal equivalence (“room / house”), (2) functional equivalence (specialized terms like kitchen), (3) metonymic shift (artillery battery), (4) descriptive paraphrase (pit-dwelling), and (5) cultural borrowing (naqqāra-khāneh). No single English suffix corresponds to the productivity of Tajik -хона; the English suffixoid “-room” remains lexically restricted and pragmatically limited to modern, often commercial contexts.

Furthermore, Aini’s literary use of -хона compounds serves three pragmatic functions within Ghulomon: constructing linguistic authenticity for the Bukharan setting, encoding social stratification (contrasting sohibkhona ‘householder’ with enslaved dependents), and enabling euphemistic irony (as in obkhona ‘water-room’ for prison). These findings confirm that the study of compound words transcends purely morphological description, offering insights into the cognitive categorization of space, cultural practices, and the artistic resources of literary language. Future research should extend this analysis to contemporary Tajik media to assess whether -хона retains its productivity in the digital age.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айнӣ С. Ғулумон. Роман. Душанбе: Адабиёти бачагона, 2019. 488 с.*
2. *Мамадназаров А. Фарҳанги англисӣ-тоҷикӣ. Душанбе: Эр-граф, 2021. 1016 с.*
3. *Расторгуева В.С. Среднеперсидский язык / В.С. Расторгуева, Е.К. Молчанова // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М.: Наука, 1981. С. 6–146.*
4. *Розӣ Шамси Қайс. Ал-Муъҷам / Муаллифи сарсухану тавзеҳот ва ҳозиркунандаи чоп У.Тоиров. Душанбе: Адиб, 1991. 463 с.*
5. *Ashrapov B.P. Comparative Analysis of the Morphological Peculiarities of the Suffix -mand and Its English Equivalents (on the material of Ghulomon by S. Aini) // Herald of Daghestan Scientific Center. 2024. №94. P. 141–145. DOI 10.31029/vestdnc94/20; EDN PDCGHN.*
6. *Ashrapov B.P. Morphological Peculiarities of the Tajik Prexoid ‘khush-’ in Tajik Literary Language Referring to the 18th Century // Stephanos. 2026. №2(76). P. 45–53. DOI 10.24249/2309-9917-2026-76-2-45-53; EDN HSEJSP.*
7. *Ashrapov B.P. Some Considerations Beset with English Word-building Rules // Образование от «А» до «Я». 2021. №4. P. 5–6. EDN EQYIVI.*
8. *Ashrapov B.P. Morphological Peculiarities of the Tajik Prexoid ‘khush-’ in Tajik Literary Language Referring to the 18th Century // Stephanos. 2026. №2(76). P. 45–53. DOI 10.24249/2309-9917-2026-76-2-45-53; EDN HSEJSP.*
9. *Ashrapov B.P. On the Issue of the Usage of Certain Tajik Interjections and Their English and Chinese Equivalents: A Comparative Pragmatic and Semantic Analysis // Stephanos. 2026. №1(75). P. 20–27. DOI 10.24249/2309-9917-2026-75-1-20-27; EDN MFWABE.*
10. *John R. Perry. A Tajik Persian Reference Grammar. Leiden; Boston: Brill 2005. 528 p.*

REFERENCES

1. Aini S. Ghulomon. (2019) Novel. Dushanbe. Children’s Literature Publ. 488 p.
2. Mamadnazarov A. (2021) English-Tajik Dictionary. Dushanbe. Er-graf Publ. 1016 p.
3. Rastorgueva V.S. Middle Persian Language / V.S. Rastorgueva, E.K. Molchanova. Fundamentals of Iranian Linguistics. Middle Iranian languages. Mocsow. Nauka Publ. 1981, pp. 6–146.
4. Razi Shamsi Qais. Al-Mu’jam / Author of the introduction and comments and editor U. Toirov. Dushanbe. Adib Publ. 463 p.
5. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of the Morphological Peculiarities of the Suffix -mand and Its English Equivalents (on the material of Ghulomon by S. Aini). *Herald of Daghestan Scientific Center*. 2024. No 94, pp. 141–145. DOI 10.31029/vestdnc94/20. EDN PDCGHN.
6. Ashrapov B.P. Morphological Peculiarities of the Tajik Prexoid ‘khush-’ in Tajik Literary Language Referring to the 18th Century. *Stephanos*. 2026. No 2(76), pp. 45–53. DOI 10.24249/2309-9917-2026-76-2-45-53; EDN HSEJSP.
7. Ashrapov B.P. Some Considerations Beset with English Word-building Rules. *Obrazovanie from “A” to “Ya”*. 2021. No4, pp. 5–6. EDN EQYIVI.
8. Ashrapov B.P. Morphological Peculiarities of the Tajik Prexoid ‘khush-’ in Tajik Literary Language Referring to the 18th Century. *Stephanos*. 2026. No 2(76), pp. 45–53. DOI 10.24249/2309-9917-2026-76-2-45-53; EDN HSEJSP.
9. Ashrapov B.P. On the Issue of the Usage of Certain Tajik Interjections and Their English and Chinese Equivalents: A Comparative Pragmatic and Semantic Analysis. *Stephanos*. 2026. No 1(75), pp. 20–27. DOI 10.24249/2309-9917-2026-75-1-20-27; EDN MFWABE.

10. John R. Perry. (2005) A Tajik Persian Reference Grammar. Leiden; Boston. Brill. 528 p.

Сведения об авторе:

Нодира Абдусатторовна Вохидова,

канд. филол. наук

доцент

факультета иностранных языков

Худжандский государственный университет
имени академика Б. Гафурова

Nodira A. Vohidova,

PhD

Associate Professor

Faculty of Foreign Languages

Khujand State University named
after academician B. Gafurov

С.Г. Мамечков (Москва, Россия)

О норме литературного языка рубежа XVIII–XIX вв. в области односложных и двусложных окончаний творительного падежа единственного числа: проза А.С. Шишкова, Н.М. Карамзина, И.А. Крылова

Аннотация: В статье рассматривается распределение односложных и двусложных окончаний творительного падежа единственного числа в прозаических сочинениях трех авторов, знаковых для характеристики нормы литературного языка конца XVIII – начала XIX в., – Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, И.А. Крылова. Обнаруживается, что, несмотря на жанровые различия исследованных текстов и принципиально различные теоретические установки их авторов в отношении норм литературного языка, в употреблении двусложных vs односложных окончаний творительного падежа их норма в основе своей едина: во всех позициях значительно преобладают двусложные окончания со спорадическим проникновением односложных (разговорных) вариантов без их специального распределения. Несколько чаще, чем односложное окончание *-ой(-ей)*, встречается односложный вариант окончания существительных III склонения *-ью*, при этом в части позиций у консерватора Шишкова такие формы даже употребительнее, чем у Карамзина. Особое распределение односложные и двусложные окончания Тв. ед. впоследствии получают только в художественной прозе Пушкина.

Ключевые слова: двусложные и односложные окончания творительного падежа единственного числа, проза Карамзина, проза Шишкова, язык прозы Крылова

S.G. Mamechkov (Moscow, Russia)

Literary Norm at the Turn of the 18th–19th Centuries in the Field of Monosyllabic and Two-Syllabic Endings of the Instrumental Singular Case: Prose by A.S. Shishkov, N.M. Karamzin, I.A. Krylov

Abstract: The article deals with the distribution of monosyllabic and two-syllabic endings of Instrumental singular case in the prose works of three authors who are significant for characterizing the norm of the literary language of the late 18th – early 19th centuries: N.M. Karamzin, A.S. Shishkov, I.A. Krylov. It is found that, despite the genre differences of the studied texts and the fundamentally different theoretical attitudes of their authors towards the norms of literary language, in the use of two-syllabic vs monosyllabic endings in the Instrumental case their norm is basically the same: two-syllabic endings significantly predominate in all positions, with a sporadic penetration of monosyllabic (colloquial) vari-

ants without their special distribution. The monosyllabic ending of 3rd declension nouns *-ью* is encountered somewhat more often than the ending *-ой(-ей)*, and in some positions in Shishkov's prose such forms are even more common than in Karamzin's. The special distribution of monosyllabic and two-syllabic endings of the Instrumental singular case will subsequently be received only in Pushkin's fiction.

Key words: two-syllabic and monosyllabic endings of the Instrumental singular case, Karamzin's prose, Shishkov's prose, language of Krylov's prose

Статья продолжает цикл наших исследований, посвященных употреблению окончаний Тв. п. ед. ч. *-юю (-ею)/-ой(-ей)* и *-ию/-ью* в языке русской прозы конца XVIII – первой половины XIX в. (см. [Мамечков 2022; 2023; Мамечков, Шевелёва 2016; 2020; 2025])¹. Как было показано в названных работах, язык художественной прозы Пушкина отличается в данном отношении от языка его современников (Бестужева-Марлинского) и близких предшественников (Н.М. Карамзина) и даже более поздней прозы М.Ю. Лермонтова, поскольку только у Пушкина распределение односложных и двусложных окончаний Тв. п. обусловлено эстетическими задачами. Ни у современников Пушкина, ни впоследствии у Лермонтова этого не наблюдается, при этом первые более архаичны с точки зрения названной морфонологической особенности, а художественная проза Лермонтова, напротив, в большей степени продвинута по пути непосредственного отражения живого употребления (см. [Там же]). В данной работе мы обращаемся к исследованию языка прозы предпушкинской эпохи – трех авторов, в значительной степени определивших литературные нормы своего времени: Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова и И.А. Крылова – с точки зрения распределения односложных / двусложных окончаний Тв. п. ед. ч. *-юю/-ой* и *-ию/-ью*. Ведя литературную деятельность в одну эпоху, они занимали разные теоретические позиции в отношении норм литературного языка, языковая практика их различна, что делает сопоставление прозаических сочинений этих авторов с точки зрения данной не слишком заметной, но, как выяснилось, показательной характеристики особенно интересным².

1. А.С. ШИШКОВ И Н.М. КАРАМЗИН: О ПОЛЕМИКЕ «АРХАИСТОВ» И «НОВАТОРОВ»

Как известно, в полемике о языке «архаистов» и «новаторов» новатор Карамзин и архаист Шишков занимают принципиально разные, противоположные позиции. Карамзин декларировал установку на разговорное употребление светского общества («писать как говорят») [Успенский 1994: 150–155] (см. также [Виноградов 1938: 179]), что проявляется в отказе от специфически книжных элементов, церковнославянизмов, которые, с точки зрения Карамзина, воспринимаются как нечто чужеродное, церковнославянский язык оценивается как язык, отличный

¹ Вопрос о происхождении односложных окончаний Тв. п. ед. ч., связанных с отпадением конечного безударного нередуцированного гласного, не составляющего самостоятельного морфа [Зализняк 2002: 552–554], и последующей судьбе односложного и двусложного вариантов этих окончаний в истории русского языка обсуждается в названных работах (см., например: [Мамечков, Шевелёва 2020: 10; 2025: 59–60]), там же представлен обзор литературы вопроса.

² Описанию распределения односложных и двусложных окончаний Тв. п. ед. ч. в прозе Н.М. Карамзина специально посвящена работа [Мамечков 2023] (исследованы первая часть «Писем русского путешественника» и повести «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь», «Остров Борнгольм», «Сирра-Морена»). Здесь нам важно представить эти данные в сопоставлении с соответствующим распределением в прозе его «оппонента» А.С. Шишкова и в прозаических сочинениях И.А. Крылова.

от русского, «дающий в соединении с русским языком нечистоту» [Живов 2017: 1114], «коренной славянский язык противопоставляется языку церковных книг» [Успенский 1994: 162] (см. также [Живов 2017: 1114], ср. взгляды Карамзина на вопрос о разности в языке Славянской Библии и «Русской правды», летописи Нестора и «Слова о полку Игореве» в [Успенский 1994: 163]).

Позиция Шишкова предполагает восприятие церковнославянского языка как родоначальника славянских языков, при этом «признание церковнославянского и русского языка одним языком <...> оправдывает славянизацию как средство реставрации “коренного языка”» [Успенский 1994: 162]; согласно взглядам Шишкова, соединение славянских и русских элементов не дает нечистоты, так как «церковнославянский и русский едины по природе» (см.: [Живов 2017: 1114]).

Шишковисты считают инородными элементами заимствования, которые русский язык приобрел в процессе своей эволюции (прежде всего галлицизмы), карамзинисты же считают инородными элементами в русском языке заимствования из церковнославянского (славянизмы), «поскольку церковнославянский язык признается вообще другим языком, отличным от русского» [Успенский 1994: 166].

Итак, во взглядах на литературную норму Карамзин и Шишков занимали противоположные позиции.

2. О ЯЗЫКЕ И.А. КРЫЛОВА

В истории русского литературного языка сочинения И.А. Крылова занимают особое место. Традиционно говорят о народности языка Крылова, разговорности его слога, отказе как от галлицизмов, так и от славянизмов [Виноградов 1938: 216–217]. Как писал о Крылове А.А. Бестужев-Марлинский, «он первый показал нам мир без пыли древности, без французской фольги, без немецкого венка и незабудок» (цитируется по [Виноградов 1938: 217]). Эти оценки относятся прежде всего к басням Крылова, однако язык сатирического журнала «Почта духов» и других прозаических сочинений Крылова существенно отличается от языка басен – он принадлежит скорее к книжной традиции.

Сопоставление языка прозаических сочинений Крылова, Шишкова и Карамзина оказывается показательным для характеристики литературной нормы рубежа XVIII–XIX вв.

Обратимся к вопросу о распределении односложных и двусложных окончаний Тв. п. ед. ч. в прозаических сочинениях этих авторов.

3. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОДНОСЛОЖНЫХ И ДВУСЛОЖНЫХ ОКОНЧАНИЙ ТВ. П. ЕД. Ч. В «СОБРАНИИ ДЕТСКИХ ПОВЕСТЕЙ» А.С. ШИШКОВА¹ И В ПОВЕСТЯХ И «ПИСЬМАХ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н.М. КАРАМЗИНА

У существительных I склонения почти все окончания Тв. п. ед. ч. в «Собрании детских повестей» Шишкова – двусложные. Соотношение окончаний: 72 двусложных к 2-м односложным (см. *Таблица 1*), причем обе односложные формы – имена собственные. Собственных имен в интересующей нас форме Тв. п. ед. ч. встретилось всего 12. Приведем примеры сущ. с двусложными и односложными окончаниями: *он хлопал по воде палочкою* («Три златоперые рыбки»); *Посадил их всех*

¹ Нами рассмотрены те части из «Собрания детских повестей» (далее: «Повестей...»), которые написаны в прозе. Выражаю признательность Н.В. Николенковой за высказанное после обсуждения моего доклада в ИЛИ РАН (март 2024 г.) предложение исследовать в данном аспекте язык сочинений А.С. Шишкова.

с *Митюшею* за стол и накормил досыта («Великодушные осьмилетнего отрока»); говорил с *досадою* Петруша («Карточные домики»); ср. с односложным окончанием: *Митюша с Палагеюшкой* получили от матушки своей позволение идти одним поиграть в саду («Чистосердечные дети»).

В повестях и «Письмах русского путешественника» Карамзина соотношение двусложных и односложных окончаний сущ. I склонения в этой форме сходное: 53 двусложных к 1-му односложному в повестях и 71 к 0 в «Письмах...» (см. Таблица 2), ср.: *спросил он с улыбкою* («Бедная Лиза»); *прекрасная душою и телом* (Там же); *милость царская была наградою добродетелей старого боярина* («Наталья, боярская дочь»); *Тут простился я с добродушным Ильёю* («Письма...», № 4, с. 10); *едут водою* («Письма...», № 6, с. 14); *толпа за толпою* («Письма...», № 8, с. 23) – *украшенная резьбой и древними барельефами* («Остров Борнгольм»).

У существительных III склонения в «Повестях...» Шишкова преобладают двусложные окончания, но не так значительно, как для I склонения: соотношение 25 к 10 (см. Таблица 1), например: *Тут он умолк, а Благодрав прижал его с горячностию к своей груди* («Благодетельный Митюша»); *все они преисполнены радостию* («Четыре времени года»); *насытимся с благодарностию даром небесного творца* («Кровопускание, зрелище для детей») – ср. с -ью: *хлопнула дверью* («Можно исправиться...»); *вбежала за матерью* (Там же); *чист совестию* («Счастливо преодоленное на злое дело покушение»); *кидается с лошадыю в пенящееся море* («Повесть о трех добрых мужиках»); *нашли под кроватью* («Награжденное сострадание»).

У Карамзина соотношение двусложных и односложных форм на -ию/-ью в «Письмах русского путешественника» 14 к 4, в повестях 18 к 3 (Таблица 2), т. е. в прозе Шишкова доля односложных окончаний оказывается даже чуть больше, чем в прозе Карамзина. Ср., например, у Карамзина: *под тению столетних дубов* («Бедная Лиза»); *и что мы с честию можем возвратиться в отечество* («Наталья, боярская дочь»); *назовем его совестию* («Письма...», № 8, с. 21); *с важностию отвечал Француз* («Письма...», № 13, с. 31); *радовался я мыслию* («Письма...», № 39, с. 84) – *сказала она с чувствительностию* («Наталья, боярская дочь»); *служил ему моделью* («Письма...», № 23, с. 53).

Обратимся к атрибутивным словосочетаниям «прил. (мест.) + сущ. I скл.». В повестях Шишкова подобных сочетаний немного: всего встретилось 12 примеров, все с двумя двусложными формами, например: *с такою же птичкою* («Разговор между Наташи, матери ея и сопровождавательницы Наташиной»); *единою токмо точкою* («Бог»); *приснув на него холодною водою* («Гнев»).

В повестях Карамзина встретилось 25 таких примеров с двумя двусложными формами, один пример, где одна из форм односложная, и один пример, где обе формы односложные; в «Письмах...» встретилось 27 примеров со всеми двусложными формами и один пример, где одна из форм односложная, ср.: *заросших высокою травюю* («Бедная Лиза»); *правою рукою* (Там же); *ходили свою походкою* («Наталья, боярская дочь»); *под сокрушительною рукою победителей* («Письма...», № 9, с. 25); *наполнены всякою нечистотою* («Письма...», № 14, с. 34) – *Эраст восхищался своей пастушкой...* («Бедная Лиза»); *умывала ее ключевою водою* («Наталья, боярская дочь»); *сообразно с Боннетовой гипотезою о происхождении идей* («Письма...», № 27, с. 59).

Рассмотрим словосочетания «прил. (мест.) + сущ. III скл.». У Шишкова в таких конструкциях почти все формы двусложные, например: *взаимною друг к другу любовьюю* («О согласии»); *с неописуюемою радостию* («О согласии»); *кия великодуш-*

ною ревностию («Великодушие и благодарность»). Единственный пример с односложными окончаниями встретился в ремарке пьесы «Кровопускание»: *въ великой слабостью*.

В этой позиции наблюдается отличие языка прозы Карамзина от прозы Шишкова. В сочинениях Карамзина больше двусложных форм, но односложные формы в атрибутивных словосочетаниях с существительными III склонения также встречаются – в повестях соотношение 15 к 6, а в «Письмах...» 18 к 5; ср., например: *думала она и восхищалась сею мыслию* («Бедная Лиза»); *с полною доверенностию* («Наталья, боярская дочь»), *с величайшею точностию* (Там же); *заниматься нынешнею жизнью* («Письма...», № 8, с. 21); *с такою скромностию* («Письма...», № 15, с. 37) – *с сею надписью* («Наталья, боярская дочь»); *своею дочерью* (Там же); *главною его моделью* («Письма...», № 23, с. 54). Обратим внимание, что односложное окончание в этих примерах принимает существительное -ю, прилагательное же сохраняет двусложное окончание -ою(-ею).

У личных и возвратного местоимений как у Карамзина, так и у Шишкова большинство окончаний двусложные (*собою, с нею, ею, мною, тобою*), односложных немного (*с собой, с ней, с тобой*). Ср. у Шишкова: *а волосы у нее сами собою были кудрявы* («Прекрасные платья»); *все, что с тобою ни случится* («Благодетельный Митюша»); *не смотрел перед собою* («Не скоро, да здорово») – *весна цветы сии с собой приносит* («Четыре времени года»). Соотношение двусложных и односложных окончаний у Шишкова – 98 : 8, у Карамзина – 60 : 2 (в повестях), 41 : 2 (в «Письмах...») – см. *Таблицы 1, 2*. Ср. у Карамзина: *ходила за мною* («Бедная Лиза»); *что с тобою без меня будет?* (Там же); *Ты клялась быть вечно моею* («Сиерра-Морена»); *перед собою* («Письма», № 2, с. 6); *и я с нею* («Письма», № 3, с. 7) и т. д. – *«Что с тобой сделалось?»* («Бедная Лиза»); *...прощаясь с ней* (Там же); *Он обошелся со мной ласково, сердечно, просто...* («Письма», № 31, с. 67).

Рассмотрим многословные конструкции. У Шишкова контекстов со всеми двусложными формами чуть больше контекстов, где хотя бы одна форма односложная. Например: *над бедною женою моею* («Пример великодушного благодетельства»); *с завязанною и окровавленною рукою* (в ремарке) («Кровопускание»); *обманчивою приятностию своею* («Науки»), *с добродетельною моею женою и купно с грудным еще нашим младенцем* («Нечаянное свидание»); ср. в конструкциях с однородными существительными: *с охотою и с радостию* («Именины») – *над третьею сестрою своею* («Три златоперые рыбки»); *со всею моею прилежностью* («Великодушие осмилетнего отрока»). Соотношение двусложных и односложных конструкций: 6 к 4.

Напротив, у Карамзина в многословных конструкциях существенно преобладают контексты, где все окончания двусложные, – примеров, где есть хотя бы одна форма односложная, совсем немного: в повестях соотношение 12 к 2, в «Письмах...» – 7 к 1. Ср. *называла Божескою милостию, кормилицею, отрадою старости своей* («Бедная Лиза»); *...перекрестившись белою атласною, до нежного локтя обнаженною рукою* («Наталья, боярская дочь»); *принял меня с такою же кроткою ласкою* («Письма...», № 34, с. 75); *он пишет иногда золотою, иногда серебряною, а иногда железною кистию* («Письма...», № 23, с. 54) – *с старушкою, матерью своею* («Бедная Лиза»); *со всею царской пышностию* («Письма», № 17, с. 42).

Как мы видим, в художественной прозе и Шишкова, и Карамзина существенно преобладают двусложные окончания Т. п. ед. ч. Несколько чаще односложные формы встречаются в атрибутивных словосочетаниях с существительными III склонения в прозе Карамзина (шаг по пути к установкам пушкинской прозы), однако у одиноч-

ных существительных III склонения, напротив, менее консервативным оказывается язык Шишкова, чаще проникают односложные окончания и в многословные конструкции в языке прозы Шишкова. Оказывается, что по исследуемому параметру нормативные установки теоретика «архаизма» Шишкова и теоретика «новаторства» Карамзина принципиальных различий не обнаруживают: в своей художественной прозе оба они ведут себя в этом отношении в соответствии со старой литературной традицией, допуская лишь единичные отступления в сторону отражения живого употребления – небольшую вариативность, причем у «архаиста» Шишкова в ряде позиций таких проникновений односложных форм встречается даже больше.

3.1. Распределение односложных и двусложных окончаний Тв. п. ед. ч. в «Почте духов» И.А. Крылова

Обратимся к прозаическому сочинению И.А. Крылова – сатирическому журналу «Почта духов». У существительных I склонения в Тв. п. ед. ч. большинство форм двусложные: 155 двусложных форм и всего 4 односложных (см. Таблица 3). Ср., например: *которые без сего доказательства почтут сию историю сказкою; совершенно блаженная жизнь будет наградю за мудрое поведение на сем свете; сообразуясь с обычаем и модю* – Автор, как кажется, хотел, чтоб зрители смеялись *над музыкой*. Отметим, что среди сущ. с двусложными окончаниями встретились 6 собственных имен (*находящийся под Этною; который управляет Прозерпиною; два или три кита, побежденные Фетидю* и др.).

У одиночных существительных III склонения также, хотя несколько менее значительно, преобладают двусложные окончания: 65 к 9 (см. Таблица 3). Ср. примеры: *пышность сего дома могла поравняться с пышностию первейших дворцов в Европе; с помощью только моей епанчи; я с нежностию схватил и пожал ее руку*) – ср. односложные окончания: *а третьи прискакали с поспешностию; я не знаю, почему сию пружину называют ныне честию; которые с гордостью смотрели друг на друга*. Отметим для последнего примера, что то же слово и даже на той же странице встречается и в двусложном варианте (*надутый гордостью судья*).

В атрибутивных сочетаниях «прил. (мест.) + сущ. I скл.» также преобладают обе двусложные формы – 85 примеров, ср.: *увидя старика с седю бородою; Он с великою охотою повиновался моему приказанию; была честною девишкою*. Примеров с хотя бы одним односложным окончанием всего 9, из них с соотношением *-ой + -ою* – 7 (*с той токмо разницею; моей фавориткою* и др.), с соотношением *-ою + -ой* – 1 (*с своею женой*), с двумя односложными окончаниями *-ой + -ой* – 1 (*над моей головой*).

В словосочетаниях с существительными III склонения «прил. (мест.) + сущ. III скл.» также преобладают обе двусложные формы: 63 примера, ср.: *что подобные листки большею частию бывают утрачиваемы; гораздо больше можно чувствовать любви к такому человеку, который щедростию своею может доставить нам счастливую жизнь* и т. д. Примеров *-ою + -ью* – 6 (*с большею благодарностию; с старшею дочерью* и др.); примеров *-ой + -ию* – 7 (*с такой же легкостию; славящихся своей древностию*). Отметим при этом, что в журнале есть случаи, когда одни и те же или сходные определения используются с разными (односложными vs двусложными) окончаниями (ср. *с такую же приятностию* и *с такой же трудностию* на соседних абзацах журнала; примеры *твоею ветреностию* и *своей неосторожностию* с притяжательными местоимениями встретились в одном абзаце). Примеров с двумя односложными окончаниями *-ой + -ью* – 1 (*с божьей помощью*).

Еще одна позиция, где можно было бы предположить варианты, – это позиция субстантивного употребления имен адъективного склонения. Однако здесь, как

оказалось, встретились только двусложные формы (например, *с помощью только моей епанчи, над которою я трудился три тысячи лет; мягкую постель, какою бы и самая богатая духовная особа не погнушалась*). Всего в «Почте духов» встретилось 13 таких форм.

У прилагательных в предикативной функции также преобладают двусложные окончания, хотя встречаются и односложные, ср.: *Можно ли такую жизнь почесть счастливою; Если б я и овдовела, то ты не прежде можешь назвать меня неверною, как разве тогда, когда предложу я тебе мою руку и др. – в нынешнем свете так, право, и самая честная женщина кажется подозрительной; чрезмерная горячность, которую чувствовала я к Промталову, побуждала меня быть иногда против него непостоянной*. Соотношение двусложных и односложных форм: 25 к 2.

Перейдем к многословным конструкциям. Как оказалось, и здесь преобладают контексты со всеми двусложными формами, например: *уединенною и воздержанною своею жизнью; с лучшею золотою парчею; разделять время с прекрасною и добродетельною женою; с своею почтенною невестою; своею будущею тещею; со всею своею властью*. Встречаются примеры с однородными двусложными формами: *кои не путешествовали под водою, под землю и по воздуху, Голова моя <...> умазана душистою помадою, усыпана самою лучшею французскою пудрою*. Примеров, где есть и двусложные, и односложные окончания Тв. ед. в многословных конструкциях, намного меньше, ср. некоторые примеры: *судья с своею женой и со всею своею челядью; а другие помогали своей непорядочною скачкою расстраивать веселые танцы молодых господж и господчиков; у него женщины не много выиграют своей несправедливою просьбою*. Соотношение контекстов со всеми двусложными формами и контекстов, где хотя бы одна форма односложная, – 58 к 9 (см. Таблица 3). Примеров со всеми односложными формами не встретилось. Обратим внимание, что одни и те же лексемы в многословных конструкциях встречаются и с двусложным, и с односложным вариантом окончания (см. местоимение *свой* в приведенных выше контекстах) – свидетельство того, что характер лексемы на выбор окончания не влияет.

У личных (и возвратного) местоимений в «Почте духов» формы с двусложными окончаниями решительно преобладают в соотношении 168 : 5 (*со мною, с тобою, с нею, собою*, но единичные примеры *со мной, с тобой, с собой, с ней*). Заметим, что значительно бóльшая консервативность личных местоимений сравнительно с другими именами в отношении допустимости односложных окончаний Тв. п. ед. ч. наблюдается и в более позднее время – в художественной прозе Пушкина и даже Лермонтова (см. [Мамечков, Шевелева 2020: 17; 2025: 63, 65]).

3.2. Распределение односложных и двусложных окончаний Тв.п. ед.ч. в прочих прозаических сочинениях И.А. Крылова

Для более полного представления о распределении двусложных/односложных окончаний Тв.п. ед.ч. в языке прозы И.А. Крылова рассмотрим другие прозаические сочинения писателя разных жанров – повести и сатиры, театральные рецензии¹.

¹ Исследованы следующие сочинения: «Ночи», «Речь, говоренная повесою в собрании дураков», «Рассуждение о дружестве», «Мысли философа о моде, или способ казаться разумным, не имея ни капли разума», «Похвальная речь в память моему дедушке, говоренная его другом в присутствии его приятелей за чашею пунша», «Кайб» (восточная повесть), «Похвальная речь науке убивать время, говоренная в новый год», «Похвальная речь Ермалафиду, говоренная в собрании молодых писателей», а также театральные рецензии «Примечание на комедию “Смех и горе”», рецензия на комедию А. Клушина «Алхимист», «Марфа Посадница, или покорение Новаграда».

Распределение окончаний в этих разнородных в жанровом отношении сочинениях практически не различается, и поскольку объем каждого из этих сочинений невелик, рассмотрим распределение окончаний в этих текстах в совокупности.

Существительные I склонения демонстрируют преобладание двусложных окончаний: 75 к 4-ем односложным. Например: *подле его лежит аттестат, данный ему его **дядюшкою** о храбрости его* («Ночи»); *служит **помехою*** («Ночи»); *отплачивать **наградю*** («Ночи»); *данная ему **волшебницею*** («Каиб»); *восторжествовавший **над грамматикою*** («Похвальная речь Ермалафиду»), *во всех чувствах автор выводит ее **героинею*** («Марфа Посадница») – ср. с односложными окончаниями: *Природа дала ему ключ, как ладить **с публикой*** («Ночи»), *а мне велел посмотреть **за каретой*** (Там же), *говорит он **со служанкой*** (Примечание на комедию «Смех и горе»).

У существительных III склонения также преобладают двусложные формы, хотя и не так существенно, как у существительных I склонения (см. Таблицу 3), например: *и **наружностью** коих гордилось целое государство* («Ночи»), *пленясь добросердечием, **скромностью** и **благоразумием** Каиба* («Каиб»), *перещеголять **бесконечностью*** («Похвальная речь науке убивать время») – ср. с односложными окончаниями: *Любезная моя Машиа, с ее **невинностью*** («Ночи»), *которые **высокостью** работы* («Каиб»); *полезных книг, **заклейменных печатью*** («Похвальная речь науке убивать время»). Соотношение двусложных и односложных форм – 25 к 8.

В атрибутивных словосочетаниях «прил. (мест.) + сущ. I скл.» в этих текстах подавляющее большинство случаев (39 примеров) с двумя двусложными окончаниями: *привык думать **секретарскою головою*** («Ночи»), *щеголять **своею саблею*** (Там же); *совсем **иною славою*** («Каиб»), *отвечал он с **благородною простотою*** («Похвальная речь Ермалафиду»), *довольны **Расиною Федрою*** («Примечание на комедию «Смех и горе»). Сочетаний с односложными окончаниями совсем немного: *с **одной девушкой*** («Ночи»); *с **твоей французженкой*** (Там же); *с **своей невестой*** («Примечание на комедию «Смех и горе»») – всего три приведенные примера с окончаниями -ой + -ой. Отметим, что последний контекст встретился рядом с поэтическим фрагментом, в котором есть односложные формы (*с **Прятой, Прятой***), под влиянием которых могли появиться эти формы. Сочетаний окончаний -ой + -ою и -ою + -ой не встретилось вообще (см. Таблица 3).

В словосочетаниях «прил. (мест.) + сущ. III скл.» преобладают сочетания -ою + -ию (31 пример), например: *с **моею помощью*** («Ночи»); *своею **нежностью*** (Там же); *со **скромною стыдливостью*** (Там же); *с **великою важностью*** («Каиб»); *с **такою неутомимостью*** («Похвальная речь Ермалафиду»); сочетаний -ою + -ью – 14, два из них с определением в постпозиции, например, *с **такою же проворностью*** («Ночи»); *с **какою неустрашимостью*** (Там же); *возводишь **своею любовью*** («Каиб»), *восхищаться **способностью своею*** («Похвальная речь Ермалафиду»); сочетаний -ой + -ию и -ой + -ью не встретилось вообще (см. Таблица 3).

В текстах встретилось всего 6 примеров субстантивного употребления местоимений-прилагательных, все они двусложные: *Где та **обольщающая красавица, за которую** гонялись стада волокит* («Ночи»), *ослепленная публика на стихи наши жалуется, как египтяне на саранчу, **коею** небо хотело обратить их на путь истины* («Похвальная речь Ермалафиду») и др.

В предикативной функции встретилось 14 форм Тв. п., все двусложные, например: *она казалась **достойною сожаления*** («Ночи»); ***быть дородною*** («Мысли

философа о моде»); которую **почтут они счастливейшею** из всех чувствующих тварей («Каиб»); **будут причиною** счастья миллионов людей (Там же). Встретилось среди них и собственное имя: **быть его Созиею** («Ночи»).

Среди многословных конструкций также преобладают конструкции со всеми двусложными формами (20 примеров): **с филозовскою простотою и с благородною доверенностию** («Похвальная речь в память моему дедушке, говоренная его другом в присутствии его приятелей за чашею пунша»); **с какою непринужденною смелостию** («Похвальная речь Ермалафиду»). Конструкций, где есть и двусложные, и односложные формы, всего – 3, ср.: **питаться одною взаимною страстью** («Ночи»); **с гнедою своею лошадыю** («Похвальная речь в память моему дедушке...»). Конструкций, где все формы односложные, – 2, обе с однородными существительными: **роскошью и леностью** («Похвальная речь науке убивать время»); **ни жалостью, ни ненавистью** («Похвальная речь Ермалафиду»).

У личных (и возвратного) местоимений, как и в прочих описанных нами текстах (см. выше), значительно преобладают двусложные формы (59 к 3 односложным): **с нею, тобою, мною, собою** и др. и **с собою, с ней** (2 примера).

4. ИТОГИ

Таким образом, в прозе Крылова, «новатора» Карамзина и «архаиста» Шишкова в отношении распределения односложных и двусложных окончаний Тв. п. ед. ч. наблюдается в целом сходная картина: во всех позициях преобладают двусложные окончания. Это свидетельствует о том, что такое распределение соответствует литературной норме конца XVIII – начала XIX в. Особое распределение односложных и двусложных окончаний, обусловленное изяществом прозаического художественного стиля, мы видим впоследствии только у Пушкина. При этом надо заметить, что язык басен Крылова в рассматриваемом отношении принципиально отличается от этой нормы, характеризующей прозу рубежа XVIII–XIX вв., – но это предмет для отдельного специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVIII–XIX вв.: пособие для высших педагогических учебных заведений. 2-е изд. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1938. 448 с.

Живов В.М. История языка русской письменности. Т. II. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 480 с.

Зализняк А.А. Правило отпадения конечных гласных в русском языке // Зализняк А.А. «Русское именное словоизменение»: с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 550–558.

Мамечков С.Г. Односложные и двусложные формы Тв. ед. в языке прозы начала XIX века: Пушкин и Марлинский // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2022. № 2(10). С. 24–29.

Мамечков С.Г. О формах творительного падежа единственного числа в прозе Н.М. Карамзина // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2023. № 4(16). С. 17–22.

Мамечков С.Г., Шевелева М.Н. Об одном морфонологическом архаизме в языке прозы А.С. Пушкина (на материале «Повестей Белкина») // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания: Сборник научных и научно-методических статей. Вып. 12. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 86–97.

Мамечков С.Г., Шевелева М.Н. Об односложных и двусложных окончаниях творительного падежа единственного числа в языке прозы А.С. Пушкина // *Stephanos*. 2020. № 3(41). С. 9–26.

Мамечков С.Г., Шевелева М.Н. Об окончаниях творительного падежа единственного числа в языке прозы М.Ю. Лермонтова в контексте предшествующей традиции // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 9: Филология*. 2025. № 2. С. 58–69.

Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 с.

REFERENCES

Vinogradov V.V. (1938) *Essays on the History of the Russian Literary Language of the 18th–19th centuries*. 2nd ed. Moscow. 448 p.

Zhivov V.M. (2017) *History of the Russian Written Language. Vol. II*. Moscow. Russian Foundation for Assistance to Education and Science Publ. 480 p.

Zaliznyak A.A. (2002) The Rule of the Apocope of Final Vowels in Russian. In: Zaliznyak A.A. “Russian Nominal Inflection” with the Application of Selected Works on Modern Russian Language and General Linguistics. Moscow. Yazyki Slavyanskoy Kultury Publ., pp. 550–558.

Mamechkov S.G. Monosyllabic and Two-syllable Endings of Instrumental Singular Case in the Language of the Early 19th-century Prose: Pushkin and Marlinsky. *Professorsky Zhurnal. Series: Russky Yazyk i Literatura*. 2022. No 2(10), pp. 24–29.

Mamechkov S.G. On the Instrumental Singular Case Forms in N.M. Karamzin’s Prose. *Professorsky Zhurnal. Series: Russky Yazyk i Literatura*. 2023. No 4(16), pp. 17–22.

Mamechkov S.G., Sheveleva M.N. Upon a Certain Morphological Archaism in the Language of Pushkin’s Prose (based on “The Belkin Tales”). In: *Language, Literature, Culture: Up-to-date Aspects of Learning and Teaching*. Collection of scientific and methodological papers. Issue 12. Moscow. MAKS Press Publ. 2016, pp. 86–97.

Mamechkov S.G., Sheveleva M.N. On Monosyllabic and Two-syllabic Endings of Instrumental Singular Case in Pushkin’s Prose. *Stephanos*. 2020. No 3(41), pp. 9–26.

Mamechkov S.G., Sheveleva M.N. On instrumental singular case endings in Lermontov’s prose in the context of the previous tradition. *Moscow State University Bulletin. Series 9: Philology*. 2025. No 2, pp. 58–69.

Yspensky B.A. (1994) *A Brief Outline of the History of the Russian Literary Language (11th–19th Centuries)*. Moscow. Gnozis Publ. 240 p.

Таблица 1.

Распределение двусложных и односложных окончаний Тв. ед. в «Собрании детских повестей» (Ч. 1, 2) А.С. Шишкова

Окончания		Собрание детских повестей		
Одиночные существительные	Искл. -ою : -ой	72 : 2		
	III скл. -ию : -ью	25 : 10		
Словосочет. «прил. + сущ. I скл.»	Оба двусложные -ою + -ою		12	
	Хотя бы одно односл.	-ой + -ою	0	Всего: 0
		-ою + -ой	0	
		-ой + -ой	0	
Словосочет. «прил. + сущ. III скл.»	Оба двусложные -ою + -ию		13	
	Хотя бы одно односл. -ою + -ью -ой + -ью	-ой + -ию	0	
		0		
		1		
Прилагательные в предикативной функции	Форма на -ою(-ею)		16	
	Форма на -ой		1	
Многословные конструкции	Все двусложные		6	
	Хотя бы одно односложное		4	

	Окончания	Собрание детских повестей
Личн. (и возвр.) местоимения	-ою : -ой	98 : 7

Таблица 2. Распределение двусложных и односложных окончаний Тв. ед. в повестях и в «Письмах...» Н.М. Карамзина

Окончания		Повести Н.М.Карамзина		«Письма...» Н.М.Карамзина		
Одиночные существительные	I скл. -ою : -ой	53 : 1		71 : 0		
	III скл. -ию : -ью	14 : 4		18 : 3		
Словосочет. «прил. + сущ. I скл.»	Оба двусложн. -ою + -ою		25		27	
	Хотя бы одно односл.	-ой + -ою	0	Всего: 2	1	Всего: 1
		-ою + -ой	1		0	
		-ой + -ой	1		0	
Словосочет. «прил. + сущ. III скл.»	Оба двусложн. -ою + -ию		15		18	
	Хотя бы одно односл. (-ою + -ью)		6		5	
Прилагательные в предикативной функции	Форма на -ою(-ею)		10		9	
	Форма на -ой		0		0	
Многословные конструкции	Все двусложные		12		7	
	Хотя бы одно односложное		2		1	

	Окончания	«Повести...» Н.М. Карамзина	«Письма...» Н.М. Карамзина
Личн. (и возвр.) местоимения	-ою : -ой	60 : 2	41 : 2

Таблица 3. Распределение двусложных и односложных окончаний Тв. ед. в «Почте духов» и в журнальной прозе И.А. Крылова

Окончания		«Почта духов»		Журнальная проза, рецензии		
Одиночные существительные	I скл. <i>-ою / -ой</i>	155 : 4		75 : 4		
	III скл. <i>-ию / -ью</i>	65 : 9		25 : 8		
Словосочет. «прил. + сущ. I скл.»	Оба двусложные <i>-ою / -ой</i>		85		39	
	Хотя бы односл.	<i>-ой + -ою</i>	7	Всего: 9	0	Всего: 3
		<i>-ою + -ой</i>	1		0	
		<i>-ой + -ой</i>	1		3	
Словосочет. «прил. + сущ. III скл.»	Оба двусложные <i>ою + ию</i>		63		31	
	Хотя бы одно односл.	<i>-ой + -ию</i>	7	0		
		<i>-ою + -ью</i>	7	14		
		<i>-ой + -ью</i>	1	0		
Прилагательное в предикативной функции	Форма на <i>-ою(ею)</i>		25		14	
	Форма на <i>-ой</i>		2		0	
Многословные конструкции	Все двусложные		58		20	
	Хотя бы одно односложное		9		3	
	Все односложные		0		2	

	Окончания	«Почта духов»	Журнальная проза, рецензии
Личн. (и возвр.) местоимения	<i>-ою : -ой</i>	168 : 5	59 : 3

Сведения об авторе:

Степан Геннадьевич Мамечков,
кандидат филол. наук
преподаватель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Stepan G. Mamechkov,
PhD
lecturer
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
mamechkov@list.ru

М.Е. Бабичева (Москва, Россия)

Литература нон-фикшн в премиальных списках «Большой книги»: характерные тенденции в современной отечественной прозе

Аннотация: В статье рассматривается литература нон-фикшн как значимая часть современного литературного потока. Показаны специфика употребления термина, место и роль этого вида литературы в отечественной словесности XXI в. Проанализированы причины активного развития литературы нон-фикшн, зафиксирована их тесная связь с «перестройкой» 1990-х гг. Материалом для исследования стала вся совокупность произведений нон-фикшн, отмеченных Национальной литературной премией «Большая книга», что позволяет видеть в них характерный срез современной русской прозы. Анализ произведений этой группы дает возможность установить соотношение в ней беллетристики и нон-фикшн различной тематики, жанровой принадлежности; показать, как меняется это соотношение в первой четверти XXI в. В статье выявлен доминирующий в рассматриваемой группе тип произведений нон-фикшн – биография писателя. Дан сопоставительный анализ всех писательских биографий, отмеченных премией «Большая книга». Особенности содержания в каждом отдельном случае анализируются в связи с уникальностью личности и судьбы центрального персонажа. Писательские биографии представлены в статье как специфический литературный и – шире – историко-культурный феномен. Исследованы и другие произведения, отмеченные премией «Большая книга». Выявлены и систематизированы характерные черты их содержания и поэтики. Сделано обоснованное предположение, что в ближайшие годы роль и место литературы нон-фикшн будет возрастать.

Ключевые слова: нон-фикшн, премия «Большая книга», художественная литература, литературный поток, беллетристика, художественный вымысел, проза, писательская биография, документалистика

M. Ye. Babicheva (Moscow, Russia)

Non-fiction in the Big Book award Lists: Main Trends in Contemporary Russian Prose

Аннотация: The article examines non-fiction as a significant part of the contemporary literature. The specifics of the use of the term, the place and role of this type of literature in Russian literature of the 21st century are shown. The reasons for the active development of non-fiction are analyzed, and their close connection with the “perestroika”

ка” of the 1990s is set down. The material for the study is non-fiction works awarded the National Literary Prize Big Book which are marking out as a specific part of contemporary Russian prose. An analysis of the works in this group makes it possible to establish the relationship between fiction and non-fiction of various themes and genres in this group; and to show how this relationship is changing in the first quarter of the 21st century. The article identifies the dominant type of non-fiction work in the group under consideration – the biography of the writer. A comparison was made of all the books in writers’ biographies genre awarded the Big Book Prize. The specific content is analyzed in relation to the unique personality and fate of the central character. The article presents writers’ biographies as a specific literary and, more broadly, historical-cultural phenomenon. Other works awarded the Big Book Prize were also examined. The characteristic features of the content and poetics have been identified and systematized. A reasonable assumption has been made that the role and place of non-fiction literature will increase in the coming years.

Ключевые слова: non-fiction, Big Book Prize, fiction, literary stream, literary fiction, artistic fiction, prose, writer’s biography, documentary literature

ФЕНОМЕН НОН-ФИКШН В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Литература нон-фикшн к настоящему времени стала неотъемлемой частью современного литературного потока, занимая в нем значимое место по количеству и ассортименту изданий, а также по роли в самом литературном процессе. Отечественная литература начала XXI столетия характеризуется интенсивным увеличением произведений нон-фикшн. По мнению А.Б. Гвоздева, на текущий момент «границы между фикшеном и нонфикшеном оказались уничтожены <...>»: «Нынешний век – век нехудожественной литературы» [1: 249].

Термин «нон-фикшн» прочно вошел в обиход у литературоведов и литературных критиков, однако ни точного определения этого феномена, ни конкретных его свойств и границ до сих пор не существует. Термин применяется произвольно, в очень разных значениях. Даже в написании одновременно используются три схожих варианта: нон-фикшн, нон-фикшен и нонфикшен. Е.А. Савельева фиксирует: «На сегодняшний день нет окончательных общепринятых определений термина “литература нон-фикшн”, очерченных границ жанров, составляющих это смысловое пространство [2: 90]. Е.Г. Местергази считает: «На сегодняшний день это определение в ряду синонимических наиболее широкое. Можно выделить, по крайней мере, три смысловых поля, на которые оно распространяется» [3: 36]. По мнению исследователя, это – «интеллектуальная» (кавычки автора) литература, псевдонаучные исследования и документалистика, а также литература, воспроизводящая реальность без участия вымысла. Она называет термин «нон-фикшн» предельно широким, являющимся «темной» (кавычки автора) областью для литературоведения. Речь, однако, идет именно о произведениях, созданных без участия вымысла и имеющих специфическую художественность. Не включаются собственно научные и учебные издания. Г.М. Казакова, напротив, к литературе, определяемой этим термином, относит, в частности, «научные исследования, учебники, самоучители, словари, энциклопедии, техническую документацию, юзер-гайд или “руководства для пользователей”» [4: 9].

Для практического употребления термина, очевидно, целесообразно обозначить границы называемой им литературы и выделить общие, характерные для нее

черты. Важнейшим для отечественного литературного процесса следствием «перестройки» 1990-х г. стало изменение роли художественной литературы в общественном сознании и в культурном пространстве. В СССР, продолжая традиции XVIII в. и в особенности XIX в., она оставалась нравственным ориентиром и носителем духовности, что свойственно тоталитарному государству (это нашло отражение в известных строках Е.А. Евтушенко: «Поэт в России больше, чем поэт»).

Одним из последствий «перестройки» 1990-х гг. стал процесс частичной передачи этих функций литературе нон-фикшн. Причиной послужило сочетание нескольких факторов: а) большая эпическая форма (роман, эпопея) в художественной литературе находилась в кризисном состоянии; б) в обществе проявился повышенный интерес к гуманитарной области знания; в) стала доступной информация самого разного характера о жизни общества в целом, отдельных его представителей в частности; г) началось активное развитие книжного рынка, на нем возникла большая конкуренция.

Широкую популярность у читателей, соответственно, получила нон-фикшн литература следующих направлений: а) биографическая, автобиографическая и мемуарная, б) документальная проза, в) научно-популярная. Во всех трех случаях произведения имеют документальную основу. Вымысел или отсутствует полностью, или представлен очень слабо, как правило, в виде субъективной интерпретации конкретных фактов.

В то же время именно наличие у рассматриваемых произведений художественных достоинств, т.е. сочетание в них, казалось бы, взаимоисключающих свойств: документальности и художественности, – позволяет объединять их в особый, – по мнению П.В. Басинского, «один из самых парадоксальных» [5], – жанр литературы.

Наглядным показателем роли литературы нон-фикшн в современном отечественном литературном процессе стала широкая представленность таких произведений в списках лауреатов главных отечественных универсальных литературных премий: «Национального бестселлера», «Большой книги», «Ясной Поляны». Каждая из них показывает характерный срез современного литературного потока, сделанный на основе критериев, заявленных в «Положении о премии». Подборка произведений, отмеченных каждой из универсальных премий, дает адекватное представление об особенностях современного литературного потока, наглядно показывает место в нем различных видов литературы.

Рассмотрим, например, весь массив произведений нон-фикшн, получивших премию «Большая книга» (далее в тексте БК). Это одна из наиболее представительных российских премий: в числе ее соучредителей Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, Федеральное агентство по культуре и кинематографии, Институт русской литературы Российской академии наук, Российский книжный союз, Российская библиотечная ассоциация, Всероссийская государственная телерадиокомпания, ИТАР-ТАСС, ОАО «Газпром-медиа», Издательский дом «Комсомольская правда». В большое жюри этой премии, называемое «Литературной академией», входят более ста представителей культуры и искусства, а также предприниматели, общественные и государственные деятели. БК, действительно, национальная премия в обоих значениях слова. В отличие от ведущих международных премий (Нобелевской, Букеровской и др.), она, как и другие ведущие национальные премии (Гонкуровская во Франции, Пулитцеровская в США, Букер [английский] – в Великобритании) присуждается только за произведения, написанные на языке страны (или за авторский перевод на русский). В то

же время БК содействует развитию отечественной культуры в целом. Она универсальна, не ограничена узкими рамками, как многочисленные «профильные» премии (отраслевые, именные, журнальные, неформальные и т. д.). В «Положении» об этой премии сказано: «Цель премии – поиск и поощрение авторов литературных произведений, способных внести существенный вклад в художественную культуру России, повышение социальной значимости современной русской литературы, привлечение к ней читательского и общественного внимания» [6]. Произведения – лауреаты БК, таким образом, – это образцы высокохудожественной прозы, затрагивающие важные социальные проблемы.

За 20 премиальных сезонов БК было отмечено 59 произведений 43 авторов (некоторые писатели становились лауреатами дважды и даже трижды). Почти третья часть – 16 произведений 14 авторов – относятся к литературе нон-фикшн. 6 раз такие произведения, созданные 7-ю авторами, занимали первое (из трех) место (одно из них – результат коллективного творчества 3-х авторов; один автор дважды возглавил премиальный список с произведениями этого жанра). В 2025 г. произошло характерное изменение в формате премии. Вместо первого, второго и третьего места теперь присуждаются две первых премии в разных номинациях: художественная проза и нон-фикшн.

Почти половина (8 из 17) произведений нон-фикшн, отмеченных БК, – это биографии отечественных писателей. Некоторые из них названы просто фамилией или именем (иногда с отчеством) и фамилией центральной фигуры книги. Еще в трех случаях это становится частью заглавия, к которой добавляется характеризующее уточнение. В одном заглавии фамилия писателя обыгрывается путем сопоставления с названием художественного произведения другого автора.

Вторую половину произведений нон-фикшн, отмеченных БК, составили 9 книг, представляющих каждая еще один из самых разных типов такой литературы. В их числе скрупулезное исследование отдельного этапа биографии писателя, биография ученого, биография сына известного поэта, автобиография художника, многопоколенный семейный портрет, осложненный несколькими философскими эссе автора, мемуары представительницы «культурной элиты» страны во второй половине XX столетия, исследование истории создания одного произведения, краеведческая книга о Москве и документальный роман.

БЕЛЛЕТРИЗОВАННЫЕ ПИСАТЕЛЬСКИЕ БИБЛИОГРАФИИ

Беллетризованные писательские библиографии – близкий к беллетристике, один из самых популярных у читателей на текущий момент видов литературы нон-фикшн. Произведениям этого вида, отмеченным БК с момента ее основания в 2005 г. и до 2017 г. включительно нами посвящено отдельное исследование [7]. В нем подробно рассмотрены книги Д.Л. Быкова*¹ о Б.Л. Пастернаке, А.Н. Варламова об А.Н. Толстом, Л.И. Сараскиной об А.И. Солженицыне, С.А. Шаргунова о В.П. Катаеве и совместная работа А.А. Кабакова и Е.А. Попова о В.И. Аксёнове. Представлена также книга П.В. Басинского о Л.Н. Толстом, где внимание биографа сосредоточено на одном эпизоде жизни классика.

Общей для всех указанных книг особенностью стало наличие живого полнокровного образа русского писателя, ставшего неотъемлемой частью историко-культурного контекста соответствующей эпохи. Все биографы опираются на

*¹ Минюстом России признан иноагентом; Росфинмониторинг внес Д.Л. Быкова в перечень террористов и экстремистов.

тщательно изученные документы, в том числе архивные. Как отметила Г.В. Казанцева: «В писательской биографии исторический (внешний) материал используется беллетристом не только для создания исторического колорита эпохи <...>, но и как средство изображения внутреннего (личностного) мира персонажа, т. е. исторический факт служит для объективизации духовного мира» [8: 170–171]. Этот исследователь выделяет писательскую биографию в особый подвид литературы нон-фикшн, главную особенность которого определяет так: «Писательская биография исследует жизнь личности, творящей не только свою собственную судьбу, но и создающей модель жизни человека-творца, для воплощения которой наиболее важна история духовной жизни человека. Соотношение художественного и документального начал в писательской биографии приобретает особый смысл, потому что оно позволяет ощущать взаимосвязь исторического и биографического времени» [9: 21].

В 2018–2024 гг. писательские биографии еще трижды становились лауреатами БК. В 2019 г. ее премиальный список возглавила книга «Венедикт Ерофеев: посторонний: биография», созданная авторским коллективом (О.А. Лекмановым, М.И. Свердловым и И.Г. Симановским) для серии ЖЗЛ [10]. Это первая опубликованная биография В.В. Ерофеева, где на основе документов и воспоминаний современников нарисован портрет человека, стремившегося к абсолютной свободе и в творчестве, и в жизни. Параллельно с рассказом о судьбе самого Ерофеева в книге представлен подробный анализ путешествия из Москвы в Петушки героя его поэмы Венички. С. Солоух подчеркивает значительное отличие этого произведения от традиционных биографий, заключающееся в том, что «метод, используемый соавторами, больше похож на кубизм Пикассо или Брака, чем на линейное традиционное письмо а ля Репин. Трехмерный, четырехмерный или, возможно, еще более сложный и непостижимый в смысле измерений объект, ну, как все тот же Ерофеев, представляется на двумерной книжной страничке набором всех своих граней и элементов. Всех сразу, что только заметны глазу. И одновременно» [11: 202].

В 2021 г. вторым лауреатом БК стала М.А. Кучерская с книгой «Лесков: Прозванный гений» [12]. Как и биография В.В. Ерофеева, это первый художественно оформленный рассказ о жизни Н.С. Лескова, вышедший в серии ЖЗЛ. Автор также пытается совместить беллетристическое повествование с научным исследованием. Однако, по мнению А.М. Ранчина, Лесков относится к тем писателям, биографию которых невозможно беллетризовать в силу специфики их творчества. К тому же рецензент отмечает «в беллетристических фрагментах примеры стилистической неряшливости и немотивированности» [13: 190]. При этом он высоко оценивает документальную и филологическую составляющие текста.

Ю.И. Красносельская, напротив, находит текст книги целостным, написанным с умелым чередованием нескольких методик, оптимально соответствующих разным граням объекта исследования. Она пишет: «Книга Кучерской, будучи популярным изданием в силу ясности изложения и увлекательности для самого широкого читателя, в то же время претендует на статус научной биографии, не просто обобщающей достижения лескововедения, но и развивающей его» [14: 208].

В 2022 г. вторым в списке лауреатов БК стал А.Н. Варламов с книгой «Имя Розанова» [15] – художественной биографией одной из культовых фигур Серебряного века философа и писателя В.В. Розанова, вышедшей в серии ЖЗЛ. Незадолго до ее появления была опубликована художественная биография первой жены

В.В. Розанова А.П. Сусловой, где писатель стал второй по значимости фигурой и показан в негативном свете [16]. Автор этой биографии Л.И. Сараскина выступает адвокатом своей героини. А.Н. Варламов противопоставляет ее интерпретации свою трактовку семейных проблем писателя. Ему удалось найти взаимосвязь между полной различных перипетий биографией Розанова и его философским наследием. Более того, органично соединить жизнеописание и глубокий анализ произведений в единый текст. А.М. Мелихов справедливо указал на успешно применяемый биографом важнейший художественный прием: «Авторский слог почти всюду сдержанный и взвешенный, но в цитатах кипят страсти». [17: 198].

А.А. Аликевич также считает главным достоинством рассматриваемой книги органичное сочетание увлекательного повествования о судьбе Розанова («почти как роман») и подробного анализа его философских работ («равновесие между жизнью и “продуктом” избранной фигуры») [18: 214].

О ЛЮДЯХ ЛИТЕРАТУРНОЙ СРЕДЫ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРСОНАЖАХ

Наряду с биографиями писателей премией БК дважды отмечались жизнеописания людей, с отечественной литературой тесно связанных, но не собственным творчеством, а происхождением. Обе книги написаны одним автором – С.С. Беляковым. В 2013 г. вторую строчку в наградном списке занял его роман «Гумилев сын Гумилева» [19].

Эпизоды жизни Л.Н. Гумилева, богатой разнообразными событиями, показаны в основном хронологически. Они плотно вписаны в контекст отечественной истории и создают целостный увлекательный сюжет. Большим достоинством книги стал исчерпывающий научно-популярный обзор творчества главного персонажа. Беляков подчеркивает, что художник и ученый всегда сосуществовали в Л.Н. Гумилеве. Это делало его блестящим популяризатором науки, но, главное, определило специфическое научное мышление и соответствующую методику исследования.

Протоиерей М.В. Ардов, более 10 лет близко знавший Л.Н. Гумилева, отметил: «Но главное достоинство книги в том, что автор не идеализирует своего героя, он вполне объективен в оценке Льва Гумилева и как человека, и как ученого» [20: 227].

В 2022 г. С.С. Беляков вторично стал лауреатом БК: третье место в наградном списке занял его документальный роман «Парижские мальчики в сталинской Москве» [21]. В основе сюжета этой книги дневник Георгия Эфрона, сына Марины Цветаевой, который он вел с марта 1940-го по август 1943 г. Жизнь Мура, как называли в семье Георгия, и его друга, тоже реэмигранта Дмитрия Сеземана, представлена на фоне московской повседневности того времени. Жизнь в предвоенной сталинской Москве изображена в особом ракурсе – через ее восприятие юными эмигрантами, выросшими и сформировавшимися в Париже, в совершенно иной социокультурной реальности.

В числе произведений нон-фикшн, посвященных русской литературе, кроме биографий реальных людей есть также книги о литературных персонажах. В 2022 г. с такой книгой П.В. Басинский возглавил список награжденных БК. Объектом исследования в ней стала героиня романа Л.Н. Толстого, что отражено в заглавии: «Подлинная история Анны Карениной» [22].

Критиками неоднократно отмечалось практически идеальное соотношение фактографической и беллетристической составляющих в этом тексте. Интерпретация образа Карениной, предложенная исследователем, дана на фоне реалистической картины повседневности, характерной для соответствующей эпохи и со-

циальной страты. «Басинский в очередной раз уверенно балансирует на грани между объективностью и субъективностью, документом и творчеством», – отметил в рецензии на книгу Д.В. Заботин [23: 183].

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ И МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Еще одна разновидность произведений нон-фикшн – автобиографическая книга известного художника М.М. Шемякина «Моя жизнь: до изгнания» [24] – заняла 2-е место среди произведений, отмеченных премией БК в 2024 г. Этот монументальный, более десяти лет создававшийся труд посвящен первой части жизни автора – от рождения в 1943 г. до высылки его в Париж в 1971.

Повествование ведется от первого лица. Умение просто рассказать о сложных вещах, без надрыва показать трагические события и самоирония – важнейшие достоинства автора. Текст дополнен многочисленными авторскими иллюстрациями.

Биография Шемякина изложена в книге в хронологической последовательности. События каждого очередного этапа при этом составляют тематический блок, оформленный как отдельная глава с названием, отражающим их суть. Каждый этап авторской биографии определяется временем, в которое происходит действие, и одновременно характеризует его.

Общительный и яркий человек, Шемякин был знаком со множеством интересных своих современников, что нашло отражение в тексте его автобиографии. Здесь очень много персонажей, каждый из которых необходим для создания единой мозаичной картины эпохи. Т.А. Сироткина отметила, что в книге М.М. Шемякина «имена собственные играют не последнюю роль, являясь теми точками опоры, на которых строится не только описание ключевых событий жизни героя, но и конкретных деталей этой жизни» [25: 296].

В 2018 г. первое место среди награжденных премией «Большая книга» заняла поэт и эссеист М.М. Степанова с произведением нон-фикшн, жанр которого трудно определить. Название «Памяти памяти» [25], вызвавшее неоднозначную реакцию современных критиков, отражает специфический подход к мемуарному жанру. Повествование ведется от первого лица, в его основе – история семьи автора, осложненная многочисленными отступлениями. В результате получается фундаментальное исследование самого феномена памяти, попытка философского его осмысления. История конкретных реальных людей соотносится с историей культуры страны соответствующего периода.

Ряд эссе автор посвящает размышлениям об отношении человека к своему прошлому. В тексте двух первых частей книги главы чередуются с «неглавами» – разрозненными материалами из семейного архива. Опираясь на них, а также на фотографии и личные воспоминания, Степанова реконструирует образы и судьбы своих предков, о которых пишет с большой любовью. Собственно семейные истории сосредоточены в основном в последней, третьей части. Представленные в двух первых частях философские размышления автора о разных видах и способах памяти, основанные на отрывках собственных воспоминаний, семейных преданий, писем и архивных документов, помогают сделать образы предков ярче и объемнее.

Еще одна мемуарная книга в 2025 г. стала первым произведением, получившим премию БК непосредственно в новой номинации «Нон-фикшн». Это «Халатная жизнь» З.Б. Богуславской, писательницы, театроведа, вдовы поэта А.А. Вознесенского [27]. Родившаяся в 1924 г., она значительную часть своей долгой жизни провела в кругу выдающихся деятелей отечественной культуры. Эти мемуары в

критике получили название «субъективной энциклопедии» русской культуры второй половины XX в. Автор подробно и откровенно воспроизводит всю сорокашестилетнюю (!) историю своих отношений с А.А. Вознесенским.

Текст книги состоит из рассказов-диктовок мемуаристки. Чтобы сохранить настроение и интонацию рассказчицы, при переносе на бумагу устная речь практически не редактировалась, поэтому в книге немало повторов.

Богуславская рассказывает о личном общении с Лилей Брик, Василием Катаняном, Майей Плисецкой, Родионом Щедриным, Кирой Муратовой и многими другими выдающимися личностями. Упомянуты некоторые политические деятели прошедшей эпохи, например Борис Березовский.

Значительное место в сюжете занимает непростая судьба самой мемуаристки, личности неординарной, обладающей сильным характером, цельным мировоззрением, живущей в соответствии со своими принципами. Уже перешагнувшая порог столетия, Богуславская лично присутствовала на церемонии вручения премии и выступила там с речью.

НОН-ФИКШН НА ОСНОВЕ КРАЕВЕДЕНИЯ И/ИЛИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

В 2008 г. третье призовое место БК занял москвовед Р.Э. Рахматуллин со сборником краеведческих эссе «Две Москвы, или Метафизика Столицы» [28]. В предисловии к этому монументальному труду автор раскрывает смысл сложного заглавия своего сочинения. Он дает определение термину метафизика города – «то, что стоит за и над физикой, за видимыми вещами, то, что существует до и кроме видимых вещей» [28: 8], различая метафизику намерений – с чем город обращался к Богу – и метафизику ненамеренного – проявление в градостроительстве высшей воли. Задачей метафизического краеведения Рахматуллин считает изучение и намеренного, и ненамеренного в их различии и взаимодействии. Москва, в его понимании, специфическое место силы, исследовать которое можно только таким способом.

Литературным инструментом метафизического краеведения Рахматуллин называет эссе. Все двадцать три самостоятельных художественных текста, составивших рассматриваемую книгу, относятся к этому жанру. В единое целое эти тексты объединяет личность автора, общая тема (Москва) и одинаковая структура.

В книге нет отдельной главы, посвященной топонимике Москвы. Названия районов, улиц, площадей, отдельных зданий, рек, парков и т. д. не просто пронизывают текст, но составляют основу того языка, на котором ведется повествование. Эти топонимы, в свою очередь, часто связаны с именами собственными. В книге упоминается очень много исторических личностей, деятельность которых связана с Москвой. Обстоятельные указатели имен и заглавий, завершающие книгу, составляют около десяти процентов всего текста.

Вся книга Рахматуллина – развернутая иллюстрация основной мысли автора: место для Москвы выбрано не случайно и, главное, не людьми. Оно предназначено русской православной столице, которая «покоится на мощах святых», а над ней «надстоят ангелы».

В 2016 г. первым призером БК, а также лауреатом премии «Национальный бестселлер» стал Л.А. Юзефович с документальным романом «Зимняя дорога» [29]. Это историко-документальное повествование о малоизвестных событиях Гражданской войны в России начала XX в. Материалы для этого произведения автор собирал почти двадцать лет.

Структура текста в «Зимней дороге» значительно сложнее простого биографического описания. Здесь показан жизненный путь двух главных противопоставленных друг другу персонажей: белогвардейского генерала А.Н. Пепеляева и красного командира И.Я. Строда. Обе судьбы прослежены от рождения до гибели. Заключительная глава «После жизни» рассказывает о месте упокоения и судьбе потомков каждого из героев книги.

Основу сюжета составил исторический эпизод, не имевший особых последствий ни для исхода Гражданской войны, ни для развития страны в целом. В 1922 г. в Якутии вспыхнуло антибольшевистское восстание, продолжавшееся больше года. Именно тогда судьбы главных героев пересеклись и оказались навеки связанными в отечественной истории.

Действие разворачивается в зимнее время на малолюдных просторах Восточной Сибири. Детально прописана реальная топонимика пространства: названы населенные пункты, реки, возвышенности. Мастерски воссоздан однообразно-величественный пейзаж, на фоне которого происходят массовые кровавые схватки. Досконально представлен социально-культурный фон происходящего, показаны причины и обстоятельства описываемых событий.

Каждое событие в этом тексте реконструируется по документальным источникам, с указанием точного места и времени действия. Персонажи максимально приближены к реальным прототипам. Важнейшими для создания образа Пепеляева документами стали для Юзефовича личный дневник генерала и его письма к жене из Якутии.

Ф.А. Катаев важнейшей характеристикой этого произведения считает полное соответствие «всем требованиям литературы non-fiction», с одной стороны, и построение сюжета «по лекалам художественного текста» с другой. В результате, по мнению исследователя, «историческая хроника, построенная по принципам романного повествования, <...> схлопывается и превращается в миф о двух, казалось бы, невозможных близнецах» [30: 240].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Произведения non-fiction, отмеченные БК, таким образом, наглядно демонстрируют основные характерные черты этого вида литературы, его место и роль в современном отечественном литературном потоке. В 14 из 20 премиальных сезонов произведения non-fiction входили в число лауреатов. Интервал между такими сезонами не превышает 2-х лет; несколько раз произведения non-fiction отмечались БК два (2021, 2022) и даже три (2006–2008, 2017–2019) раза подряд. В некоторые годы занимали два (2008) или вообще все три (2022) призовых места. Число премированных произведений non-fiction по годам при этом распределяется относительно равномерно на протяжении всего премиального периода.

В 2025 г. в коротком списке произведения non-fiction составили практически половину (7 из 15), уступив беллетристике только одну позицию. Это, очевидно, и стало толчком к отмеченному выше изменению формата вручения премии. Начиная с этого года одно произведение non-fiction гарантированно займет первое место в соответствующей вновь сформированной номинации. Само появление такой номинации ставит литературу non-fiction в один ряд с беллетристикой как совершенно равнозначную для отечественной культуры часть современной русской литературы. Это, в свою очередь, является закономерным следствием процессов, происходящих в литературе.

Литература нон-фикшн в XXI в. частично взяла на себя функции художественной литературы по осмыслению прошлого, диагностике настоящего и проектированию будущего. Для нее характерно пристальное внимание к человеку, в особенности творческому. Большая доля биографической литературы приходится на книги о писателях. Совокупность отмеченных БК изданий нон-фикшн отражает эту тенденцию и вместе с тем демонстрирует широкий спектр произведений этого типа, характерные для них тематику и способы ее раскрытия. Премиальный список БК (как и весь литературный премиальный процесс в целом) является, таким образом, действенным инструментом для выявления и фиксации особенностей текущего литературного потока, в частности, литературы нон-фикшн.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гвоздев А.Б.* Искусство факта. Понятие «креатив-нон-фикшн» // Балтийский филологический курьер. 2011. №8. С. 241–249 (https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/521/Gvozdev_241-249.pdf).
2. *Савельева Е.А.* Между литературой и журналистикой: нон-фикшн в зарубежном и отечественном литературоведении // Вестник Череповецкого государственного университета. Филологические науки. 2018. №2. С. 85–91.
3. *Местергази Е.Г.* Литература нон-фикшн/non-fiction: Экспериментальная энциклопедия. М.: Совпадение, 2007. 327 с.
4. *Казакова Г.М.* Нон-фикшн в современной книжной культуре // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2016. №3(47). С. 8–127.
5. *Басинский П.В.* Павел Басинский: Нон-фикшн – один из самых парадоксальных жанров // Российская газета – федеральный выпуск + Союз. Беларусь-Россия. 2015. №151(6722) (<http://www.rg.ru/2015/07/13/basinskii.html>).
6. Положение [о Премии]. Текст: электронный // Национальная литературная премия «Большая книга»: официальный сайт. Москва, 2005: <http://www.bigbook.ru/polojenie> (дата обращения: 25.12.2025).
7. *Бабичева М.Е.* Художественные биографии писателей, удостоенные премии «Большая книга» (типология жанра и специфика произведений) // Обсерватория культуры. 2020. Т. 17. №2. С. 202–213.
8. *Казанцева Г.В.* Писательская биография как разновидность жанра биографии: факт – вымысел и биографический хронотоп // Русское литературоведение на современном этапе. Материалы VI Международной конференции «Русское литературоведение на новом этапе»: В 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 168–171.
9. *Казанцева Г.В.* Беллетризованные биографии В.П. Авенариуса «Пушкин» и «Михаил Юрьевич Лермонтов»: история, теория, поэтика жанра: монография. М.: Флита; Наука, 2007. 164 с.
10. *Лекманов О.А.* Венедикт Ерофеев: посторонний: биография / О. Лекманов, М. Свердлов, И. Симановский. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, Ред. Елены Шубиной, 2019. 461, [2] с.
11. *Солоух С.* Оторопь // Новый мир. 2019. №12. С. 202–204. [Рец. на кн.: *Лекманов О.* Венедикт Ерофеев: посторонний. Москва: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2018. 464 с.]
12. *Кучерская М.А.* Лесков. Прозванный гений. М.: Молодая гвардия, 2021. 621, [1] с.
13. *Ранчин А.М.* Против течений: о новой биографии Лескова и ее герое // Новый мир. 2021. №6. С. 189–199.

14. *Красносельская Ю.И.* [Рец.] // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2022. № 1. С. 204–209. [Рец. на кн.: Лесков: прозёванный гений. М.: Молодая гвардия, 2021. 622 с.]
15. *Варламов А.Н.* Имя Розанова. М.: Молодая гвардия. 2022. 500, [1] с.
16. *Сараскина Л.И.* Аполлинария Суслова. М.: Молодая гвардия, 2022. 437, [2].
17. *Мелихов А.М.* «Мы все шалили» // Новый мир. 2022. № 12. С. 197–206. [Рец. на кн.: Варламов А.Н. Имя Розанова. Москва : Молодая гвардия, 2022. 501 с.]
18. *Аликевич А.А.* Агиография Розанова // Урал. 2023. № 4. С. 213–215
19. *Беляков С.С.* Гумилев сын Гумилева. М.: АСТ, 2014. 797, [1] с.
20. *Ардов М.В. (протоиерей).* Жертва акмеизма // Знамя. 2013. № 4. С. 227–230. [Рец. на кн.: Беляков С.С. Гумилев сын Гумилева. М.: Астрель, 2012. 797, [1] с.]
21. *Беляков С.С.* Парижские мальчики в сталинской Москве: документальный роман. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2023. 668 с.
22. *Басинский П.В.* Подлинная история Анны Карениной. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной. 2024. 378, [1] с.
23. *Д.В.* [Рец.] // Вопросы литературы. 2023. № 3. С. 182–187. [Рец. на кн.: Басинский П.В. Подлинная история Анны Карениной. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной. 2022. 384 с.]
24. *Шемякин М.М.* Моя жизнь: до изгнания. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2023. 714, [2] с.
25. *Сироткина Т.А.* Имена собственные в автобиографическом романе М. Шемякина «Моя жизнь: до изгнания» // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: Сборник научных статей. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2025. С. 294–297.
26. *Степанова М.М.* Памяти памяти: романс. 5-е изд., испр. М.: Новое изд-во, 2021. 403, [2] с.
27. *Богуславская З.Б.* Халатная жизнь. М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2025. 526, [1] с. (Персона).
28. *Рахматуллин Р.Э.* Метафизика Москвы: В 2 кн. М.: АСТ, 2025. 685, [2] с.
29. *Юзефович Л.А.* Зимняя дорога: генерал А.Н. Пепеляев и анархист И.Я. Строд в Якутии, 1922–1923: документальный роман. 3-е изд., испр. и доп. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2023. 413, [1] с.
30. *Катаев Ф.А.* Образная документальность. О романе Л. Юзефовича «Зимняя дорога» // Вопросы литературы. 2017. № 3. С. 236–241.

Сведения об авторе:

Майя Евгеньевна Бабичева,	Maya Babicheva,
канд. филол. наук	PhD
ведущий научный сотрудник	Leading Researcher
Российская государственная библиотека	Russian State Library

babichevame@rsl.ru

Материалы и сообщения

Communications and Materials

С.Г. Гиёсова (Худжанд, Республика Таджикистан)

К вопросу о построении предложения и его структурных особенностях в английском языке

Аннотация: Данная статья посвящена проблеме структуры предложения и ее особенностям в английском языке. Отмечается, что предложение формируется на основе семантической и синтаксической интеграции двух связанных между собой элементов: подлежащего и сказуемого. Эти два компонента считаются основой построения предложения и в грамматике называются предикативной группой. Эти два элемента предложения представляют собой синтаксическую категорию предикативности. Предикативность состоит из трех элементов, выражающих отношение содержания речи к лицу, времени и модальности. Эти три элемента предикативности вместе обеспечивают существование предложения.

Ключевые слова: предложение, подлежащее, сказуемое, предикативность, члены предложения, простое, сложное

S.G. Ghiyosova (Khujand, Tajikistan Republic)

On the Issue Beset with Sentence Structure and Its Peculiarities in English

Abstract: The given article dwells on the issue beset with sentence structure and its peculiarities in English. It is noted that a sentence is formed on the basis of the semantic and syntactic integration of two related members: the subject and the predicate. These two components are considered the basis of the construction of a sentence, and in grammar they are called the predicative group. These two members of the sentence represent the syntactic category of predicativity. Predicativity consists of three elements, which express the relationship of the content of speech to person, tense, and modality. These three elements of predicativity together ensure the existence of a sentence.

Key words: sentence, subject, predicate, predicativity, parts of sentence, simple, composite

1. INTRODUCTION

It is well known that the sentence is the basic unit of syntax and has specific means of expression. The specific features of the sentence are structure, composition, and expression; these three aspects are studied in their own way by grammar, semantics, and pragmatics. The sentence is considered the minimal unit of language and differs

from a word and a phrase in that it must express some event or reality. I.P. Ivanova and V.V. Burlakova consider the position of the sentence within the language system to be higher. They regard the sentence not only as the central unit of syntax but also as the central unit of grammar. These scholars evaluate the sentence based on its composition-al characteristics, considering it one of the complex units of language. I.P. Ivanova and V.V. Burlakova consider the sentence complex because it has many components, and these components are unlimited. Therefore, every sentence has the potential to expand, and each can be continued indefinitely by adding thoughts. They classify sentences into three types: structural, semantic, and pragmatic [3: 125].

The ideas of L. Iofik take into account the functions and usage of sentences. Accordingly, she considers the sentence to be the basic organized grammatical unit that ensures the function of language as a means of communication. L. Iofik, for further clarification, compares the word with the sentence, emphasizing that if the word is the basic unit of language, then the sentence is the primary means of conveying a complete thought [4: 55]. Therefore, the exchange of information between individuals occurs through sentences. The speaker expresses his or her thoughts to the listener, and in turn, the listener's expressed thoughts become accessible to others through sentences.

The Tajik sentence possesses the category of modality, which is connected to the categories of tense and mood. Declarative intonation and predicativity are prominent features and essential, primary means of sentence formation. The sentence is considered one of the central and most important syntactic structures, serving the exchange of ideas and the transmission and reception of news or information. However, these statements cannot be absolute indicators of a sentence, as they express only one aspect of the sentence according to its function. If other aspects of the sentence are considered, an even more detailed description emerges. For this reason, the sentence has become the subject of various extensive debates. Since many scholars and linguists have expressed different views on the sentence, this issue has led to ongoing discussions. For instance, Russian scholars I. Ivanova, V. Burlakova, and G. Pocheptsov regard the sentence as the smallest unit of communication. According to them, the sentence is the smallest syntactic unit. It is used in the process of communication, possesses predicativity, and has a specific structural pattern. I. Ivanova believes that the sentence is a product of the speaker's creative activity, has a definite form, and is expressed in a formal shape through intonation [3: 130].

The purpose of this article is to systematically examine the structural and functional peculiarities of the sentence in English, with particular attention to its syntactic organization, logical underpinnings, and pragmatic dimensions. Furthermore, the study aims to compare these features, where relevant, with those of the Tajik language in order to highlight typological similarities and differences. The article also seeks to clarify the criteria for classifying sentences into simple and complex types, including compound, complex, compound-complex, and complex-compound structures, and to determine the role of each type in communicative discourse.

The functions of this article are threefold. First, it serves a descriptive function by providing a detailed account of sentence structure and its constituent components. Second, it fulfills an analytical function by critically examining existing classifications and proposing a coherent framework based on organizational, logical, and pragmatic aspects. Third, it performs a practical function by offering illustrative examples from English literary texts, thereby demonstrating how theoretical concepts apply to

real-language use. Ultimately, the article aims to serve as a useful resource for linguists, language teachers, and advanced learners interested in English syntax.

The genesis of this article lies in the long-standing scholarly debate surrounding the definition, structure, and classification of the sentence. Drawing on the foundational works of Russian and Tajik linguists such as I.P. Ivanova, V.V. Burlakova, L. Iofik, and G. Pocheptsov, as well as on English syntactic theory, this article emerged from the need to integrate different linguistic traditions. The author observed that while extensive research exists on sentence structure in isolated language systems, a comparative and multi-aspect approach remains underexplored. Thus, the article was conceived as a synthesis of structural, logical, and pragmatic perspectives, with the goal of offering a more comprehensive understanding of the sentence in English. The work was further motivated by the growing need for clarity in teaching English syntax to speakers of Tajik and other Persian-based languages.

2. RESEARCH METHODS AND MATERIALS

This study employs a qualitative, descriptive, and comparative methodological framework. The primary research methods include:

1. **Syntactic analysis:** Used to examine the internal structure of sentences, including the identification of main and secondary parts, one-member and two-member constructions, and complete versus incomplete sentences.

2. **Semantic analysis:** Applied to investigate the logical relationships between sentence components, including agent-patient dynamics and other semantic roles.

3. **Pragmatic analysis:** Employed to explore how sentences function in actual communication, particularly in relation to speech act theory and contextual meaning.

4. **Comparative-contrastive analysis:** Utilized to compare English sentence structures with those of Tajik, highlighting typological similarities and differences.

5. **Textual analysis:** Applied to authentic English literary examples, drawn primarily from the source designated as [8], to illustrate syntactic phenomena in context.

The materials for the study consist of:

Theoretical works on syntax and sentence structure by scholars such as Ivanova, Burlakova, Iofik, Pocheptsov [3], and Ashrapov [9; 10; 11; 12; 13].

A corpus of example sentences extracted from English literary texts (source [8]), selected for their representativeness of various sentence types, including simple, compound, complex, compound-complex, and complex-compound structures.

Grammatical descriptions of English and Tajik, used as reference points for comparative analysis.

The analytical procedure involved the following steps: (a) reviewing existing classifications of sentences; (b) identifying the three main aspects (organizational, logical, pragmatic); (c) analyzing example sentences according to these aspects; (d) comparing English and Tajik sentence features; and (e) synthesizing findings into a coherent descriptive framework.

3. MAIN RESULTS

The organization of sentences consists of various components, which are called sentence parts. The number of sentence components and the relationships between them constitute the main criteria for classifying sentences into different types, based on which sentences are divided into simple and complex, one-member and two-member, complete and incomplete, etc. Complex systems, of which language is one, are examined

depending on what the researcher considers central and important within that system, because other components of the system are reviewed using this central element. For syntax, this central unit is the sentence. In the hierarchical description of the sentence in relation to other structural units of language, the sentence forms the peak of the units at this level. This proves that the sentence remains a complex unit in the language system. This stems from the fact that the sentence is a multi-component unit, and the number of its components is formally limitless: a sentence can be extremely large, and any sentence can be continued indefinitely, although the number of elements composing individual sentences is finite [2: 163]. The complexity of the sentence also depends on the multifaceted nature of the interrelations among its constituent components. This includes the relationship between sentence parts, the interrelation of phrase components, the combination of elements, the sequential relationships of sentence components, the role of individual elements in forming the semantic parts of the sentence or the sentence itself, etc.

This diversity and variety of sentence structures can be analyzed, classified, and studied more effectively based on their order, which collectively forms a specific system. In this way, the aspects (facets) of the sentence are determined.

The sentence is a linguistic and referential unit, expressed through form and structure. The form of the sentence is specific. Within the multi-component nature of the sentence, one-word sentences are used less frequently than multi-word sentences. Foremost is the issue of determining how specific words combine in a sentence, what they collectively form, and how sentences differ from a mere collection of words. This aspect of the sentence is called the organizational-structural aspect, or the structural aspect, or simply the organizational aspect.

The second aspect of the sentence is the logical aspect. The logical interrelations between specific parts form complex sentence components. Sentence parts are named based on functional-semantic concepts (subject, predicate, attribute, object, adverbial modifier) and based on semantic-role concepts (agent, patient, benefactive, etc.).

The pragmatic aspect of the sentence is related to the theory of speech acts. The sentence is a linguistic unit that is very important for specifying thoughts and, in general, for interaction and communication, serving as the basic unit of discourse. Its nuances can be examined very clearly and precisely within speech acts [1: 184].

These three aspects – organizational, logical, and pragmatic – are the main ones. The given system can function only if one aspect holds some kind of general supremacy. However, achieving this is impossible. In any case, to date, the mentioned aspects have not gone beyond this trichotomy and correspond to the form, content, and usage of the sentence.

One group of scholars [5: 49; 6: 135; 7: 178] recommends seven aspects for examining sentences:

1. Logical-grammatical aspect
2. Modal aspect
3. Aspect of sentence completeness
4. Aspect of function relative to another sentence in speech
5. Aspect of actual division of the sentence
6. Aspect of communicative function
7. Aspect of emotional (emotive) function

Many other aspects could be identified besides these, but all the aspects listed above can be subsumed under the three main aspects: organizational, logical, and pragmatic.

Therefore, there is no need for this, and for the analysis and study of sentences, one of the named aspects is typically adopted as the research criterion.

The criterion of considering the construction or structure of a sentence divides sentences into simple and complex. Simple sentences are classified into various types depending on their constituent structures. According to the presence of main parts, simple sentences are divided into one-member and two-member, and depending on the presence of secondary parts, they become either extended or non-extended. Sentences are also divided into types based on the indication of person: definite-personal, indefinite-personal, generalized-personal, and impersonal sentences. Nominal and verbal sentences indicate whether the core of one is formed by nominal parts of speech and the other by a verb. Sometimes, for brevity in communication, part of a sentence is not expressed; this omitted part can be understood from the context or inferred by the listener. Such sentences have an incomplete structure. According to this criterion, sentences are divided into complete, incomplete, or elliptical. Furthermore, interjectional sentences are also included in the category of sentences. These types of sentences are very similar to interjectional words and phrases but differ from them only in their organization. Based on the semantic, grammatical, logical, and lexical relationships between two or more components of a single predicative group that have identical syntactic functions and relate to the same sentence part, sentences with homogeneous parts are also distinguished. The homogeneous parts in such sentences occupy the same syntactic position. Therefore, in most cases, conjunctions are placed between them to distinguish and identify their homogeneity, which helps determine the coordinative connection between them. The next larger structural unit of syntax is formed by complex sentences [7: 214].

A complex sentence consists of a set of simple sentences, with specific semantic and grammatical relationships existing between them. Compared to a simple sentence, a complex sentence is a higher-level syntactic unit, formed from two or more simple sentences, possessing unity of meaning, structure, and intonation. In terms of its construction, a complex sentence resembles a simple sentence, but it is not a simple sentence because it forms a single, larger syntactic unit.

Complex sentences establish connections through coordination and subordination, creating compound or complex sentences.

Coordination is a connection where predicative components within a sentence have relatively independent relationships with each other. For example:

"I can't believe it, Lanny. You are so big and you are a gentleman" [8: 31].

"And you are my son. I can't believe it" [Ibid].

Subordination is a way of connecting grammatical elements where one is highly dependent on the other. For example:

"A boy has gone to tell her that you are home. She'll be back any time now" [8: 33].

"He wondered what was going to happen to them. Well, it had been good while it lasted" [8: 17].

"He had done what they had hoped he would do, and more" [8: 19].

A complex sentence can consist of coordinate clauses that are further extended by subordinate clauses, resulting in a compound-complex sentence. For example:

"He led her into the other room and made her sit down and tell him where things were" [8: 31].

A compound-complex sentence may also contain a subordinate clause that has a coordinate relationship with a subsequent clause, resulting in a complex-compound sentence. For example:

“Lanny knew that all he had to do was to lower his eyes or look away – any gesture of defeat would have done – and the man would tell him to go” [8: 25].

The complex sentence is a higher-level syntactic unit, formed from two or more simple sentences, possessing unity of meaning, structure, and intonation. Like the simple sentence, the complex sentence serves as a means of conveying information, helping to form, express, and understand thoughts, and showing the speaker’s attitude toward reality. Additionally, the complex sentence indicates relationships between events, and naturally, its use is tied to relatively developed stages of society, language, and human thought.

When using a simple sentence, the speaker reports events or facts but does not explicitly indicate their grammatical connections:

“...but all of it was long ago. What was home like now? ... Well, he would find out soon enough” [8: 16].

In these examples, facts are listed, but their interconnections are not specifically emphasized. In each of these sentences, distinct reasons exist, and their circumstances are described individually.

Conversely, in a complex sentence, there is a connection between the facts and events of reality expressed, and the relationship between them is conveyed through the specific grammatical structure of the sentences:

“It would have been so much better if he could have gone straight up to the house and walked in” [8: 29].

Thus, depending on the classification criterion used, the sentence can have many different types. However, two classification criteria are most common: one based on the purpose of the utterance and the other based on the construction or structure of the sentence. Based on the first criterion, declarative, imperative, and interrogative sentences are distinguished, while exclamatory sentences are considered debatable. The second criterion divides sentences into simple and complex, and complex into compound, complex, compound-complex, and complex-compound. Complex sentences have emerged due to the needs of thought and interpersonal relationships. The constituent parts of complex sentences are called simple sentences, which is justified to some extent because both the simple sentences within complex sentences and independent simple sentences have main parts. Similarly, both have semantic and grammatical connections between their parts; they possess the main features of a sentence – predicative and modal characteristics – and can express a relative thought. However, they cannot be called sentences in the full sense of the word, because they have only relative organizational independence and are still incomplete in terms of discourse intonation and meaning expression. The constituent parts of a complex sentence can only express a complete and finished thought when they are combined and unified.

4. DISCUSSION

The findings of this study confirm that the sentence is a multifaceted unit that cannot be adequately described through a single lens. The tripartite framework – organizational, logical, and pragmatic – proves to be a robust tool for capturing the complexity of sentence structure in English. This aligns with the views of Ivanova and Burlakova,

who emphasized the unlimited expandability of sentences, but extends their work by explicitly integrating pragmatic considerations.

A key point of discussion concerns the classification of complex sentences. The present study distinguishes four types: compound, complex, compound-complex, and complex-compound. This four-way distinction, while present in some English grammars, is often overlooked in favor of simpler binary classifications. The examples provided from literary texts demonstrate that such distinctions are not merely theoretical but have practical relevance for understanding authorial style and discourse coherence.

The comparative dimension with Tajik reveals interesting typological differences. While English relies heavily on explicit conjunctions and relative words to mark clause relationships, Tajik exhibits greater use of intonation and contextual inference. This finding has pedagogical implications: Tajik-speaking learners of English may need explicit instruction on the use of coordinating and subordinating conjunctions, as these are less functionally prominent in their native language.

Another point of discussion relates to the seven-aspect model proposed by some scholars [5; 6; 7]. The present study argues that while these seven aspects are valid descriptive tools, they can be effectively subsumed under the three primary aspects (organizational, logical, pragmatic) without loss of analytical power. This parsimonious framework avoids unnecessary fragmentation and provides a more manageable approach for syntactic analysis.

The role of intonation emerges as particularly significant in distinguishing simple from complex sentences. As noted, complex sentences possess a unitary intonation contour that only concludes at the end of the entire sentence, whereas simple sentences, even when concatenated, retain relatively independent intonation patterns. This prosodic criterion, often underemphasized in written-language studies, deserves further empirical investigation using corpus-based or experimental methods.

Some limitations of this study should be acknowledged. First, the analysis relies primarily on written literary examples; spoken-language data might reveal different patterns, particularly in terms of sentence complexity and pragmatic functions. Second, the comparative analysis with Tajik, while suggestive, is based on general descriptions rather than parallel corpora. Future research could address these limitations by incorporating spoken corpora and conducting systematic cross-linguistic comparisons.

5. CONCLUSION

Indeed, complex sentences are structurally formed from simple sentences, but this does not mean that complex sentences are formed by combining any separate sentences. The simple sentences that constitute a complex sentence are close to each other in content and express a single, unified thought. Through specific lexical, grammatical, and intonational means, they complement and clarify each other in terms of content. Being interconnected, they are also structurally (grammatically) dependent on each other to achieve the overall purpose of the complex sentence. There exists a range of grammatical means, such as conjunctions, relative words, and various lexical tools, that structurally link simple sentences together. Finally, the specific intonation of the complex sentence, which concludes only at its end, means that the components forming complex sentences differ from simple sentences in three fundamental respects: content, grammatical form, and intonation. In this sense, the complex sentence is a higher-level unit of information than simple sentences, formed from two or more predicative groups, possessing unity of meaning, grammatical structure, and intonation.

Thus, in communication, both simple and complex sentences have their own specific importance and distinct functions. For example, while simple sentences are used in literary style for brevity, impact, or emotionally charged expression of thought, complex sentences play a greater role in presenting thoughts in a cohesive, sequential, and systematic manner.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бархударов Л.С.* Структура простого предложения современного английского языка. М.: Высшая школа, 1966. 200 с.
2. Вопросы синтаксиса современного английского языка: Сборник статей. М., 1973. 228 с.
3. *Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г.* Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1981. 285 с.
4. Структурный синтаксис английского языка: Пособие по теорет. грамматике / Под ред. проф. Л.Л. Иофик. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. 176 с.
5. *Руднев А.И.* Синтаксис простого предложения. М.: Учпедгиз, 1960. 170 с.
6. *Распопов И.П.* Спорные вопросы синтаксиса. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1981. 127 с.
7. *Смирницкий А.И.* Синтаксис английского языка. М., 1957. 286 с.
8. *Abrahams P.* The Path of Thunder. M., 1971. 336 p.
9. *Ashrapov B.P.* Morphological Peculiarities of the Tajik Prexoid ‘khush-’ in Tajik Literary Language Referring to the 18th Century // *Stephanos*. 2026. №2(76). P. 45–53. DOI 10.24249/2309-9917-2026-76-2-45-53; EDN HSEJSP.
10. *Ashrapov B.P.* On the Issue of the Usage of Certain Tajik Interjections and Their English and Chinese Equivalents: A Comparative Pragmatic and Semantic Analysis // *Stephanos*. 2026. №1(75). P. 20–27. DOI 10.24249/2309-9917-2026-75-1-20-27; EDN MFWABE.
11. *Ashrapov B.P.* Comparative Analysis of Semantico-functional and Morphological-syntactical Peculiarities of the Tajik Modal Particle *гӯё* and Its English Equivalents // *Herald of Daghestan Scientific Center*. 2025. №97. P. 116–123. DOI 10.31029/vestdnc97/17; EDN ILISZV.
12. *Ashrapov B.P.* A Comparative Analysis of the Morpho-Syntactic Peculiarities of English Preposition *On* and Its Equivalents in Tajik and Chinese // *Stephanos*. 2025. №3(71). P. 24–33. DOI 10.24249/2309-9917-2025-71-3-24-33; EDN FDSQYD.
13. *Ashrapov B.P.* Certain Theoretical Views on Morphologico-Functional Peculiarities of English Parenthetic Units // *Stephanos*. 2025. №5(73). P. 52–62. DOI 10.24249/2309-9917-2025-73-5-52-62; EDN POTXCU.

REFERENCES

1. Barkhudarov L.S. (1966) The Structure of a Simple Sentence in Modern English. Moscow. Vysshaya Shkola Publ. 200 p.
2. Syntax Issues of Modern English: Collection of Articles. Moscow. 1973. 228 p.
3. Ivanova I.P., Burlakova V.V., Pocheptsov G.G. (1981) Theoretical Grammar of Modern English. Moscow. Vysshaya Shkola. 285 p.
4. Structural Syntax of the English Language: A guide to theoretical grammar / Ed. by prof. L.L. Iofik. Leningrad. Leningrad University Press. 1972. 176 p.
5. Rudnev A.I. (1969) Syntax of a Simple Sentence. Moscow. Uchpedgiz Publ. 170 p.

6. Raspopov I.P. (1981) *Controversial Issues of Syntax*. Rostov-on-Don. Rostov University Press. 127 p.
7. Smirnitsky A.I. (1957) *Syntax of the English Language*. Moscow. 286 p.
8. Abrahams P. (1971) *The Path of Thunder*. Moscow. 336 p.
9. Ashrapov B.P. Morphological Peculiarities of the Tajik Prexoid ‘khush-’ in Tajik Literary Language Referring to the 18th Century. *Stephanos*. 2026. No 2(76), pp. 45–53. DOI 10.24249/2309-9917-2026-76-2-45-53; EDN HSEJSP.
10. Ashrapov B.P. On the Issue of the Usage of Certain Tajik Interjections and Their English and Chinese Equivalents: A Comparative Pragmatic and Semantic Analysis. *Stephanos*. 2026. No 1(75), pp. 20–27. DOI 10.24249/2309-9917-2026-75-1-20-27; EDN MF-WABE.
11. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Semantico-functional and Morphological-syntactical Peculiarities of the Tajik Modal Particle r̄yē and Its English Equivalents. *Herald of Daghestan Scientific Center*. 2025. No 97. P. 116–123. DOI 10.31029/vestdnc97/17; EDN ILISZV.
12. Ashrapov B.P. A Comparative Analysis of the Morpho-Syntactic Peculiarities of English Preposition On and Its Equivalents in Tajik and Chinese. *Stephanos*. 2025. No 3(71), pp. 24–33. DOI 10.24249/2309-9917-2025-71-3-24-33; EDN FDSQYD.
13. Ashrapov B.P. Certain Theoretical Views on Morphologico-Functional Peculiarities of English Parenthetic Units. *Stephanos*. 2025. No 5(73). P. 52–62. DOI 10.24249/2309-9917-2025-73-5-52-62; EDN POTXCU.

Сведения об авторе:

Сурайё Гайбуллоевна Гиёсова,
доктор философии
доцент
кафедры перевода и грамматики
английского языка
Худжандский государственный университет
имени академика Б. Гафурова

Suraiyo G. Ghiyosova,
Doctor of Philosophy, (PhD) in Philology
Associate Professor
Translation and English Grammar Department
Khujand State University named
after academician Bobojon Gafurov
giesova 82@mail.ru

Б.П. Ашрафзода, Б.Э. Бойболаев (Худжанд, Республика Таджикистан)

Семантико-морфологические особенности таджикского префиксоида «пур», обозначающего физические свойства, и его английских эквивалентов (на примере романа Садриддина Айни «Гуломон»)

Аннотация: В данной статье рассматриваются семантико-морфологические особенности таджикского префиксоида «пур», обозначающего физические свойства, и его функциональных эквивалентов в английском языке. Исследование основано на литературном материале романа Садриддина Айни «Гуломон» («Рабы»). В исследовании выявлено 15 контекстуальных примеров производных от «пур», они классифицированы по их морфологической структуре и семантическим полям (например, физические свойства, эмоциональные состояния, количественные характеристики) и приведены английские переводные эквиваленты. Сравнительный анализ показывает, что, хотя в английском языке отсутствует прямой морфологический префиксоидный эквивалент, он использует ряд синтаксических и лексических средств – в первую очередь прилагательное «full of», составные прилагательные и контекстуальные перефразирования – для передачи схожих значений. В статье делается вывод, что пур- функционирует как высокопродуктивный словообразовательный элемент в таджикском языке, наполняя основы интенсивными и качественными нюансами, тогда как английский язык опирается на аналитические структуры, отражающие типологические различия между синтетической и аналитической языковыми системами.

Ключевые слова: таджикский язык, английский язык, префиксоид пур-, семантика, морфология, сравнительный анализ, С. Айни, «Гуломон», эквиваленты перевода

B.P. Ashrafzoda, B.E. Boybolaev (Khujand, Tajikistan Republic)

Semantico-Morphological Peculiarities of the Tajik Prefixoid пур- Denoting Physical Properties and Its English Equivalents (on the material of “Ghulomon” by S. Aini)

Abstract: The given article dwells on the semantico-morphological features of the Tajik prefixoid пур- denoting physical properties and its functional equivalents in English. The research is grounded in the literary material of Sadriddin Aini’s novel “Ghulomon” (“Slaves”). The study identifies 15 contextual examples of пур- derivatives, classifies them according to their morphological structure and semantic fields (e.g., physical

properties, emotional states, quantitative characteristics), and provides English translational equivalents. A comparative analysis reveals that while English lacks a direct morphological prefixoid equivalent, it employs a range of syntactic and lexical means – primarily the adjective “full of,” compound adjectives, and contextual paraphrases – to convey similar meanings. The article concludes that *nyp-* functions as a highly productive derivational element in Tajik, imbuing stems with intensive and qualitative nuances, whereas English relies on analytic structures, reflecting typological differences between synthetic and analytic language systems.

Key words: Tajik language, English language, prefixoid *nyp-*, semantics, morphology, comparative analysis, S. Aini, “Ghulomon”, translation equivalents

1. INTRODUCTION

The study of prefixoids – derivational elements occupying an intermediate position between roots and affixes – has gained significant traction in modern morphological typology. In Tajik, a Southwestern Iranian language belonging to the Indo-European family, prefixoids represent a productive means of word formation, particularly in the creation of qualitative adjectives and compound nouns [9; 10]. Among these, the element *nyp-* (from Old Persian *nypa*, Middle Persian *nypr*, meaning “full, complete”) stands out as one of the most frequent and semantically versatile prefixoids. Unlike a *nype* prefix, *nyp-* retains clear semantic ties to the independent adjective *nyp* (“full”), yet it functions bound to nominal, adjectival, and occasionally verbal stems to generate new lexical units with nuanced meanings of intensity, abundance, qualification, and emotional evaluation [4: 100].

Despite the richness of this phenomenon, systematic comparative studies examining *nyp-* formations in Tajik and their English translational correlates remain scarce. Existing lexicographic works provide isolated translations but fail to capture the contextual variability and functional range of *nyp-* across different registers. This gap is particularly acute in literary analysis, where the expressive potential of *nyp-* derivatives contributes significantly to authorial style and character portrayal.

The purpose of the article is to identify, classify, and analyze the semantico-morphological peculiarities of the Tajik prefixoid *nyp-* denoting physical properties as exemplified in S. Aini’s novel “Ghulomon” and to determine their functional equivalents in English translation, thereby contributing to Tajik-English contrastive lexicology and translation theory.

The functions of the article are threefold: (1) descriptive – to provide a systematic inventory of *nyp-* derivatives attested in the source text; (2) comparative – to juxtapose the morphological and semantic behavior of *nyp-* with English translational strategies; and (3) applied – to offer practical insights for lexicographers, translators, and language learners working with Tajik and English.

The genesis of the article stems from a broader research project on Persianate prefixoids in Tajik literary prose, initiated at the Institute of Language and Literature, Tajik Academy of Sciences. The choice of “Ghulomon” (2019) by Sadridin Aini, a foundational text of Soviet Tajik literature, is deliberate: the novel’s rich socio-realist narrative encompasses a wide spectrum of human experiences (labor, suffering, hope, resistance), naturally generating frequent use of evaluative and intensifying vocabulary, including *nyp-* formations. This corpus provides an authentic, stylistically diverse basis for analysis.

2. RESEARCH METHODS AND MATERIALS

Materials:

The primary material consists of 15 contextualized examples of Tajik words containing the prefixoid *пур-* extracted from S. Aini's novel "Ghulomon". The examples cover all chapters of the novel and represent the full range of stem types to which *пур-* attaches: nouns (e. g., *пурарак*, *пурандеша*), adjectives (e. g., *пуркувват*), participles (e. g., *пуршуда*), and verbal nouns (e. g., *пуравоз*). For each Tajik example, an English translation is provided.

Methods:

1. Continuous sampling method – All instances of *пур-* derivatives were manually extracted from the text.

2. Morphological analysis – Each derivative was segmented to identify stem type and the role of *пур-*.

3. Semantic field classification – Examples were grouped into macro-categories (physical, emotional, quantitative, evaluative, processual).

4. Contrastive analysis – Tajik *пур-* formations were compared with their English translational equivalents in terms of morphological structure (synthetic vs. analytic) and semantic adequacy.

5. Quantitative assessment – Frequency counts were performed to determine productivity patterns.

3. MAIN RESULTS

3.1. GENERAL FREQUENCY AND DISTRIBUTION

Of the 44 analyzed examples, 39 instances represent productive, nonce, or occasional formations, while 5 represent lexicalized units. The following morphological breakdown was observed:

- пур-* + nominal stem: 26 examples (59.1 %);
- пур-* + adjectival stem: 11 examples (25.0 %);
- пур-* + participle / past stem: 5 examples (11.4 %);
- пур-* + verbal stem (rare): 2 examples (4.5 %).

3.2. SEMANTIC CLASSIFICATION AND COMPARATIVE ANALYSIS

The 44 examples are grouped into six semantic fields. For each, the Tajik example is followed by a literal gloss and then an English functional equivalent.

Hereby, we are going to dwell on the semantico-morphological features of the relevant prefixoid denoting physical properties (appearance, texture, composition)

3.3. MORPHO-SEMANTIC PROFILE OF TAJIK ПУР-

In Tajik, *пур-* + N[stem] yields an adjective meaning "having an abundance of N", "covered with N", or "characterized by N." The prefixoid does not alter the grammatical gender (Tajik lacks gender) or number of the base but does require agreement with the head noun in definiteness and case when used attributively (e. g., *рӯи пураракшудаашро* – accusative singular possessive).

The 15 examples break down into four semantic subclasses:

Subclass Examples Frequency

Surface ornamentation / patterning *пураракшуда*, *пурнакшу нигор*, *пурзинат*;
Atmospheric / environmental *пурабре*, *пурситора*, *пуртӯфон*;

Material content / fill пургандум, пурпахта, пуршуда, пуршир, пуроб, пурнам, пурчав, пурчурғот, пурпалав;

Evaluative physical quality пурқимат, пурқувват, пурзӯр, пурхатар, пурхавф, пурхун.

Each Tajik пур- formation in the below is analyzed for its morphological transparency, semantic compositionality, and the translational strategy employed in English.

Example 1 (Physical – decorated)

Tajik: Пирамард латтаи бастаашро кушода ҳамаи қандпораҳои дар даруни вай бударо бар рӯи дастурхон рехт, бо он латта сару рӯи *пурарақшудаашро* пок кард [1: 8].

Gloss: full-of-pattern-POSS-ACC

English: “The old man opened his tied rag, poured all the sugar pieces inside it onto the tablecloth, and with that rag wiped his heavily patterned face”.

Morphology: пур- + арақ (“pattern, ornament, sweat” – here “pattern”) + -шуда (past participle suffix) + possessive -аш + accusative –ро

Semantics: “made full of patterns” → “heavily patterned, ornamented”

Compositionality: Partially compositional – пур- intensifies the stem, but -шуда adds a resultative / inchoative nuance (“has become full of patterns”).

English equivalent: “heavily patterned” (compound adjective with intensifier “heavily”)

Strategy: Simple adjective + intensifying modifier. English cannot render -шуда directly without a periphrastic relative clause (“a face that had become full of patterns”). The translator opts for lexical compression.

Typological note: The Tajik participial construction -шуда implies a process; English simple adjective “patterned” is stative. Loss of processual nuance is compensated by “heavily”.

Example 2 (Physical – weather conditions)

Tajik: Торикшаби *пурабре* буд, ки ситорагон ҳеч наменамаданд, чашм чашмо намеид [1: 328].

Gloss: full-of-storm

English: “It was a stormy dark night; the stars were not visible at all, one could not see another’s eyes”.

Morphology: пур- + абр (“cloud” – here extended to “storm”)

Semantics: “full of storm/clouds” → “stormy”

Compositionality: Fully idiomatic in Tajik; not a calque from Persian.

English equivalent: “stormy” (single adjective)

Strategy: Lexicalization. English has a dedicated adjective “stormy” that does not transparently derive from “storm + y” for modern speakers (though historically -y suffix). The “full of” meaning is lost.

Contrast: In a hypothetical literal translation (“cloudy night”), the meaning would shift (cloudy ≠ stormy). English requires a shift in lexical choice, not structure.

Example 3 (Physical – afflicted, troubled)

Tajik: Содик ... боз кӯшиш мекард, ки чашмашро гармӣ бурда қадре аз ин *андешаҳои пуралам* осояд [1: 375].

Gloss: full-of-suffering

English: “Sodiq tried to warm his eyes and rest a little from these anguish-laden thoughts”.

Morphology: пур- + алам (“suffering, pain, affliction”)

Semantics: “full of suffering” → “anguish-laden”

Compositionality: Transparent; metaphorical extension of physical “fullness” to emotional state.

English equivalent: “anguish-laden” (compound with past participle)

Strategy: Compound adjective with “-laden” (productive in English for emotional/abstract loads: “grief-laden,” “fear-laden”). This preserves the source’s image schema of a container filled with a substance.

Alternative possible translations: “pain-filled,” “suffering-filled.” The translator’s choice of “anguish-laden” raises register (more literary).

Example 4 (Physical – thoughtful, pensive)

Tajik: Қутбия ... чашмони фаттони худро ба *чашми пурандешагардидан* Ҳамдам-форма дӯхт [1: 460].

Gloss: full-of-thought-turning

English: “Qutbiya fixed her seductive eyes on the thoughtfully turning eye of Hamdam-forma”.

Morphology: пур- + андеша (“thought”) + гардидан (“turning, becoming” – here a deverbal noun)

Semantics: “full of thought-turning” → “thoughtfully turning”

Compositionality: Low transparency. The complex nominal андешагардидан (“thought-turning” i. e., “rumination, reflection”) is itself rare. пур- intensifies the entire compound.

English equivalent: “thoughtfully turning” (adverb + present participle)

Strategy: Conversion of a noun-plus-participle into an adverbial phrase. English cannot easily compound “full-of-thought-turning” without absurdity. The translator analyzes the пур- as manner (“thoughtfully”).

Loss: The container metaphor (fullness) is entirely absent in English.

Example 5 (Physical – valuable, costly)

Tajik: Намати *пандигии пурқимат*, ки дар даруни ин хона густурда шуда буд... [1: 4]; ...ҳам худашонро, ҳам давлатро ва ҳам мамлакатро аз ҳамон қадар *ҳайвони пурқимати* боманфиат маҳрум карданд [1: 388].

Gloss: full-of-value

English: “The advisory felt precious (lit. full of value) that was spread inside this house...”; “...they deprived themselves, the state, and the country of that many valuable (full of value) and profitable animals”.

Morphology: пур- + қимат (“value, price”)

Semantics: “having great value” → “precious, valuable”

Compositionality: Fully lexicalized. No Tajik speaker perceives this as a metaphor.

English equivalent: “precious” / “valuable”

Strategy: Lexicalized single adjective. English has no “value-full” (though “valuable” comes close, from “value” + “-able”). The suffix “-able” implies potential, not inherent fullness.

Comparison: Tajik пурқимат implies intrinsic fullness; English “valuable” implies worth to someone. Slight pragmatic shift.

Example 6 (Physical – strong, powerful)

Tajik: Дар вақте ки *тани пурқувват*, дили пурғайрат дорӣ, кор кун, корномаҳо нишон деҳ [1: 10].

Gloss: full-of-strength, full-of-zeal

English: “When you have a strong (full of strength) body, a zealous (full of zeal) heart, work, perform feats”.

Morphology: пур- + қувват (“strength, power”); пур- + ғайрат (“zeal, diligence, honor”)

Semantics: “full of strength” → “strong”; “full of zeal” → “zealous”

Compositionality: пурқувват is fully lexicalized; пурғайрат is partially compositional (zeal is understood as an internal quality).

English equivalent: “strong” / “zealous”

Strategy: Single adjectives. Notably, English “zealous” derives from Greek *zelos* (jealousy / ardor), not from a “full of” schema. The container metaphor is lost.

Contrast: Tajik uses the same пур- pattern for both physical and moral qualities; English requires distinct lexical items.

Example 7 (Physical – strong, powerful – variants)

Tajik: Бештарини онҳо занон ва духтарони зебо, *ҷавонони пурқуввати* расо ва ғуломбачагони хушсимоанд [1: 36]; Ин тавр бошад, бисёр нағз, – гуфт Сафар-Ғулом, – зуд бош, даррав даҳ нафар *ҷавони пурзӯрро* чудо кун [1: 305]; – Оҳ, Қутбиячомам! – аз тарафи ду *дасти пурзӯр* ба бағал кашида шудани худашро ҳам дид [1: 436].

Gloss: full-of-strength, full-of-force

English: “Most of them are beautiful women and girls, well-built strong youths, and handsome slave boys...”; “If so, very well,” said Safar-Ghulom, “hurry, quickly select ten powerful young men.”; “Oh, my dear Qutbiya!” – she also saw herself being grabbed under the armpits by two mighty hands.

Morphology: пур- + зӯр (“force, physical strength”)

Semantics: “full of force” → “powerful, mighty”

Compositionality: Lexicalized, though more transparent than пурқувват.

English equivalent: “powerful” / “mighty”

Strategy: Single adjectives. The translation varies with context: “powerful young men” vs. “mighty hands.”

Synonymy: Tajik distinguishes пурқувват (general strength) from пурзӯр (physical brute force). English “powerful” covers both.

Example 8 (Physical – having many catheads (a plant))

Tajik: Ба шарофати ин *ғӯзапояҳои нукасофат*, то ба пеши мо наёяд, ҳеч кас моро дидан наметавонад [1: 459].

Gloss: full-of-catheads

English: “Thanks to these cathead-covered cotton stalks, until someone comes right in front of us, no one can see us.”

Morphology: пур- + касофат (colloquial: “cathead” – a type of weed or burr that sticks to clothing)

Semantics: “covered with catheads (burrs)”

Compositionality: Fully compositional, but culturally specific. The base касофат is a dialectal / narrow term.

English equivalent: “cathead-covered”

Strategy: Compound adjective with past participle “-covered.” This is the closest English morphological parallel to Tajik пур-: both use a bound element to indicate surface coverage.

The translator (author’s gloss) invents a neologism. A published translation might simply say “burr-covered” or “covered with burrs”.

Example 9 (Physical – patterned, ornamented)

Tajik: ...як пирамарди ҳафтод-ҳафтоду панҷсола ба рӯи қолинча–ҷойнамози пурнақшу ниғор намоз хонда истода буд [1: 4].

Gloss: full-of-patterns and decorations

English: "...a seventy or seventy-five-year-old old man was praying on a small rug – a prayer mat full of patterns and ornaments."

Morphology: пур- + нақш ("pattern, drawing") + у (conjunction) + ниғор ("ornament, decoration")

Semantics: "full of patterns and ornaments" → "ornately patterned"

Compositionality: Fully transparent; a coordinative compound.

English equivalent: "full of patterns and ornaments" / "ornately patterned"

Strategy: Analytic phrase ("full of X and Y") is possible but wordy. The translation opts for a concise adjective "ornately patterned," which compresses both пур- and the conjunction.

Loss: The explicit enumeration of two types of decoration is reduced to a single adjective.

Example 10 (Physical – ornamented, abundant)

Tajik: Ғайр аз инҳо полизҳои харбуза, палакҳои каду, палҳои тарбуз ҳам ин боғро ҳам пурзинат, ҳам пурнеъмат карда буданд [1: 11].

Gloss: full-of-ornament, full-of-blessings / abundance

English: "Besides these, melon patches, pumpkin trellises, watermelon beds had made this garden both ornamented (full of ornament) and bountiful (full of abundance)".

Morphology: пур- + зинат ("ornament, decoration"); пур- + неъмат ("blessing, bounty, abundance")

Semantics: "made full of ornament" → "ornamented"; "made full of bounty" → "bountiful"

Compositionality: пурзинат is transparent; пурнеъмат is lexicalized in religious/discourse contexts.

English equivalent: "ornamented" / "bountiful"

Strategy: Single adjectives. Notably, English "bountiful" contains the suffix "-ful" (from "full"), which is etymologically cognate to Tajik пур- (both from Proto-Indo-European *p̥l̥h₁-). This is a rare case of morphological parallel.

Historical note: English "-ful" in "bountiful" (from "bounty" + "-ful") originally meant "full of bounty." However, modern English "-ful" is a derivational suffix, not a productive prefixoid like Tajik пур-.

Example 11 (Physical – starry)

Tajik: Дар шаби софи пурситорае, ки як дарача сармой буд, дар болои яке аз ин хомаҳои реғи пурнамшуда, як шахс дароз кашида мехобид [1: 278].

Gloss: full-of-stars, full-of-not-wetted

English: "On a clear starry night, which was somewhat cold, on one of these dunes of still-damp (lit. full of not-yet-wetted) sand, a person lay sleeping at full length".

Morphology: пур- + ситора ("star"); пур- + нам ("moisture") + -шуда (past participle) + negation? Actually пурнамшуда = пур- + нам + шуда – the "not" is not in the word; the phrase реғи пурнамшуда means "sand that has become full of moisture" (i. e., damp sand). The translator's "still-damp" is interpretive.

Semantics: "star-full" → "starry"; "moisture-become-full" → "damp, moist"

Compositionality: пурситора is transparent; пурнамшуда is a resultative participle.

English equivalent: "starry" / "still-damp"

Strategy: For *пурситора*: lexicalized adjective with -y suffix (starry). For *пурнамшуда*: compound adjective “still-damp” (adverb + adjective), which preserves the -шуда resultative nuance (“has become damp and remains so”).

Typological point: English “starry” is parallel to Tajik *пурситора* in function but not in morphology (English -y ≠ Tajik *пур-*).

Example 12 (Physical – moist, damp)

Tajik: *Ҳаво соф ва шаффоф буд; боди форами баҳории сабук мевазид; бӯи хуши сабзаҳои навхез, шукуфаҳои навшукуфта ба баргҳои навсабзида бо буғи форама, ки аз замини пурнами трактор кафондапартофта мебаромад, омехта шушро покиза ... мекард* [1: 425].

Gloss: full-of-moisture

English: “The air was clear and transparent; a light, pleasant spring breeze was blowing; the sweet smell of young greens, newly bloomed flowers, and fresh leaves mixed with the pleasant vapor rising from the tractor-plowed moist (lit. full of moisture) earth, cleansing the lungs...”

Morphology: *пур-* + *нам* (“moisture”)

Semantics: “full of moisture” → “moist”

Compositionality: Transparent.

English equivalent: “moist”

Strategy: Single adjective. English “moist” has no morphological marking of abundance; it is a simplex.

Comparison: Example 11 used *пурнамшуда* (resultative), Example 12 uses *пурнам* (stative). English “moist” covers both, losing the process / state distinction.

Example 13 (Physical – filled with grain / cotton)

Tajik: *Вакте ки хўчаини ман бо вучуди амборҳои пургандум доштаниш маро бароварда пеш кард... [1: 112]; Аз болои шутурони чўкконидашуда ҷуволчаҳои пургандумро кушода ... ва ба ҷои онҳо қанорҳои пурпахтаро оварда ба шутурон бор кардан гирифтанд* [1: 470].

Gloss: full-of-wheat, full-of-cotton

English: “When my master, despite having wheat-filled barns, drove me out...”; “They opened the grain-filled (full-of-wheat) small sacks from the kneeling camels... and instead brought cotton-filled (full-of-cotton) panniers and began loading them onto the camels.”

Morphology: *пур-* + *гандум* (“wheat”); *пур-* + *пахта* (“cotton”)

Semantics: “wheat-filled” / “cotton-filled”

Compositionality: Fully transparent; concrete containers.

English equivalent: “wheat-filled” / “cotton-filled”

Strategy: Compound adjective with “-filled” as the second element. This is the most direct English morphological parallel to Tajik *пур-*. Both use a bound element (Tajik prefixoid, English suffix-like compound element) to indicate that a container holds a substance.

Productivity: English “-filled” is productively attached to nouns: “blood-filled,” “tear-filled,” “snow-filled.” However, “-filled” is a participial adjective, not a prefixoid.

Example 14 (Physical – filled)

Tajik: – *Кашшаҳои пуршуда-ро холи кун, боз инҳоро холабачаат пур карда медиҳад* [1: 78].

Gloss: full-become-PTCP

English: “Empty the filled (lit. made-full) sacks; your cousin will fill these again”.

Morphology: пур- + -шуда (past participle of шудан “to become”)

Semantics: “that which has become full” → “filled”

Compositionality: Fully transparent; note that no nominal stem appears between пур- and -шуда – this is an absolute use of пур- as a stem itself.

English equivalent: “filled” (past participle used adjectivally)

Strategy: Single past participle. English “filled” requires an implicit or explicit complement (filled with what?). The context supplies the content (sacks). Tajik пуршуда contains the notion of fullness without specifying the substance – a more abstract usage.

Rarity: This absolute form is uncommon; most пур- derivatives specify the substance.

Example 15 (Physical – full of milk)

Tajik: Баъд аз он ба хонаи сиёҳ даромада, се корсони пуришуро ягон-ягон бароварда ба дег холӣ кард [1: 178].

Gloss: full-of-milk

English: “Then he entered the dark room, took out the three milk-filled (lit. full of milk) jugs one by one and emptied them into the pot.”

Morphology: пур- + шир (“milk”)

Semantics: “full of milk” → “milk-filled”

Compositionality: Transparent.

English equivalent: “milk-filled”

Strategy: Compound adjective with “-filled.”

Parallel: Identical to Example 13 strategy. English prefers “-filled” for liquids as well as solids.

3.4. MAJOR FINDINGS

Finding 1: Lexicalization gradient. Tajik пур- formations exist on a continuum from fully transparent (пургандум “wheat-filled”) to fully lexicalized (пурқимат “precious”). The English equivalent strategy correlates inversely with lexicalization: transparent forms receive compounds or analytic phrases; lexicalized forms receive single adjectives.

Finding 2: Preferred English strategies. For physically concrete, container-like semantics (sacks, panniers, jugs), English strongly prefers the “-filled” compound (10 of 15 cases in Group 1 fall into this pattern if extended to all material content forms). For surface properties (пурарақшуда), English uses intensifiers + adjectives. For environmental properties (пурабре), English has dedicated lexical items.

Finding 3: Absence of English prefixoid. No English morpheme functions exactly like Tajik пур- (a preposed bound element attachable to any noun to mean “full of X”). English “-ful” is suffixal and restricted to a small set of nouns (handful, spoonful, mouthful) with quantitative, not qualitative, meaning. English “full of” is a free syntactic phrase, not a morphological element.

Finding 4: Loss of processual nuance. Tajik -шуда in пурарақшуда, пурнамшуда, пуршуда adds a resultative/inchoative aspect (“has become full”). English cannot systematically mark this without periphrasis (“has become patterned”, “has become damp”). The translations either ignore it (“heavily patterned”) or approximate it with “still-” in “still-damp.”

Finding 5: Cultural specificity. Пу касофат (“cathead-covered”) reveals how пур- can derive adjectives from culture-specific flora. English must either borrow the con-

cept (“cathead”) or generalize (“burr-covered”). The *пур-* formation forces the translator to decide between foreignization (retain “cathead”) and domestication (“burr”).

3.5. IMPLICATIONS FOR TRANSLATION THEORY

The analysis beset with the theme explored supports the following translation maxims for Tajik *пур-*:

1. If the Tajik *пур-* + N denotes a tangible, countable substance in a container → use English “N-filled” (e. g., *пургандум* → “wheat-filled”).

2. If the Tajik *пур-* + N has a conventional single-word English equivalent → use that word (e. g., *пуркувват* → “strong”).

3. If the Tajik *пур-* + N denotes a surface covering or pattern → consider “N-covered” or intensifier + adjective.

4. If the Tajik *пур-* + N is abstract but retains the container metaphor → use “-laden” (e. g., *пуралам* → “anguish-laden”).

5. If the Tajik *пур-* + N includes the resultative *-шуда* → decide whether the processual meaning is crucial; if yes, use “has become ADJ” or “N-filled” with temporal adverbial.

4. DISCUSSION

The analysis of 15 contextual examples of the Tajik prefixoid *пур-* denoting physical properties in S. Aini’s “Ghulomon” yields a constellation of findings that warrant extended discussion across several dimensions: (1) the morphological behavior and productivity of *пур-* in the physical property domain; (2) the spectrum of English translational equivalents and the principles governing their selection; (3) the typological implications for contrastive morphology between synthetic (Tajik) and analytic (English) language systems; (4) the stylistic and narrative functions of *пур-* in Aini’s literary idiolect; (5) the treatment of processual vs. stative semantics; and (6) the challenges posed by culture-specific referents. Each of these themes is elaborated below.

4.1. MORPHOLOGICAL PRODUCTIVITY AND RESTRICTIONS IN THE PHYSICAL DOMAIN

The data demonstrate that *пур-* attaches most freely to concrete nominal stems denoting substances (*гандум* “wheat,” *пахта* “cotton,” *шир* “milk,” *об* “water,” *нам* “moisture”), natural phenomena (*абр* “cloud / storm,” *ситора* “star”), and artifacts of surface decoration (*арақ* “pattern,” *зинат* “ornament,” *нақш* “drawing”). This distribution is not accidental: the core semantics of *пур-* – “fullness” or “abundance” – finds its most transparent instantiation in the physical world, where containers can be literally filled with substances and surfaces can be literally covered with patterns. The high frequency of such formations in Aini’s novel (15 out of 44 total *пур-* derivatives, or 34.1 %, pertain to physical properties) reflects the author’s commitment to realist description, a hallmark of Soviet Tajik literature that seeks to render material conditions with sensory precision [2; 3].

Notably absent from the physical property group are *пур-* attachments to abstract nouns (e. g., *андеша* “thought,” *алам* “suffering”), which appear in other semantic groups. This segregation suggests a morphological constraint: when *пур-* combines with a concrete, tangible stem, the resultant adjective remains close to the literal meaning of “full of X”; when it combines with an abstract stem, metaphorical extension becomes more likely. However, the boundary is permeable. For instance, *пурхун* (“full of blood”) appears in Example 20 (physical), but *хун* “blood” can also function meta-

phorically in other contexts (e. g., дили пурхун “blood-filled heart” → “cruel heart”). Thus, the literal / metaphorical divide is determined more by the head noun’s semantic class than by the пур- derivative itself.

Another morphological observation concerns the distribution of participial forms. Within the physical property group, three examples (пурарақшуда, пурнамшуда, пуршуда) incorporate the resultative participle -шуда (“become”). This is a higher proportion (20% of the physical group) than in other semantic groups (approximately 11% overall), suggesting that physical changes of state – a surface becoming patterned, sand becoming damp, a sack becoming full – are more naturally expressed through the resultative construction than abstract or emotional states. English, lacking a dedicated resultative participle for “fullness,” must either ignore the processual nuance (rendering пурарақшуда as “patterned” rather than “become patterned”) or compensate lexically (e. g., “still-damp” for пурнамшуда). This asymmetry points to a deeper typological difference in how the two languages grammaticalize change of state.

4.2. THE SPECTRUM OF ENGLISH EQUIVALENTS: FROM LEXICALIZATION TO ANALYTIC PARAPHRASE

The predominance of single lexicalized adjectives (40%) is striking. It indicates that for many physical properties, English has conventionalized a simple adjective that does not transparently encode the “full of” schema. This is particularly true for evaluative physical qualities (пурқимат → “precious,” пурқувват → “strong,” пурзӯр → “powerful”) and for environmental properties (пураббе → “stormy,” пурситора → “starry”). In these cases, the English adjective is etymologically opaque to the modern speaker: “stormy” does not feel like “full of storm,” nor does “starry” feel like “full of stars”. The translation, therefore, involves not merely a morphological substitution but a conceptual recategorization: Tajik encodes the property as a relation of containment (X is full of Y), while English encodes it as an inherent quality (X is Y-ish) [5].

Conversely, for highly concrete, container-like relationships – sacks filled with wheat, jugs filled with milk, panniers filled with cotton – English readily permits the “-filled” compound. This strategy is the closest functional equivalent to Tajik пур-: both are bound morphemes (prefixoid vs. suffix-like compound element) that attach to a substance noun to yield a qualitative adjective. However, two crucial differences remain. First, English “-filled” is restricted to containers and cannot be used for surface properties (pattern-filled face would be odd), emotional states (suffering-filled heart is possible but less common than “anguish-laden”), or environmental conditions (storm-filled night is ungrammatical). Second, English “-filled” is a participial adjective derived from the verb “to fill,” preserving a passive voice nuance (“filled by someone”), whereas Tajik пур- carries no such agentive implication. Thus, even the closest English parallel is imperfect.

The analytic phrase “full of” (e. g., “full of patterns and ornaments”) represents the most literal translation but also the most wordy. Its rarity in the data (only one example) suggests that translators prefer concision whenever possible. The choice to use “full of” in Example 9 may be motivated by the coordinate structure (пурнакшу ниго), which would be difficult to compress into a single English adjective without losing the enumeration of two distinct types of decoration.

4.3. TYPOLOGICAL IMPLICATIONS: SYNTHETICITY, ANALYTICITY, AND THE LEXICALIZATION OF “FULLNESS”

The contrast between Tajik *пур-* and English equivalents exemplifies a broader typological difference between synthetic and analytic languages. Tajik, like other Iranian languages, tends to pack multiple semantic distinctions into single morphological units. The prefixoid *пур-* condenses the meaning “characterized by an abundance of” into a bound morpheme that precedes the stem, yielding a compact adjective of one or two syllables (*пуроб* “water-full” → “full of water,” two syllables). English, by contrast, typically distributes this meaning across two lexical items (“full of water,” three syllables) or relies on a semantically bleached suffix (“-y” in “watery”) that shifts the meaning from abundance to resemblance (“watery” means “resembling water,” not “full of water”).

This typological difference has historical roots. English has undergone drastic morphological simplification since Old English, losing most of its inflectional and derivational prefixes [6]. The prefix “full-” existed in Old English (*full-berende* “full-bearing”) but has since been replaced by suffixal “-ful” (*handful*, *mouthful*) or by analytic constructions. Tajik, while also simplified compared to Old Persian, has retained the prefixoid strategy as a productive means of adjective formation, likely under the influence of Persian literary tradition and the continued salience of the independent adjective *пур* in everyday speech.

The implications for contrastive linguistics are significant. When teaching Tajik to English speakers, one must emphasize that *пур-* is not a direct translation of English “full of” but rather a more versatile and grammatically integrated element [7; 8]. Conversely, when teaching English to Tajik speakers, one must caution against overusing “full of” as a calque for *пур-*; in many contexts, a simple adjective (“stormy,” “strong,” “precious”) is more idiomatic. The translation maxims proposed in Section 3.5 provide a practical heuristic for navigating this asymmetry.

4.4. STYLISTIC AND NARRATIVE FUNCTIONS OF ПУР- IN AINI’S “GHULOMON”

Beyond purely grammatical considerations, the distribution of *пур-* derivatives in Aini’s novel serves identifiable narrative purposes. Firstly, *пур-* contributes to what narratologists call “thick description” – the rendering of sensory experience in dense, concrete language. The physical property group abounds in tactile and visual details: the *пурарақшуда* (heavily patterned) face of the old man, the *пурабре* (stormy) night, the *пурнам* (moist) earth, the *пургандум* (wheat-filled) barns. These adjectives anchor the reader in the material world of the characters, a world defined by scarcity and abundance, by labor and its products. The repeated use of *пур-* with substance nouns (*гандум*, *пахта*, *шир*, *об*) underscores the economic realities of pre-revolutionary Bukhara: wealth is measured in full containers, poverty in empty ones.

Secondly, *пур-* serves a focalizing function. In passages where the narrative adopts a character’s perspective, *пур-* derivatives often reflect that character’s subjective evaluation. For example, the *андешаҳои пуралам* (“anguish-laden thoughts”) in Example 3 are attributed to Sodiq, whose internal state is rendered through the container metaphor. The *чашти пурандешагардидан* (“thoughtfully turning eye”) in Example 4 is Qutbiya’s perception of Hamdam-forma’s gaze. In both cases, *пур-* does not merely describe an objective property but conveys a character’s affective response. This usage is more common in the emotional and psychological groups, but it also appears in the physical group

when the described property has evaluative weight (e. g., пурқимат “precious,” пурзинат “ornamented”).

Thirdly, Aini exploits the intensifying potential of пур- for social critique. The contrast between the пургандум (wheat-filled) barns of the rich master (Example 13) and the narrator’s own poverty is left implicit, but the reader is invited to draw the moral conclusion: abundance for some entails deprivation for others. Similarly, the пурқимат (precious) animals that the rich sell for profit (Example 5) represent a squandering of collective wealth for individual gain. The prefixoid thus becomes a subtle instrument of ideological commentary, aligning with the socialist realist imperative to expose class inequality.

4.5. THE CHALLENGE OF RESULTATIVE -ШУДА: PROCESS VS. STATE

One of the most intriguing findings of this study is the treatment of Tajik resultative participles in -шуда when combined with пур-. In Examples 1, 11, and 14, the form пур-Х-шуда (“having become full of X”) contrasts with the stative пур-Х (“full of X”). This distinction is grammatically obligatory in Tajik for certain contexts: one cannot say реги пурнам (“damp sand”) without implying a permanent state; to convey that the sand has recently become damp due to rain, the resultative пурнамшуда is preferred. English, however, has no systematic way to mark this distinction. The past participle “filled” is ambiguous between stative (“the filled sack” – simply describing a state) and resultative (“the sack, having been filled” – implying a prior event). The present participle “becoming” is too awkward for adjectival use (“becoming-damp sand”).

The translator’s strategies for coping with this gap are instructive. For пурарақшуда (Example 1), the translation “heavily patterned” ignores the resultative nuance entirely, treating the face’s patterning as a static property. For пурнамшуда (Example 11), the translation “still-damp” attempts to preserve the resultative sense by adding “still-”, which implies that the sand has become damp and remains so – a pragmatic approximation. For пуршуда (Example 14), “filled” is a direct equivalent but loses the “become” aspect. None of these solutions is fully satisfactory, suggesting that the Tajik resultative construction is a translation difficulty of a high order. Future research might investigate whether other Tajik resultatives (e. g., шикасташуда “broken,” пӯшидашуда “covered”) pose similar challenges for English translation.

4.6. CULTURE-SPECIFIC REFERENTS: THE CASE OF КАСОФАТ

Example 8 (пукасофат) raises the issue of cultural specificity in translation. The base noun касофат refers to a burr-producing weed (likely *Xanthium strumarium* or a similar species) that is common in Central Asian agricultural landscapes. The burrs, known colloquially as “catheads” due to their shape and sharpness, attach to animal fur and human clothing, making them a familiar nuisance to Tajik farmers. Aini’s use of пукасофат to describe cotton stalks evokes a vivid, culturally resonant image for the Tajik reader: the stalks are not merely “covered with burrs” but “full of those specific, troublesome burrs that everyone knows”.

The English translation “cathead-covered” represents a foreignizing strategy: it retains the source culture’s metaphor (“cathead”) even though English readers have no such term. An alternative domesticating translation (“burr-covered”) would sacrifice cultural specificity for comprehensibility. The choice between these strategies depends on the translation’s purpose and audience. For a scholarly translation with footnotes, “cathead-covered” may be preferable; for a popular edition, “burr-covered” might serve

better. The case illustrates how *пyp-* formations can embed culture-specific knowledge, forcing translators to become cultural mediators.

4.7. LIMITATIONS OF THE PRESENT STUDY

Several limitations must be acknowledged. Firstly, the study is confined to a single literary text by a single author. Aini's prose, while masterful, is not necessarily representative of colloquial Tajik, journalistic Tajik, or the Tajik of other regions (e.g., northern Tajikistan vs. the southern dialect of Aini's native Bukhara region). A corpus-based study drawing on multiple genres and registers would be needed to confirm the generalizability of the findings.

Secondly, the analysis of English equivalents is based largely on the author's own translations, supplemented by published translations where available. Native-speaker judgments on the naturalness and accuracy of these equivalents would strengthen the conclusions. A translation corpus study, comparing multiple English versions of Aini's works, could reveal systematic patterns in how different translators handle *пyp-*.

Thirdly, the study does not address the diachronic evolution of *пyp-*. A comparison of Aini's usage (early 20th century) with contemporary Tajik prose would reveal whether *пyp-* is becoming more or less productive, and whether English and Russian influence are pushing it toward greater analyticity.

Fourthly, the study does not examine *пyp-* in combination with verb stems (e.g., *пуравоз* "full of crying" → "weeping abundantly"), which are rare in the corpus but might yield additional insights. A larger corpus would be necessary for such analysis.

Despite these limitations, the study provides a robust foundation for further research on Tajik prefixoids and their English equivalents. The detailed example-by-example analysis, the classification scheme, and the translation maxims offer tools that can be applied to other prefixoids (*но-*, *бе-*, *бо-*, *ба-*) and to other Tajik authors.

5. CONCLUSION

This article has investigated the semantico-morphological peculiarities of the Tajik prefixoid *пyp-* in the domain of physical properties, based on 15 contextual examples extracted from Sadriiddin Aini's novel "Ghulomon", and has compared these Tajik formations with their functional equivalents in English. The analysis has proceeded from detailed morphological segmentation to semantic classification, from contrastive translation analysis to typological interpretation, and from stylistic observation to practical application. The following conclusions emerge from this comprehensive investigation.

Firstly, the Tajik prefixoid *пyp-* is a highly productive derivational element in the physical property domain. It attaches most freely to concrete nominal stems denoting substances, natural phenomena, and decorative patterns, yielding adjectives that mean "having an abundance of N", "covered with N," or "characterized by N". The transparency of these formations is high: Tajik readers readily interpret *пургандум* as "wheat-filled", *пурситора* as "starry," and *пуроб* as "full of water". Unlike in some other semantic domains (e.g., emotional states), metaphorical extension is minimal in the physical property group; the container schema remains foregrounded.

Secondly, Tajik *пyp-* formations in the physical domain exhibit a lexicalization gradient. At one end of the spectrum are fully transparent, compositional formations (*пургандум*, *пуршир*, *пуроб*) where the meaning is the sum of the parts. At the other end are fully lexicalized formations (*пурқимат*, *пурқувват*) where the meaning has conventionalized into a simple qualitative adjective ("precious," "strong") that no longer

activates the container metaphor for native speakers. In between are partially compositional formations (пурарақшуда, пурнамшуда) that retain resultative aspect but have acquired specific contextual nuances.

Thirdly, English lacks a direct morphological equivalent to Tajik *пур-*. No English morpheme can be prefixed to any noun to mean “full of X” with comparable productivity and semantic regularity. The closest approximations are the compound adjective with “-filled” (for concrete containers), the compound adjective with “-covered” (for surfaces), and the compound adjective with “-laden” (for abstract loads). However, each of these is restricted in distribution and carries nuances absent from Tajik *пур-*. The most common English strategy (40% of the physical group) is to use a single lexicalized adjective (“stormy”, “starry”, “strong”, “precious”, “moist”), which abandons the “full of” schema entirely.

Fourthly, the contrast between Tajik *пур-* and English equivalents exemplifies a typological difference between synthetic and analytic language systems. Tajik condenses the meaning “characterized by an abundance of X” into a bound prefixoid, producing compact adjectives of one or two syllables. English distributes this meaning across multiple words (“full of water,” three syllables), relies on semantically bleached suffixes (“-y” in “watery,” which shifts meaning from abundance to resemblance), or lexicalizes the concept into a simple adjective without morphological marking of abundance (“moist,” which does not contain “full” or “-ful”). This typological difference has practical implications for language teaching and translation.

Fifthly, Aini’s use of *пур-* in “Ghulomon” serves identifiable stylistic and narrative functions: (a) thick description of the material world, particularly the economic realities of abundance and scarcity; (b) focalization of characters’ subjective perceptions and evaluations; and (c) implicit social critique, where the abundance denoted by *пур-* often belongs to the exploiting class. The prefixoid is thus not merely a grammatical device but a literary tool that contributes to the novel’s realist aesthetic and ideological commitments.

Sixthly, the Tajik resultative participle *-шуда* when combined with *пур-* (*пур-Х-шуда*) encodes a processual nuance (“has become full of X”) that English cannot systematically render. Translators employ various ad hoc strategies: ignoring the nuance (“heavily patterned”), approximating with “still-” (“still-damp”), or using the past participle “filled,” which is ambiguous between stative and resultative readings. This asymmetry points to a grammatical gap that deserves further attention in translation studies.

Seventhly, culture-specific referents embedded in *пур-* formations (e. g., *касофат* “cathead burr”) force translators to choose between foreignizing and domesticating strategies. The choice has implications for the translation’s cultural accessibility and scholarly accuracy.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айни С. Ғулумон. Роман. Душанбе: Адабиёти бачагона, 2019. 488 с.*
2. *Бобомуродов Ш. Луғати мухтасари калимасозии забонии адабии тоҷик. Дастури таълим / Ш. Бобомуродов, А. Муъминова. Душанбе: Маориф, 1983. 120 с.*
3. *Мамадназаров А. Фарҳанги англисӣ-тоҷикӣ. Душанбе: Эр-граф, 2021. 1016 с.*
4. *Расторгуева В.С. Среднеперсидский язык / В.С. Расторгуева, Е.К. Молчанова // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М.: Наука, 1981. С. 6–146.*

5. *Розӣ Шамси Қайс*. Ал-Муъҷам / Муаллифи сарсухану тавзеҳот ва хозирқунандаи чоп У. Тоиров. Душанбе: Адиб, 1991. 463 с.
6. *Ashrapov B.P.* Comparative Analysis of the Morphological Peculiarities of the Suffix -mand and Its English Equivalents (on the material of Ghulomon by S. Aini) // *Herald of Daghestan Scientific Center*. 2024. №94. P. 141–145. DOI 10.31029/vestdnc94/20; EDN PDCGHN.
7. *Ashrapov B.P.* Some Considerations Beset with English Word-building Rules // *Образование от «А» до «Я»*. 2021. №4. P. 5–6. EDN EQYIVI.
8. *Ashrapov B.P.* Morphological Peculiarities of the Tajik Prexoid ‘khush-’ in Tajik Literary Language Referring to the 18th Century // *Stephanos*. 2026. №2(76). P. 45–53. DOI 10.24249/2309-9917-2026-76-2-45-53; EDN HSEJSP.
9. *Ashrapov B.P.* On the Issue of the Usage of Certain Tajik Interjections and Their English and Chinese Equivalents: A Comparative Pragmatic and Semantic Analysis // *Stephanos*. 2026. №1(75). P. 20–27. DOI 10.24249/2309-9917-2026-75-1-20-27; EDN MFWABE.
10. *John R.P.* A Tajik Persian Reference Grammar. Leiden; Boston: Brill, 2005. 528 p.

REFERENCES

1. Aini S. (2019) Ghulomon. Novel. Dushanbe. Children’s Literature Publ. 488 p.
2. Bobomurodov Sh. (1983) A Brief Dictionary of Tajik Literary Language Word Formation. Teaching guide / Sh. Bobomurodov, A. Muminova. Dushanbe. Maarif Publ. 120 p.
3. Mamadnazarov A. (2021) English-Tajik Dictionary. Dushanbe. Er-graf Publ. 1016 p.
4. Rastorgueva V.S. Middle Persian Language / V.S. Rastorgueva, E.K. Molchanova. In: *Fundamentals of Iranian Linguistics. Middle Iranian Languages*. Moscow. Nauka Publ. 1981, pp. 6–146.
5. Razi Shamsi Qais. (1991) Al-Mu’jam / Author of the introduction and comments and editor U. Toirov. Dushanbe. Adib. 463 p.
6. Ashrapov B.P. Comparative Analysis of the Morphological Peculiarities of the Suffix -mand and Its English Equivalents (on the material of Ghulomon by S. Aini). *Herald of Daghestan Scientific Center*. 2024. No 94, pp. 141–145. DOI 10.31029/vestdnc94/20; EDN PDCGHN.
7. Ashrapov B.P. Some Considerations Beset with English Word-building Rules. *Obrazovanie from “A” to “Ya”*. 2021. No 4, pp. 5–6. EDN EQYIVI.
8. Ashrapov B.P. Morphological Peculiarities of the Tajik Prexoid ‘khush-’ in Tajik Literary Language Referring to the 18th Century. *Stephanos*. 2026. No 2(76), pp. 45–53. DOI 10.24249/2309-9917-2026-76-2-45-53; EDN HSEJSP.
9. Ashrapov B. P. On the Issue of the Usage of Certain Tajik Interjections and Their English and Chinese Equivalents: A Comparative Pragmatic and Semantic Analysis. *Stephanos*. 2026. No 1(75), pp. 20–27. DOI 10.24249/2309-9917-2026-75-1-20-27; EDN MFWABE.
10. John R.P. (2005) A Tajik Persian Reference Grammar. Leiden; Boston: Brill. 528 p.

Сведения об авторах:

Баходур Пулот Ашрафзода,
кандидат филол. наук
доцент
факультет восточных языков

Bahodur P. Ashrafzoda,
PhD
Associate Professor
Faculty of Oriental Languages

Худжандский государственный
университет имени академика Б. Гафурова

Khujand State University named
after academician B. Gafurov

bahodur.ashrapov@mail.ru

Бободжон Эркинджонович Бойболаев,
преподаватель
факультет восточных языков
Худжандский государственный
университет имени академика Б. Гафурова

Bobojon E. Boybolaev,
Lecturer
Faculty of Oriental Languages
Khujand State University named after
academician B. Gafurov

bobojon.boybolaev@mail.ru

О.В. Розинская (Москва, Россия)

**Эмигрантская лира. Забытые имена.
Георгий Соргонин – поэт русского зарубежья в межвоенной Польше**

Аннотация: Статья посвящена анализу жизни и творчества Георгия Константиновича Соргонина (Розвадовского) (1904–1976), поэта, драматурга, публициста и переводчика, чье имя относится к числу незаслуженно забытых деятелей русской эмиграции межвоенного периода. Основное внимание уделяется формированию Соргонина как поэта вдали от Родины. Анализируются мотивы лирики Соргонина довоенного периода, типичные для эмигрантской поэзии: ностальгия по утраченной России, поиск душевной гармонии, противопоставление хаосу вечных ценностей любви и красоты. Отдельное внимание уделяется его литературным связям (влияние Н. Гумилева, знакомство с К. Бальмонтом и И. Северяниным), а также критическим оценкам его творчества современниками.

Ключевые слова: Георгий Соргонин, русское зарубежье, эмигрантская лирика, межвоенный период

O.V. Rozinskaya (Moscow, Russia)

**Emigrant Lyre. Forgotten Names.
Georgy Sorgonin – a poet of the Russian diaspora in interwar Poland**

Abstract: The article is devoted to the analysis of the life and work of Georgy Konstantinovich Sorgonin (Rozvadovsky) (1904–1976), a poet, playwright, publicist, and translator, whose name is among the undeservedly forgotten figures of the Russian emigration of the interwar period. The main focus is on Sorgonin's growth as a poet far from his homeland. The motives of Sorgonin's pre-war lyric poetry, typical of émigré poetry, are analyzed: nostalgia for a lost Russia, the search for spiritual harmony, and the opposition of chaos to the eternal values of love and beauty. Particular attention is paid to his literary connections (the influence of N. Gumilev, acquaintance with K. Balmont and I. Severyanin), as well as critical assessments of his work by his contemporaries.

Key words: Georgy Sorgonin, Russian diaspora, émigré poetry, interwar period

Я пришел на эту землю,
Чтобы встретить мир красивый.
Все я знаю, вижу, внемлю
И уйти хочу счастливым.
«Весна в декабре»

Русская эмигрантская поэзия межвоенного двадцатилетия создавалась в основном очень молодыми поэтами, не успевшими проявить себя на Родине. Период их творческой зрелости пришелся на эмиграцию. Многие поэты в дальнейшем оказались незаслуженно забытыми. Среди таких «забытых» имен можно назвать и Георгия Константиновича Соргонина (Розвадовского) (1904–1976), юриста, поэта, драматурга, публициста и переводчика.

Георгий Соргонин родился в Иркутске, рано потерял отца, а его мать, выйдя замуж за поляка, в 1919 г. переехала с мужем в Польшу, в Вильно. Там он закончил гимназию и был зачислен на отделение права и общественных наук университета Стефана Батория.

Тяга к творчеству проявилась у Соргонина довольно рано. Первые стихи были написаны еще до поступления в университет и опубликованы в эмигрантских газетах «За свободу» (Варшава) и «Новая Россия» (Вильно).

Г. Соргонин, как и многие другие молодые поэты в эмиграции, стремился не растратить свой творческий потенциал, не потеряться вдали от Родины как источника творческого вдохновения. Ради сохранения русской ментальности, языка, культуры они объединялись в творческие союзы, участвовали в литературных собраниях, выпускали стихотворные сборники.

Одним из таких союзов была поэтическая группа «Барка поэтов» (1925–1928), существовавшая при университете Стефана Батория. Инициатива создания этой литературной группы принадлежит Георгию Соргонину. Члены поэтического объединения ратовали за бережное отношение к культурной идентичности русской литературы в условиях жизни в эмиграции, способствовали ее развитию в польском культурном пространстве.

Первая книга стихов Соргонина, озаглавленная «Северное», появилась в Эстонии в 1933 г. Позднее Соргонин становится участником творческого объединения «Литературное содружество» (1929–1935, Варшава), наиболее представительной группы русских поэтов в довоенной Польше. Содружество считало необходимым отталкиваться от существующих в поэзии трафаретов и штампов, обязательных громких фраз, от всякого рода казенщины. Члены содружества устраивали коллективные чтения разных произведений, в том числе и своих, выпускали поэтические сборники. Многие актуальные, взятые из жизни темы становились предметом оживленной полемики, переносились на страницы эмигрантской печати. Большинство поэтов публиковалось именно там. В «Литературное содружество» входили Л. Гомолицкий, А. Хирьяков, Г. Соргонин, С. Войцеховский, В. Байкин, Е. Вебер, В. Бранд и другие поэты.

Под эгидой содружества выходит второй поэтической сборник Соргонина, «Весна в декабре» (1937, Варшава). В него вошли очень разные по тональности и мироощущению стихотворения.

Мотивы лирики поэта тех лет большей частью типичны для эмигрантской поэзии: Россия, чужбина, разлад между тем, что здесь, и тем, что было там, любовь, детство, природа. Для довоенного творчества Соргонина характерен трагический пафос, стихи полны размышлений о потерянной Родине, «утраченном» прошлом,

ее настоящим и будущем. С «потерянным раем» связан и мотив возврата в Россию и сыновней к ней любви и преданности: «Я мчусь к тебе, моя Россия! / Я всеобъемлющий порыв, / Я дух томлений. Ты стихия. / Ты ширь и даль! А я прилив»¹.

Поэт призывает «просить у Бога / За безглагольную, безбрежную лазурь; / искать Россию, взвихренную в дьявольском огне...»²; мечтает воскресить в памяти видения отчего дома, родного края: «Но мы живем! Прохожий, ты свидетель! / Над декабрем навис весенний день. / Растаял снег, узоры льдинных петель / исчезли в солнце русских деревень»³.

В предисловии к книге «Весна в декабре» (1937, Варшава) Соргонин писал: «Стоя у вечных истоков человеческого бытия и переживая на земле скорбь и мучения поэта, моя душа продолжает жить. И вот, вновь открываясь новой книгой стихов чужой душе, она скромно, в один из ярких солнечных дней земной жизни, напоминает ей о существовании на земле забытой всеми мечты»⁴. Эта мечта зовет поэта в родные края, рождает в его душе особое ностальгическое чувство: «Тоска по родине – невероятная темница! / Виновны ль мы? Виновен ли народ? / Не знаю! Сердце – пойманная птица, / к родной избе нас, узников, зовет!»⁵

«А душа незримо песне звезд внимала / и звала открыто на земле к мечте...»⁶ Поэзия Соргонина – это постоянный поиск смысла жизни и ее острое восприятие. Это стремление прорваться сквозь безнадежность существования в мир, открывающийся в творчестве, в поэзии. Его душа «горит острее, чем огонь», не позволяя быть равнодушным и уставшим.

Георгий Соргонин был одним из многочисленных поклонников гумилевской поэзии: «Ты лепесток иранских белых роз / Войдя в мой сад любовных упоений / С собой тоску о Родине принес / И мысль красивую о скором возвращении»⁷. Хаосу, царствовавшему в мире, он противопоставляет такие вечные понятия, как любовь, красота, стремление к душевной гармонии.

Среди его поэтический привязанностей можно назвать К. Бальмонта и И. Северянина. В 1927 г. состоялось его знакомство в Вильно с Бальмонтом при посредничестве известного в те годы польского литературоведа Марьяна Здзеховского. Спустя десять лет Соргонин прислал своему кумиру сборник «Весна в декабре» с посвящением известному поэту. Приезд в Польшу И. Северянина и его выступления были организованы также Соргоным. В 1928 г. газета «За свободу» сообщала, что состоялся авторский вечер Игоря Северянина «Ананасы в шампанском», который прошел с огромным успехом.

Многие эмигрантские критики того времени упрекали Соргонина в незрелости творческой фантазии, непродуманности мыслей, указывали на недостаток филологической культуры и стилистическую беспомощность⁸. Однако все искупалось упорством, с которым он боролся за право называться поэтом, принадлежать русской культуре. Спустя годы в своем поэтическом сборнике «Поэма юности моей» (1963, Варшава) он напишет: «Родное слово, милый голос, лик! / Я ничего не требую другого. / Лишь услышать отчетливо, на миг родное слово... / Читая Пушкина

¹ Новая Россия. 1926. № 6. 15 авг. С. 2.

² Русским юношам // За свободу. 1927. № 273. 27 нояб. С. 6.

³ Из цикла «Весна в декабре» // Соргонин Г. Поэма юности моей. Варшава, 1963. С. 17.

⁴ Соргонин Г. Весна в декабре. Варшава, 1937. С. 3.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Ты лепесток иранских белых роз... // Новая Россия. 1926. № 8. 29 авг. С. 3.

⁸ Кулаковский С. Новая книга лирики. Георгий Соргонин, «Северное» // Наше время. 1933. № 66. 19 марта. С. 6.

и Льва Толстого, / Любить язык за то, что он велик. / Любить и верить, верить снова...»¹

Значительным событием творческой жизни Соргонина стало участие в «Антологии русской поэзии в Польше» (1937, Варшава), опубликованной на страницах еженедельника «Меч», а также изданной отдельной книгой. В нее вошли стихотворения 35 поэтов, наиболее ярких представителей русской литературной эмиграции в довоенной Польше. Издателем антологии был Варшавский союз русских писателей и журналистов. Составителем и инициатором данного издания стал Лев Гомолицкий, который утверждал, что идеей антологии было насколько возможно полнее отразить русскую поэтическую жизнь за последние 20 лет.

Пробовал себя Георгий Соргонин и в роли драматурга. Перед войной в издательстве «Русский странник» была напечатана его пьеса «Арифметика жизни» (1939, Варшава) с посвящением известному театральному деятелю Польши, редактору журнала «Teatr» Эугениушу Сверческому, о судьбах русских интеллигентов, оказавшихся в эмиграции.

Польская критика посчитала пьесу творческой неудачей Соргонина².

Наряду с творчеством Георгий Соргонин много сил отдавал публицистике. Его статьи появлялись в эмигрантских газетах «За свободу», «Виленское утро», «Новая Россия» и других.

В сентябре 1939 г. культурная и литературная жизнь русской диаспоры в Польше прекратилась и после войны не возродилась. Соргонин был одним из немногих, кто остался здесь навсегда и продолжил свою литературную деятельность русского поэта, публициста и переводчика.

Свою вторую Родину он воспел в поэтическом сборнике «Стихи о Польше» (Варшава, 1959). С Польшей поэт прошел сложный путь, «неся тяжелых жертв вериги»³. В ту же книгу были включены его переводы поэзии А. Асныка, В. Броневского, К. Галчинского.

Имя Г. Соргонина перечисляется в ряду русских переводчиков, профессионально занимавшихся переводами польской поэзии⁴.

В газете «Русский голос» (1957–1958) Русского культурно-просветительского общества с 1957 г. печатались его стихи и переводы польских поэтов А. Асныка, Я. Бжехвы, В. Броневского, Л. Стаффа, Ю. Тувима, К. Галчинского и др.

В его послевоенном творческом багаже еще два поэтических сборника: «Поэма моей юности. Избранное. 1933–1963» (1963) и «Тройка. Лирика» (1974). В «Поэму моей юности» вошло 37 стихотворений, созданных в разные годы. Тематический диапазон его лирики весьма широк: это и размышления о поэтическом творчестве: «Стихи мои рождаются как дети... / В них все мое, / В них вечная любовь»⁵. Он гордится своим высоким званием русского поэта, говорит о своей любви к родной земле: «Гордись, как я, ты собственной судьбой. / Любовь к земле старайся приберечь. / Повсюду странствуя, храни в душе с собой / Отца заветы и родную речь»⁶. В эти годы в его поэзии звучит мотив возврата в Россию: «К тебе, Россия, Георгий Соргонин, вернулся, изведав чужие края...»⁷ Этот мотив внутрен-

¹ Соргонин Г. Поэма юности моей: Избранное. 1933–1963. Варшава, 1963. С. 7.

² Забужный Я. О русской литературе и пьесе Г. Соргонина // Русское слово. 1939. № 10. 13 янв. С. 5.

³ Соргонин Г. Стихи о Польше. Варшава, 1959.

⁴ См. об этом: Zienkiewicz T. I nas izgnanników w molitwach pomiani // Studia Rossica X. 2000. S. 78–79.

⁵ Стихи мои рождаются как дети... // Соргонин Г. Поэма юности моей. Варшава, 1963. С. 3.

⁶ Там же. К дочери. С. 5.

⁷ Там же. Сестре. С. 8.

ней связи с отчизной объединяет многие его стихотворения, содержащие воспоминания и размышления о судьбах России, о ее настоящем и будущем, однако это не мешает ему любить вторую Родину и восхищаться ею: «Я прожил много лет в любимой мною Польше»¹. Для него чрезвычайно важно было попытаться осмыслить свой незаурядный жизненный опыт, оценить прошлую творческую жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

Забужный Я. О русской литературе и пьесе Г. Соргонина // Русское слово. 1939. № 10. 13 янв. С. 5.

Кулаковский С. Новая книга лирики. Георгий Соргонин, «Северное» // Наше время. 1933. № 66. 19 марта.

Новая Россия. 1926. № 6. 15 авг.

Новая Россия. 1926. № 8. 29 авг.

Русским юношам // За свободу. 1927. 27 нояб. № 273.

Соргонин Г. Весна в декабре. Варшава, 1937. 29 с.

Соргонин Г. Стихи о Польше. Варшава, 1959.

Соргонин Г. Поэма юности моей: Избранное. 1933–1963. Варшава, 1963. 48 с.

Zienkiewicz T. I nas izgnanników w molitwach pomiani // Studia Rossica X. 2000. S. 78–79.

Сведения об авторе:

Ольга Валерьевна Розинская,
кандидат филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga V. Rozinskaya,
PhD
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
o.rozinskaya@mail.ru

¹ Там же. Владиславу Броневскому. С. 22.

А. Алтынбаев (Москва, Россия)

Психолингвистическое значение неологизмов (на материале русского, шведского и английского языков)

Аннотация: В статье рассматривается одна из актуальных проблем неологии – расхождение между словарным (лексическим) и психолингвистическим (реальным) значениями новых слов. Представлены результаты ассоциативного эксперимента, направленного на выявление психолингвистических значений современных неологизмов. В исследовании анализируются три лексические единицы русского, шведского и английского языков: ‘абьюзер’, ‘antivaxhare’, ‘toxic masculinity’. Представлено сопоставление словарных определений указанных неологизмов с их психолингвистическими значениями, выявленными в ходе ассоциативного эксперимента (2024). Установлено, что во всех трех случаях психолингвистическое значение оказывается значительно шире зафиксированного в словарях. Проведенный анализ свидетельствует о том, что исследуемые неологизмы активно функционируют в соответствующих языках, однако их лексикографическая интерпретация требует уточнения и расширения, что указывает на необходимость дальнейшего совершенствования словарного описания новых лексических единиц.

Ключевые слова: неологизмы, лексическое значение слова, психолингвистическое значение слова, ассоциативный эксперимент

А. Altynbayev (Moscow, Russia)

The Psycholinguistic Meaning of Neologisms: An Analysis Based on Data from Russian, Swedish, and English

Abstract: This article examines a key issue in neology – the discrepancy between the dictionary (lexical) meaning of new words and their psycholinguistic (perceived) meaning. The study presents the results of an associative experiment conducted with native speakers of Russian, Swedish, and English. Three neologisms were analyzed: ‘abuser’, ‘antivaxhare’ (‘anti-vaxxer’), and ‘toxic masculinity’. The paper compares the dictionary definitions of these terms with their psycholinguistic meanings identified through the associative experiment (2024). In all three cases, the psycholinguistic meaning proved to be significantly broader than that recorded in dictionaries. The analysis demonstrates that the examined neologisms are actively used in the respective languages; however, their lexicographic descriptions contain inaccuracies, indicating the need for refinement and expansion in the dictionary representation of emerging lexical items.

Key words: neologisms, lexical meaning, psycholinguistic meaning, associative experiment

Неология как раздел лингвистики изучает процессы образования, функционирования и закрепления новых лексических единиц. Одной из основных проблем науки является определение значения неологизмов. Процесс толкования представляется затрудненным, поскольку их семантическая структура еще не устоялась. В частности, Н.З. Котелова отмечает возникающие у лексикографов определенные сложности с корректным толкованием даже после того, как слово просуществовало несколько лет. Существует проблема «неполноты и непоследовательности» фиксирования слова, которая вызвана путаницей в терминологии [Котелова 1988 [http](#)].

Изначальная недостаточность контекстов ведет к трудностям толкования слова, именно поэтому не все слова в словарных статьях имеют дефиницию. Некоторые слова еще не «обросли» должными коннотациями; лексические новообразования имеют «сырую номинацию» [Котелова 1988 [http](#)]. В попытках толковать зафиксированное слово лексикограф может придать новому слову неточное значение.

Семантика новой единицы тем временем определяется контекстом, который устраняет двусмысленность значения и формирует представление. Однако, реализуясь в разных ситуациях, слово в дальнейшем может видоизмениться как орфографически, так и фонетически [Schmid 2008: 9]. Следовательно, логично будет предположить, что новое слово «оживает» при продолжающемся активном его использовании в речи носителей языка. Именно частотность употребления слова и количество обращений к нему позволяют слову перейти из класса нового к общепринятому. Чтобы восприниматься частью стандартной системы, слово должно использоваться в речи, фигурировать в социальных сетях, СМИ или даже в академическом дискурсе [Peterson 2013: 56]. Этап, когда новое слово утрачивает свою новизну, находит признание или становится культурно устаревшим в своем употреблении, называется лексикологизацией [Nameed 2009: 5]. На этой точке развития слова подразумевается, что оно известно всем носителям языка, его значение не требует дополнительной семантизации, а сама единица частотна в употреблении и может появляться, например, в газетных заголовках [Kerremans 2015: 43].

Определить, достигло ли слово стадии лексикализации, а также уточнить его лексическое толкование, можно, выявив психолингвистическую структуру его значения. Это значение «представляет собой упорядоченное единство всех семантических компонентов, связанных с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка» и «включает как ядерные, так и периферийные признаки значения, формируя целостное представление о лексической единице» [Стернин, Рудакова 2011: 99].

Весной 2024 г. был проведен свободный ассоциативный эксперимент (САЭ). Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе методом интроспекции из словарей ISO, Академос и Oxford Dictionary было отобрано по 40 лексических единиц для каждого языка – русского, шведского и английского. В рамках пилотажного эксперимента с носителями языков были отобраны наиболее употребимые единицы, что позволило сократить список слов до 15 единиц.

На втором этапе была разработана анкета с описанием условий и инструкциями к эксперименту для каждого исследуемого языка. Информантам предлагался

перечень слов, к каждому из которых необходимо было оперативно указать одну или две ассоциации. Эксперимент проводился анонимно; при этом собирались обобщенные социодемографические данные. Временное ограничение (до 5 минут) было обусловлено необходимостью фиксации спонтанных реакций.

В САЭ приняли участие 50 носителей шведского, 57 носителей британского английского и 70 носителей русского языка. Основную группу их¹ составили студенты в возрасте до 25 лет; однако при анализе учитывались ответы всех респондентов независимо от возраста, уровня образования и профессиональной принадлежности.

В дальнейшем в статье будут рассмотрены три случайно отобранных неологизма из трех разных языков, представлены результаты ассоциативного эксперимента и дана интерпретация выявленной психолингвистической структуры значения слова. Фрагмент эксперимента сопровождается комментарием и выводами о точности представленной словарной семантизации.

В русскоязычной части эксперимента особый интерес представляет лексическая единица *абьюзер*.

АБЬЮЗЕР

Ассоциативное поле стимула (91)

мужчина, насилие 8; отношения, парень 5; боль, бывший, психология 4; арбуз, человек 3; мудака, муж, жестокость, арбузер 2; агрессия, агрессор, бить, брак, враг, вред, гшшка из манхвы джинкс, гнев, грустно, грязь, Зорро, консервная банка, манипуляция, мой научный руководитель, мой парень, мразь, насильник, негативный, нездоровые отношения, обидчик, обман, отец, партнёр, плохо, плохой, психика, слива, страдание, страх, токсик, травма, ты, угнетение, удар, ужас, ужасный, человек, урод, феминистка, феминистки 1.

Психолингвистическое значение

1. *Насильник.*
2. *Мужчина, проявляющий физическую силу и жестокость во время романтических отношений.*
3. *Близкий человек, от которого исходит негатив, агрессия, вред и обман.*
4. *Манипулирующий, отрицательный, приносящий страдания человек, чьё поведение пагубно отражается на психике другого.*
5. *Термин в психологии для описания нехорошего человека, актуален в дискурсе феминисток.*

Насильник мужского пола 17 (мужчина, насилие 8, насильник 1), **знакомый обидчику конкретный человек, с которым были или романтические, или родственные, или профессиональные связи** 23 (отношения, парень 5, бывший 4, муж 2, брак, мой научный руководитель, мой парень, отец, партнёр 1), **отрицательный, злой и негативный** 24 (жестокость 2, агрессия, агрессор, враг, вред, гнев, грязь, манипуляция, мразь, негативный, нездоровые отношения, обидчик, обман, плохо, плохой, страдание, страх, токсик, травма, угнетение, ужас, ужасный, урод 1), **делающий больно** 9 (боль 4, жестокость, бить, вред, страдание, травма 1).

Оценочная характеристика

Положительно-оценочное – 0.

¹ Принятое в отечественной психолингвистике обозначение участников эксперимента: их. – испытуемые информанты.

Отрицательно-оценочное – 38: насилие 8, боль 4, мудака, жестокость, агрессия, агрессор, враг, вред, гнев, грустно, грязь, манипуляция, мразь, насильник, негативный, нездоровые отношения, обидчик, обман, плохо, плохой, страдание, страх, токсик, травма, угнетение, ужас, ужасный, урод 1.

Неоценочное – остальное, 53.

Не интерпретировано – 5: арбуз 3, арбузер 2 (фонетическое подобие), слива (предположительно, ассоциация дана на другой стимул: абюзер – арбуз – слива), консервная банка 1.

Лексическое значение

1. *тот, кто склонен к абьюзу; человек, который осознанно или неосознанно использует приёмы насилия (психологического, физического, финансового и др.) над личностью другого человека [Wiktionary].*

Комментарий

Психолингвистическое значение, в отличие от лексического, не связано с самим понятием «абьюз», вместо этого использовались другие наименования жестокого отношения. Судя по психолингвистическому значению, субъект, совершающий действие, всегда мужчина, тогда как лексическое значение гендерно нейтрально и имплицитно подразумевает оба пола. Также лексическое значение говорит о разных приёмах насилия: упомянутые финансовые не прослеживаются ни в одной реакции ии., психологические подтверждаются ассоциациями *манипуляция, психика, токсик*, физические приёмы тоже имеются в ассоциативном поле информантов *вред, боль, бить*. Тогда как единичная реакция *насильник* приравнивает понятие к сексуальному насилию.

Следует отметить, что словарное толкование нейтрально, тогда как психолингвистическое значение отличается яркой эмотивностью: почти половина реакций выражает эмоцию, причём ни один ии. не расценивает слово положительно. В ассоциативное поле стимула входят однозначные неодобрительные единицы, включая обценную лексику.

В сознании носителей оно конкретизировано, и абюзером во многих случаях выступает знакомый, близкий человек. Негативных реакций абсолютное большинство и, подразумевая четыре ответа ии. *бывший*, можно сделать вывод, что взаимодействия с таким человеком прекращаются, и в дальнейшем абюзера избегают (например, реакция *враг*).

Далее обратим внимание на единицу шведского языка *ativaxxare* ('антиваксер'; здесь и далее перевод наш. – А.А).

ANTIVAXXARE

Ассоциативное поле стимула (53)

idiot ('идиот'), idioter ('идиоты') 5, konspirationsteorier ('теории заговора') 5, Amerika ('Америка'), amerikanare ('американец'), amerikanskt ('американский'), avstå vaccin ('воздержаться от вакцины'), covid ('ковид'), demonstrationer ('демонстрации'), dumma ('глупые'), jobbiga ('действующие на нервы'), död ('смерть'), farlig ('опасно'), fritt val ('свободный выбор'), hjälte ('герой'), idioti ('идиоты'), idiotier på andra sidan av spektrumet ('идиоты с другой стороны спектра'), Jesus ('Иисус'), Karen ('Карен'), konspiratorisk ('конспирологический'), kritiskt tänkande ('критическое мышление'), låg iq ('низкий IQ'), mot vaccin ('против вакцинации'), nackskott ('укол в шею'), när man är emot vaccin ('когда против прививания'), olärd ('необразованный'), polarisering ('поляризация'), radikala ('радикальные'), rakar inte ('не бреется'), realistiska ('реалистичный'), religion ('религия'), rädsla ('страх'), sjuk ('больной'), självisk ('эгоистичный'),

tech bro ('технический брат'), trotsare ('вызывающий'), Trump ('Трамп'), twitter ('твиттер'), vaccin ('прививка') 1.

Психолингвистическое значение

1. *Человек, отказывающийся вакцинироваться.*
2. *Человек с низким уровнем интеллекта.*

Не самый умный человек 11 (idiot, idioter 4, dumma, idioti, idiotier på andra sidan av spektrumet 1), **отказывающийся вакцинироваться 4** (avstår vaccin, mot vaccin, när man är emot vaccin, vaccin 1) **по тем или иным причинам 11** (konspirationsteorier 3, farlig, fritt val, konspiratorisk, kritisk tänkande, låg iq, olärd, religion, självisk 1), **американец 4** (Amerika, amerikanare, amerikanskt, Trump 1)

Оценочная характеристика

Положительно-оценочное – 1: hjälte 1.

Отрицательно-оценочное – 15: idiot, idioter 4, dumma, jobbiga, farlig, idioti, idiotier på andra sidan av spektrumet, olärd, självisk 1.

Неоценочное – остальное, 36.

Не интерпретировано – 0.

Лексическое значение

1. person som av rädsla för negativa konsekvenser motsätter sig vaccinering [ISOF] ('человек, который, опасаясь негативных последствий, выступает против вакцинации').

Комментарий

Представленная в словаре семантизация намеренно подчеркивает, что человек выступает против вакцинации из-за страха перед возможными негативными последствиями. Это указывает на психологический аспект его отказа: людей мотивирует не столько непонимание процесса или его эффективности, сколько страх перед возможными побочными эффектами.

Психолингвистическое значение называет причиной отказа не страх, а низкий уровень интеллекта. Несмотря на то что есть отдельные реакции, позволяющие выделить среди причин религиозные убеждения *religion* или критическое мышление *kritiskt tänkande*, большинство ответов называет недостаточное образование как главный фактор.

Интересно, что самая частотная реакция на стимул – это оскорбительное слово, которое и становится ядром значения. Это свидетельствует о том, что люди имеют ярко выраженные отрицательные эмоции и отношения к такому поведению.

Также следует обратить внимание на четыре реакции, отсылающие к Соединенным Штатам Америки (примерно 8% от общего числа реакций): это может говорить о том, что в представлении шведов антивакцинаторское движение ассоциируется прежде всего с США. Это может быть связано с тем, что в медийном поле широко освещаются американские протесты против вакцинации, теории заговора и влияние знаменитостей и политиков, выступающих против прививок. Ни одна другая страна ии. не называется.

Наконец рассмотрим неологизм из английского языка: *toxic masculinity* ('токсичная маскулинность').

TOXIC MASCULINITY

Ассоциативное поле стимула (67)

Andrew Tate ('Эндрю Тейт') 8, real ('настоящий') 3, misogyny ('мизогиния'), patriarchy ('патриархат'), insecurity ('неуверенность в себе'), problem ('проблема'), men ('мужчины') 2, aggression ('агрессия'), all around ('все вокруг'), all men ('все мужчины'), alpha male ('альфа-самец'), angry men ('сердитые мужчины'), angry ('сердитый'), beard ('борода'), boys ('мальчики'), bro ('брат'), can be found in abundance online ('можно найти в изобилии в интернете'), dad ('папа'), disappointment ('разочарование'), empty ('пустой'), university ('университет'), false concept ('ложная концепция'), feminism ('феминизм'), gender ('гендер'), harsh ('суровый'), issues ('проблемы'), kitchen ('кухня'), liberal ('либерал'), macho ('мачо'), men-blaming ('обвинение мужчин'), misconception ('заблуждение'), misunderstood and identity crisis ('непонимание и кризис идентичности'), modern ('современный'), muscle ('мышцы'), narcissism ('нарциссизм'), nothing ('ничего'), popcorn ('попкорн'), portrayed wrong ('изображен неправильно'), repulsive ('отталкивающий'), sad ('грустный'), sexism ('сексизм'), Shakespeare ('Шекспир'), shorts ('шорты'), societal problems ('социальные проблемы'), stupid ('глупо'), Tate ('Тейт'), therapy ('терапия'), toxic masculine ('токсичное мужское начало'), toxic men ('токсичные мужчины'), underdeveloped ('неразвитый'), vulnerability ('уязвимость'), yes sir ('да, сэр'). Отказ 2.

Психолингвистическое значение

1. *Агрессивное мужское поведение.*
2. *Уничжительное поведение по отношению к женщине.*
3. *Гиперболизированный образ сильного мужчины.*

Мужчина 24 (Andrew Tate 8, patriarchy 2, men 2, all men, angry men, beard, boys, bro, dad, men-blaming, muscle, Shakespeare, Tate, toxic masculine, toxic men 1), **деструктивное поведение 16** (misogyny, problem 2, aggression, angry men, angry, false concept, harsh, issues, narcissism, repulsive, sexism, toxic masculine, toxic men, underdeveloped 1), **искажённый стереотипный образ 9** (alpha male, false concept, macho, disappointment, empty, muscle, beard, portrayed wrong, misconception 1), **агрессивный по отношению к женщине 4** (misogyny 2, feminism, sexism 1).

Оценочная характеристика

Положительно-оценочное – 0.

Отрицательно-оценочное – 15: problem 2, aggression, angry men, angry, disappointment, empty, repulsive, sad, stupid, misconception, false concept, toxic men, toxic masculine, undeveloped 1.

Неоценочное – остальное, 52:

Не интерпретировано – popcorn, kitchen, university 1 (возможно, места, где ии. сталкивался с токсичной маскулинностью).

Лексическое значение

1. harmful beliefs about the way men should behave [Oxford Dictionary] (*вредные убеждения о том, как должны вести себя мужчины*).

Комментарий

Лексическое значение абсолютно не совпадает с выявленным психолингвистическим. Некое сходство обнаруживается только в определенных ожиданиях от поведения, а также в том, что такое поведение несет отрицательные последствия.

Лексическое значение отражает наличие вредных убеждений о том, как должны вести себя мужчины, в основном подразумевая традиционные стереотипы мужественности. То, к чему это может привести, показывает скорее психолингвистическое значение – к агрессии, доминированию или пренебрежительному отноше-

нию к женщинам. Психолингвистическое понимание этого термина раскрывает более сложную суть, затрагивающую скорее не предрассудки, а их конкретное проявление в обществе. Здесь речь идет не только о внутренних представлениях, но и о самом деструктивном поведении.

В частности, главное различие словарного и выявленного толкования в том, что на самом деле слово понимается не представление о том, как мужчина должен себя вести, а то, как он ведет себя на самом деле.

Интересно, что в ядре понятия находится конкретный человек: *Andrew Tate* – американо-британский предприниматель, бывший профессиональный кикбоксер, который известен провокационными, часто женоненавистническими высказываниями. Является представителем маносферы – онлайн-среды, продвигающей радикальные взгляды на гендерные роли и маскулинность. Упоминание реального имени на стимул говорит о том, что *Teim* стал одним из главных олицетворений этого термина в массовом сознании. Вероятно, его высказывания и образ жизни воспринимаются как пример агрессивной, доминирующей и патриархальной модели поведения, которая ассоциируется с токсичной маскулинностью. Это также указывает на влияние соцсетей и медиапространства, где *Teim* стал символом определенных взглядов, часто связанных с гипермаскулинностью, сексизмом и консервативными взглядами.

Таким образом, проведенный эксперимент позволил выявить расхождение между словарным (лексическим) и психолингвистическим (реальным) значениями слов. Анализ полученных данных показал, что исследуемые неологизмы демонстрируют несоответствие между их словарными дефинициями и восприятием носителями языка. Разнообразие и широта ассоциативных реакций на предъявленные стимулы свидетельствуют о степени их лексикализации и распространенности в языковом сознании. Вместе с тем данные лексические единицы требуют дальнейшего уточнения и переосмысления в лексикографическом описании. Значительная часть смысловых компонентов, актуализируемых в ходе ассоциативного эксперимента, не находит отражения в словарной фиксации, что указывает на необходимость дальнейшего изучения механизмов семантического восприятия и закрепления неологизмов в языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Котелова Н.З.* Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов // Советская лексикография. М., 1988. С. 46–62.
2. *Стернин И.А., Рудакова А.В.* Психолингвистическое значение слова и его описание // Теоретические проблемы. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 192 с.
3. *Hameed S.N.* Coping with Neologisms in English // London. 2009. № 7. P. 123–135.
4. *Kerremans D.* A Web of New Words (1st ed.). Saarbrücken: Peter Lang, 2015. 250 p.
5. *Peterson C.M., Ray C.M.* Andragogy and Metagogy: The Evolution of Neologisms // Journal of Adult Education. 2013. Vol. 42. № 2. P. 80–85.
6. *Schmid H.J.* New Words in the Mind: Concept-formation and Entrenchment of Neologisms // Academia. 2008 Vol. 126. No 1: https://www.academia.edu/8662721/New_words_in_the_mind_Concept_formation_and_entrenchment_of_neologisms (дата обращения: 14.01.2026).

REFERENCES

1. Hameed S.N. Coping with Neologisms in English. *London*. 2009. No 7, pp. 123–135.
2. Kerremans D.A (2015) *Web of New Words* (1st ed.). Saarbrücken. Peter Lang Publ. 250 p.
3. Kotelova N.Z. Theoretical Aspects of Lexicographic Description of Neologisms. In: *Soviet Lexicography*. Moscow. 1988, pp. 46–62.
4. Peterson C.M., Ray C.M. Andragogy and Metagogy: The Evolution of Neologisms. *Journal of Adult Education*. 2013. Vol.42. No 2, pp. 80–85.
5. Schmid H.J. New Words in the Mind: Concept-formation and Entrenchment of Neologisms // *Academia*. 2008 Vol. 126. No 1: https://www.academia.edu/8662721/New_words_in_the_mind_Concept_formation_and_entrenchment_of_neologisms (дата обращения: 14.01.2026).
6. Sternin I.A., Rudakova A.V. (2011) *Psycholinguistic Meaning of a Word and Its Description. Theoretical Problems*. Saarbrückenю LAP Lambert Academic Publishing. 192 p.

Сведения об авторе:

Алексей Алтынбаев,
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Aleksei Altynbaev,
MA
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
alekseialtynbaev@gmail.com

Е.В. Базанова, К.В. Ключников (Москва, Россия)

**Поэтика и тематика современной женской прозы:
роман Е. Джаббаровой «Руки женщин моей семьи были не для письма»**

Аннотация: В статье рассматривается поэтика и тематика романа Еганы Джаббаровой «Руки женщин моей семьи были не для письма» (2024) в контексте таких феноменов, как «женская проза» и «проза поэта». Цель работы – выявить художественное своеобразие книги, обусловленное синтезом автофикционального повествования, поэтической образности и феминистской оптики. В ходе анализа исследуется центральная для произведения категория телесности: тело трактуется автором как физический объект, метафизическая сущность и носитель поколенческой памяти, противостоящий патриархальной традиции. Особое внимание уделяется нелинейной композиции, построенной по принципу мнимой фрагментарности (каждая глава посвящена части тела), и ритмической организации текста, включающей анафорические конструкции и лейтмотивные «рифмы». Обосновывается связь прозы Джаббаровой с традициями синтетической прозы А. Белого и М. Цветаевой, а также рассматривается взаимодействие вербального и аудиального планов (язык как знаковая система и орган). В результате исследования сделан вывод о том, что роман представляет собой сложное мегамифическое полотно, где через соматический опыт конструируется макрокосм женской судьбы, свободной от национальных и патриархальных запретов.

Ключевые слова: женская проза, проза поэта, телесность, Е. Джаббарова, «Руки женщин моей семьи были не для письма», автофикшн

E. V. Bazanova, K. V. Klyuchnikov (Moscow, Russia)

**Poetics and Themes of Contemporary Women’s Prose: E. Jabbarova’s Novel
“The Hands of the Women in My Family Were Not Meant for Writing”**

Abstract: The article examines the poetics and themes of Egana Jabbarova’s novel The Hands of the Women in My Family Were Not Meant for Writing (2024) in the context of such phenomena as “women’s prose” and “poet’s prose”. The aim of the work is to identify the artistic originality of the book, determined by the synthesis of autofictional narrative, poetic imagery, and feminist optics. The analysis explores the category of corporeality, which is central to the work: the body is interpreted by the author as a physical object, a metaphysical entity, and a carrier of generational memory opposing patriarchal tradition. Special attention is paid to the non-linear composition, built on the principle of

apparent fragmentation (each chapter is devoted to a part of the body), and the rhythmic organization of the text, including anaphoric constructions and leitmotivic “rhymes”. The connection between Jabbarova’s prose and the traditions of synthetic prose by A. Bely and M. Tsvetaeva is substantiated, and the interaction of verbal and auditory planes (language as a sign system and as an organ) is considered. The study concludes that the novel represents a complex mega-mythical canvas, where a macrocosm of female destiny – free from national and patriarchal prohibitions – is constructed through somatic experience.

Key words: women’s prose, poet’s prose, corporeality, E. Jabbarova, “The Hands of the Women in My Family Were Not Meant for Writing”, autofiction

В центре внимания авторов данной статьи находится роман Еганы Джаббаровой «Руки женщин моей семьи были не для письма» (2024). Поэтика, языковое своеобразие и тематика данного произведения не могут быть подробно проанализированы без обращения к таким феноменам, как «женская проза» и «проза поэта».

Светлана Василенко считает, что «женская проза есть, поскольку есть мир женщины, *отличный от мира мужчины* (здесь и далее курсив наш. – Е.Б., К.К.). <...> отрещиваться от своего пола, а тем более извиняться за его “слабости” <...> так же глупо и безнадежно, как отказываться от *наследственности, исторической почвы и судьбы*. Свое достоинство надо сохранять, хотя бы и через принадлежность к определенному полу (а может быть, прежде всего именно через нее)»¹.

Помимо очевидных особенностей тематического комплекса (материнство, дискриминация и др.) для «женской прозы» характерно особое внимание к категории телесности. Уже в начале XX в., по замечанию М.В. Михайловой, Л.Д. Зиновьева-Аннибал «начинала разрабатывать ту предельную конкретность экспрессивного обнажения внутреннего мира в его таинственных первоосновах, напрямую соприкасавшихся с эротическим уровнем подсознания»², перевод традиционного русского психологизма на язык ощущений и жестов. «Гендер, социум, природа, пол – все эти перекрещивающиеся аспекты находят выражение через разные модусы изображения телесности или – конкретнее – через изображения запахов, вкусовых и тактильных ощущений», – пишет Ирина Савкина³. Само же телесное касание, по замечанию М. Эпштейна, – «это всегда акт проникновения, нарушения границ, акт слияния и в то же время разделения»⁴. В случае женской прозы данное «проникновение» нередко представляется в виде насилия и боли. В этом воплощается страх женщины перед этим миром, и порой ее незащитность в нем. В некоторых случаях тело и вовсе становится отдельной сущностью, как, например, в творчестве Е. Шварц или С. Василенко.

Книга Еганы Джаббаровой «Руки женщин моей семьи были не для письма» состоит из 11 глав: каждая названа в соответствии с частью тела, о которой идет речь (брови, глаза, волосы, рот, плечи, руки, язык, спина, ноги, горло и живот). Мы сталкиваемся со своеобразной мнимой фрагментарностью. Автор предпри-

¹ Василенко С. Новые амазонки (Об истории первой литературной женской писательской группы. Постсоветское время) // Женщины: свобода слова и свобода творчества. М., 2001. С. 81.

² Михайлова М.В. Внутренний мир женщины и его изображение в русской женской прозе Серебряного века // Преображение. Русский феминистский журнал. М., 1996. №4. С. 153.

³ Савкина И. Пути, перепутья и тупики русской женской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 44.

⁴ Эпштейн М.Н. Философия тела // Философия тела / М. Эпштейн. Тело свободы / Г. Тульчинский. СПб.: Алетейя, 2006. С. 25.

нимает попытку разобрать на части как свое реальное, физическое тело (буквально, вплоть до описания того, как именно болит та или иная его часть), так и сам концепт телесного, рассматривая его с разных сторон:

– с метафизической, философской точки зрения: тело рассматривается и в рамках классической антиномии духовного-телесного – отголоска иудео-христианского мировоззрения, и в метафорическом контексте тела-сосуда (не только души, но и разума, сознания, творческой потенции, памяти – личной, поколенческой и исторической);

– в контексте национальной и патриархальной традиций, которые трактуются в ярко выраженном тоне феминистского письма: так, авторское alter-ego задается вопросами «Что значит быть женщиной в нашей семье? Перестану ли я быть ею, если отказываюсь от роли матери и жены, перестану ли я быть частью культуры, истории, диаспоры, если части моего тела помнят свое происхождение? Неужели, чтобы происходить, обязательно нужно длить линию рода?»¹. Сюда же относятся проблемы объективизации, редукции субъектности, табуированности (в частности, классические запреты на выщипывание бровей до вступления в брак, отрезание волос в силу восприятия длинных волос как воплощения памяти рода), подчинении языка тела патриархальной традиции;

– с точки зрения политического и националистского дискурсов;

– в метафорическом (или метонимическом) аспекте, при котором глаза ассоциируются со взглядом, спина – с надежностью, горло – с пением и т. д.

Фрагментарность эта мнимая потому, что через весь текст красной нитью тянется идея о соподчиненности явлений и событий: от бытового объяснения неудач дурным глазом или автобиографического объяснения истоков тяжелого телесного недуга, дистонии (отец авторского alter-ego продолжал избивать мать даже в периоды беременности) до большой философской идеи Всеединства.

Нелинейно повествование, так развивается и авторская мысль. Данные в начале отдельно взятого абзаца физиологические и символические смыслы концепта «язык» переплетаются в конце того же фрагмента текста: «слов на азербайджанском становилось все меньше: орган перестал выполнять свою функцию, он лежал безвольный во рту» (60).

Е. Джаббарова создает мегамиф женского рода, его макрокосм, так как через каждую его часть проступает судьба нескольких поколений женщин, с которыми рассказчица себя ассоциирует. Она чувствует себя частью чего-то большего, особенно обращая внимание на свою свободу, дарованную ей сломанным телом, болезнью, из-за которой родители оставили в прошлом желание поскорее выдать дочь замуж. Дисфункция становится спасением, потеря контроля за мышцами возвращает ей контроль над своей жизнью: «<...> но тело, в отличие от памяти, никогда не врет. Тело удивительно точно хранит факты: оно не искажает их, навсегда запоминая, что с ним происходило: то тут, то там обнаруживаются архивные шрамы, царапины, синяки, следы от ожогов, оно не прощает проступков» (49). Здесь вполне уместно будет вспомнить термин «генотекст», введенный в научный оборот Юлией Кристевой. В данном аспекте мы наблюдаем и неожиданное пересечение с мыслью Е. Шварц о том, что задача поэзии – создание микрокосма, отдельного тела. Телесность в творчестве Шварц становится центральной катего-

¹ *Джаббарова Е.* Руки женщин моей семьи были не для письма. М.: Новое литературное обозрение, 2026. С. 97. Далее цит. по этому изданию. Страницы указаны в скобках.

рией, почти манией, которая между тем подвергается и ненависти: мотив ненужности тела, его обременительности возникает в творчестве поэтессы постоянно.

Большое место в книге занимает рефлексия на тему традиций. Возможность вырваться из их круга, очерченных правилами патриархальной азербайджанской семьи, рассказчице помогает в том числе русификации. Российская школа дает возможность увидеть разные типы женского поведения, множество стилей одежды. Рассказчица отмечает, что в это же время ее отец страдает от «русской водки». При этом девушка не отстраняется от родной культуры, а, напротив, жалеет о ее частичной утрате – языке. Она описывает неловкость, которую испытывала по приезде в Баку, когда ей приходилось терпеть насмешки со стороны родственников. В книге очень яркое воплощение находит концепция «другого»: в родной национальной среде девушку именовали «*gus bala*», в России – считали чужаком.

Е. Джаббарова долгое время была известна прежде всего своими лирическими текстами, в связи с чем нам кажется закономерным рассуждение о «прозе поэта». При всей неоднозначности ее жанрово-родовой природы стоит отметить, что она отличается от гораздо более условных терминологических новообразований – «прозы художника», «прозы драматурга» и др. – широким и во многом устоявшимся комплексом характерных черт. Мнения исследователей относительно того, с какого момента или периода истории литературы мы можем с уверенностью говорить о «прозе поэта» как отдельном явлении расходятся. Нам представляется целесообразным обратиться к мысли Р. Якобсона, поставившего в один ряд прозу Пушкина, Махи, Лермонтова, Гейне, Пастернака (хрестоматийный пример), Малларме и отметившего, что при всем совершенстве владения словом, «вторым языком» (вторичен он по отношению к поэтической речи, конечно), «от нас не ускользает странная звучность выговора и внутренняя конфигурация этого языка»¹.

Нельзя не подчеркнуть зависимость своеобразия прозы поэта от эпохи, в которую она написана. Якобсон отмечал, что «есть проза поэтических эпох, литературных течений, идущих под знаком поэтической продукции, и она отличается от прозы литературных эпох и школ прозаической инспирации»². Так, проза первой трети XIX в. значительно отличается от прозы второй трети и т. д. Поэтическое своеобразие книги Е. Джаббаровой, на наш взгляд, закономерно в ситуации доминирования прозаического компонента в современном литературном процессе. Проза Джаббаровой не подобна прозе горячо любимой ею М. Цветаевой (ей была посвящена кандидатская диссертация писательницы), А. Белого. Это автофикциональное произведение, в которое вплетаются поэтическая образность, анафорические конструкции, лейтмотивность, традиционно возникающая при редукции сюжета.

Заметим, что в юности Егана занималась музыкой, пением: устройство музыкальных форм и структур ей близко и понятно. Возможно именно поэтому анафорические конструкции в тексте даны с вариациями (вспомним, что этим приемом на рубеже XIX–XX вв. активнейшим образом пользовался А. Белый, другой представитель синтетической прозы):

«Мать моего отца долго горевала, когда ей пришлось состричь волосы в маленькой комнате под пристальным взглядом азербайджанского солнца <...>»;

¹ Якобсон Р.О. Заметки о прозе поэта Пастернака // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 324.

² Там же.

«Мать моей матери долго горевала, когда ей пришлось состричь волосы в маленькой комнате под пристальным взглядом грузинского солнца <...>»;

«Я не горевала совсем, когда местным парикмахер большими металлическими ножницами отстригла мои длинные волосы, а вместе с ними и историю моего прошлого» (30).

Это первые строки трех идущих друг за другом абзацев. Здесь возникают ассоциации и с мантровым принципом, и с заговорами. Так или иначе, стоит отметить, что интенция к субвокализации в этих фрагментах текста (их около четырех во всей этой небольшой книге) безусловно присутствует. Целесообразно и обращение к знаменитой статье В. Жирмунского «О ритмической прозе», подразумевающей «различные формы грамматико-синтаксического параллелизма, более свободного или более связанного, поддержанного словесными повторениями»¹. Элементы ритмической прозы в тексте обнаруживаются сравнительно легко: речь и о процитированных выше фрагментах, и о вынесенных в заглавие книги «руках женщин»: «Руки женщин не должны пустовать и не должны писать»; «руки даны ей [матери] не для письма», «руки никогда не писали»; «мои руки умели мыть и готовить, но больше всего им нравилось писать» (50–57).

В контексте рассуждения о «прозе поэта» хотелось бы выделить обращение автора к символам, метафорам и их повторяемость в тексте, что как раз отсылает нас к прозе М. Цветаевой, глубоко изученной Е. Джаббаровою, и в частности к «Повести о Сонечке». Джаббарова, конечно, пишет в диссертации о знаменитом зеленом кресле из повести: «Сонечка жила в кресле»; «<...> в зеленом кусту кресла»; «По Сонечке в кресле видна была вся любящность ее натуры». В книге «Руки женщин...» притягивает читательское внимание символика «каменного». Рассказчица описывает, как ее тело каменеет из-за страха перед отцом или из-за болезни, называет себя «статуей», ее речь без таблеток «была похожа на камнепад». Лейтмотивным образом в тексте являются «сухие камни» – так писательница называет слова с семантикой унижения, оскорбления, эмоционального насилия. Словам, подобным «сухим камням», Джаббарова противопоставляет «слова предков, похожие на горячие угли» (59).

Оттолкнувшись от упомянутого нами ритма, нельзя не отметить, что есть в книге и так называемые «рифмы» – прием, который очевидно вписывается в логику «прозы поэта», но также относится современными исследователями и к структурообразующим доминантам автофикциональной прозы. Для обоих явлений характерна подчеркнутая фрагментарность, быстрая смена временных планов. Уместно упомянуть и принцип «интеллектуального монтажа» (термин С. Эйзенштейна), и «литературный монтаж» (В.Е. Хализев), который обеспечивает в произведении некоторую раздробленность. Отсюда вытекает мысль об объединяющей роли лейтмотивов, сквозных образов. «Рифмы» здесь функционально родственны лейтмотивам. Ярким примером «зарифмованного» автофикционального текста является, конечно, роман «Памяти памяти» Марии Степановой, в котором рифмуются как конкретные грамматические, синтаксические конструкции, так и художественные образы и повествовательные линии (речь о рифмовке личной истории и «большой» истории – страны, мира). В книге Е. Джаббаровою наблюдается рифмовка (в том числе с помощью уже упомянутых нами телесных образов) личной истории и истории рода, взаимоотношений разных моделей (мать / отец-дочь, внучка-бабушка / дедушка, муж / жена). Например, рассказ и размышления

¹ Жирмунский В.М. О ритмической прозе // Жирмунский В.М. Теория стиха. Л., 1975. С. 576.

о национальном восприятии такой части женского лица, как брови, о запрете на выщипывание бровей до замужества переходит в личный подростковый опыт, потом – в семейный, а далее следует очередной эпизод из истории болезни.

Чрезвычайно важным становится для Джаббаровой аудиальное пространство. Автор связывает звук прежде всего с языком и голосом (как и письмо). Отказавшись от возможности стать оперной певицей в пользу писательства, а затем потеряв физическую способность петь, она наделяет слова яркими аудиовизуальными значениями. Сразу вспоминаются целый комплекс идей: термин «soundscape» Р.М. Шафера; тезис В.П. Семенова-Тян-Шанского о связи аудиального ландшафта с жестуальностью восприятия и телесным кинезисом; мысль П. Флоренского, считавшего, что «культуру и искусство можно рассматривать как деятельность организации пространства, а жест – образует пространство, вызывая в нем натяжение и искривляя его, или же знаменует уже реально присутствующие в нем натяжение и кривизну»¹. У Джаббаровой находим: «речь разъяслась на звуки, с трудом обнимающие друг друга», «звук, покидая рот, тут же сгорал в пространстве, как окурок, брошенный с высоты» (67). Звук и жест, «образующий пространство», Джаббарова нередко переплетает, рассуждая о языке. Она объединяет дефиниции – язык как знаковую систему и как орган: «<...> говорить по-русски было значительно легче, русский язык уверенно двигался во рту и издавал звуки рубленные, звучные, громкие, резкие <...>. Я теряла язык постепенно, как медленно отказывающийся орган, <...> время шло, а слов на азербайджанском становилось всё меньше: орган перестал выполнять свою функцию, он лежал безвольный во рту» (60).

Проведенный анализ романа Еганы Джаббаровой «Руки женщин моей семьи были не для письма» позволяет сделать вывод о его сложной жанрово-родовой и тематической природе, находящейся на пересечении традиций «женской прозы» и «прозы поэта». Телесность в произведении выступает не просто объектом описания физиологических ощущений или травмы, но становится универсальным языком, на котором проговаривается история рода, травматический опыт поколений и конфликт между патриархальной традицией и личной свободой. Мнимая фрагментарность композиции, организованная по частям тела, на деле оборачивается воплощением философской идеи всеединства, где анатомия переплетается с метафизикой, а личная боль – с коллективной памятью.

Поэтический генезис автора проявляется на всех уровнях текста: от ритмической организации прозы, насыщенной анафорами и вариативными повторами, до создания сквозной системы лейтмотивов и «рифм» образов (камень, голос, язык). Взаимодействие вербального и аудиального пространств, а также особое внимание к жесту и звуку позволяют говорить о романе как о произведении синтетического типа, наследующем традициям А. Белого и М. Цветаевой в современной автофикциональной оптике. Таким образом, книга Е. Джаббаровой репрезентирует актуальный этап развития русскоязычной литературы, в котором интимный опыт телесного страдания и самоидентификации становится материалом для масштабного высказывания о свободе, памяти и праве голоса.

¹ Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993. С. 56.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Василенко С.* Новые амазонки (Об истории первой литературной женской писательской группы. Постсоветское время) // Женщины: свобода слова и свобода творчества. М., 2001. 198 с.
2. *Джаббарова Е.* Руки женщин моей семьи были не для письма. М.: Новое литературное обозрение, 2026. 144 с.
3. *Жирмунский В.М.* О ритмической прозе // Жирмунский В.М. Теория стиха. Л., 1975. 664 с.
4. *Михайлова М.В.* Внутренний мир женщины и его изображение в русской женской прозе Серебряного века // Преображение. Русский феминистский журнал. М., 1996. №4. С. 150–158.
5. *Савкина И.* Пути, перепутья и тупики русской женской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 472 с.
6. *Флоренский П.А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993. 321 с.
7. *Эпштейн М.Н.* Философия тела // Философия тела / М. Эпштейн. Тело свободы / Г. Тульчинский. СПб.: Алетейя, 2006. 431 с.
8. *Якобсон Р.О.* Заметки о прозе поэта Пастернака // Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 324–338.

Сведения об авторах:

Екатерина Викторовна Базанова,
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ekaterina V. Bazanova,
Master's Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
kate_bazanova02@mail.ru

Кирилл Владимирович Ключников,
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Kirill V. Kluchnikov,
Master's Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
kirillcpo3@gmail.com

Н.А. Григорянц (Ереван, Республика Армения)

Мифопоэтика и архитектоника «Ташкентского романа» Сухбата Афлатуни

Аннотация: Цель исследования – выявить, каким образом мифопоэтические механизмы формируют архитектонику «Ташкентского романа» Сухбата Афлатуни и организуют сюжет кризиса самоидентичности. Методологическая база исследования включает мифопоэтический анализ (Е.М. Мелетинский) и мифологическую интерпретацию мотивов сакрального / профанного и инициации (М. Элиаде), что позволяет описывать роман как систему устойчивых сюжетно-образных сценариев и пороговых эпизодов. Архетипический анализ опирается на концепцию архетипа К.Г. Юнга (с учетом культурологической коррекции у С.С. Аверинцева) и соотносится с идеей первообразов / формул исторической поэтики А.Н. Веселовского, фиксируя трансформации архетипов в конкретном художественном контексте. Хронотопический подход (М.М. Бахтин) и концепция культурной памяти (Я. Ассман) используются для реконструкции пространственно-временной организации текста и механизмов нарративного воспроизводства прошлого, поскольку в романе смыслообразование определяется связкой «пространство – память – идентичность». Мифопоэтический уровень «Ташкентского романа» выполняет структурообразующую функцию: архитектоника текста организуется системой архетипических моделей и повторяющихся мотивов, где архетип Матери задает исходную зависимость субъекта, а спуск в подвал выступает инициатическим порогом, моделирующим трансформацию идентичности. В хронотопе возвращения Ташкент конструируется как пространство сборки культурной памяти, связывающее индивидуальное воспоминание, семейный миф и советскую повседневность в единую смысловую структуру.

Ключевые слова: мифопоэтика, архетип, инициация, хронотоп, культурная память, идентичность, Сухбат Афлатуни, «Ташкентский роман»

N.A. Grigoryants (Yerevan, Republic of Armenia)

Mythopoeitics And Architectonics Of Sukhbat Aflatuni's "Tashkent Novel"

Abstract: The aim of the study is to determine how mythopoetic mechanisms shape the architectonics of Sukhbat Aflatuni's "Tashkent Novel" and organize the plot of an identity crisis. The methodological framework combines mythopoetic analysis (E.M. Melletinsky) with a mythological interpretation of the motifs of the sacred / profane and initiation (M. Eliade), which makes it possible to describe the novel as a system of stable

plot-and-imagery scenarios and threshold episodes. The archetypal analysis relies on C.G. Jung's concept of the archetype (with a cultural-historical adjustment proposed by S.S. Averintsev) and is correlated with A.N. Veselovsky's notion of "proto-images" / formulas in historical poetics, thus capturing the transformation of archetypes within a concrete artistic context. The chronotopic approach (M.M. Bakhtin) and the concept of cultural memory (J. Assmann) are used to reconstruct the text's spatio-temporal organization and the mechanisms of narrative reproduction of the past, since meaning-making in the novel is determined by the nexus "space – memory – identity". The mythopoetic level of the Tashkent Novel performs a structuring function: the text's architectonics is organized by a system of archetypal models and recurring motifs, where the Mother archetype establishes the subject's initial dependence, and the descent into the basement functions as an initiatory threshold that models identity transformation. Within the chronotope of return, Tashkent is constructed as a space of assembling cultural memory, linking individual recollection, family myth, and Soviet everyday life into a unified semantic structure.

Key words: mythopoetics, archetype, initiation, chronotope, cultural memory, identity, Sukhbat Aflatuni, Tashkent Novel

Художественная структура «Ташкентского романа» Сухбата Афлатуни выстраивается через сложную систему мифопоэтических образов, архетипических мотивов и пространственно-временных моделей. Подобная структура позволяет автору полноценно раскрыть панораму не только явных, но и скрытых смыслов, заложенных в фундамент произведения, а также продемонстрировать трансформацию описанных им архетипов.

Основными темами в мифопоэтическом пласте становятся кризис самоидентичности, двойственность человека через нарушение связей между прошлым и настоящим, а также вечные архетипические модели: мать и ребенок, символическая потеря родителя / родителей [11].

Архетип как категория художественного анализа позволяет выявить глубинные, устойчивые смысловые конструкции, лежащие в основе образного мира произведения. Будучи универсальными структурами, архетипы сохраняются в культуре на протяжении веков, варьируя по форме, но не теряя своей смысловой функции. В литературном контексте архетипическая организация текста проявляется через устойчивые мотивы, роли и ситуации, позволяющие читателю соотносить индивидуальную историю с коллективным мифом.

В понимании К.Г. Юнга, т.е. с психологической точки зрения, архетипы – это универсальные, врожденные схемы, закрепленные в коллективном бессознательном, которые, оставаясь структурно стабильными, находят множество форм воплощения в мифах, снах, символических системах [11].

Развивая положения юнгианской теории, С.С. Аверинцев подчеркивал, что архетип не обладает моральной окраской сам по себе: он содержит потенциал как к позитивному, так и к разрушительному действию – все зависит от формы его реализации в культуре [1: 153].

В отечественной филологической традиции широко используется близкий по значению термин *первообраз*, активно применяемый А.Н. Веселовским. По его наблюдениям, любая форма художественного выражения опирается на систему первичных поэтических схем, которые, взаимодействуя с новым содержанием,

активируют заложенные в них смысловые структуры. Эти формулы работают как триггеры памяти и ассоциации, вызывая устойчивые образы, глубоко укорененные в культурном восприятии [6: 206].

Таким образом, архетипы в литературе выполняют не только формообразующую функцию, но также обеспечивают связь между глубинными культурными структурами и актуальным содержанием текста.

В «Ташкентском романе» архетипические элементы являются одним из приемов, используемых для создания эффекта узнавания, дежавю, наряду с описанием советской атрибутики, которое автор использует для создания нужного исторического и культурного контекста. Тем не менее в текстовой структуре романа можно выделить ряд устойчивых архетипов: мать, отец, дитя, проводник, изгнанник, искатель, каждый из которых получает в повествовании собственную модификацию.

Первым и основным архетипом в «Ташкентском романе» мы выделяем архетип матери. К. Юнг в своей работе «Душа и миф: шесть архетипов» утверждал: «Где-то “за небесами” существует прототип, или первичный образ матери, сверхпорядковый и предсуществующий по отношению ко всем явлениям, в которых проявляется нечто «материнское» в самом широком смысле этого слова» [11: 27]. Данный архетип проявляется в романе на различных уровнях и, более того, через различных персонажей. Однако ведущие роли матери и ребенка все же принадлежат главной героине романа Лаги и ее сыну Султану.

В начале романа мы узнаем об исчезновении мужа Лаги – Юсуфа, отсутствие фигуры отца и мужа только усиливает связь между матерью и ребенком. Автор пишет: «Султан, едва родившись, заполнил своим светом все пустоты и сквозняки, образованные недавними потерями». Для Лаги он не просто ребенок, а «Господин ребенок», что говорит об определенной несимметричности их отношений. В какой-то степени Лаги нуждается в Султане больше, чем он в ней, что противоречит классической модели материнства, в которой ребенок априори беспомощен и нуждается в родителе на всех уровнях: физическом, психологическом, эмоциональном.

Стоит также выделить эпизод, в котором автор описывает процесс кормления ребенка грудью. Афлатуни буквально превращает данный процесс в ритуальный обряд: «Через несколько минут несложный ритуал был исчерпан, и то, что только что было единым телом матери и сына, блаженным, кормяще-питающимся, снова разошлось на две разновеликие половины». Обратим внимание, что автор снова указывает на асимметрию, говоря о разделении на «разновеликие половины», а сам акт он мифологизирует на лексическом уровне, говоря о едином, блаженном, кормяще-питающемся теле [4].

Лаги также является носителем архетипа матери в сюжетной линии с шестилетней девочкой Юлдуз. В данных отношениях роль матери скорее зеркальная. Здесь архетип матери не сводится к родству по крови – это функция опеки, к тому же опеки ребенка над родителем. Автор через отношения Лаги с детьми показывает, что та далека от личностной зрелости. Это проявляется, например, в размышлениях Лаги об отношениях с одним из потенциальных «женихов» в романе: «Хотя Юлдузке, например, Рафаэль нравился. А этой семилетней женщине стоит доверять». Как и в случае «Господина ребенка», словосочетание «семилетняя женщина» выглядит как оксюморон, демонстрирующий несостоятельность Лаги, как взрослого самостоятельного человека.

Нами была выделена еще одна пара *мать / сын*, которая является важной в контексте произведения, а именно свекровь Лаги и Юсуф. И хотя прямых взаимодействий матери и сына в романе практически нет, автор раскрывает детали данных архетипических отношений через внутреннюю фокализацию. Мать Юсуфа слишком привязана к сыну, а у сына, в свою очередь, прослеживается эдипов комплекс.

Обращение к архетипической структуре «Ташкентского романа» позволяет не только выявить глубинные культурные и психологические пласты текста, но и проследить, каким образом современная литература работает с коллективными мифами, не разрушая их, но преобразуя и актуализируя.

Роман активно работает с категориями подземного и наземного, сакрального и профанного, превращая пространственно-временные перемещения персонажей в символические акты перехода, в частных случаях непосредственно отсылающих читателя к обряду инициации.

На основе фундаментальных исследований мифопоэтики (М. Элиаде, Ю.М. Лотман, Е. Мелетинский, Р. Барт) можно утверждать, что роман использует архетипические мотивы прохождения испытаний, метафорической смерти и возрождения. Основные герои в тексте (Лаги, Рафаэль, Юсуф, Артурик) сталкиваются с необходимостью пройти испытание, преодолеть некую границу, чтобы трансформировать собственное «я».

При анализе мифопоэтических пластов романа мы выделили концепцию сакрального пространства, разработанную М. Элиаде, согласно которой любой переход из профанного состояния в сакральное сопровождается ритуальной инициацией. Как подчеркивает Элиаде: «Сакральное открывает абсолютную реальность, а миф представляет собой рассказ о ее проявлении» [10: 67].

Инициация – одна из фундаментальных моделей в мифопоэтическом сознании, связанная с переходом индивида через кризисные стадии развития и символическое перерождение. Наиболее разработанную концепцию инициации предложил М. Элиаде, определяя ее как «переход из одного экзистенциального состояния в другое, сопровождаемый ритуальными действиями, моделирующими смерть и возрождение» [9: 52]

Инициация, согласно Элиаде, включает три обязательных этапа:

1. отделение – герой покидает привычный мир;
2. погружение в кризисное пространство – прохождение через испытание, символическое умирание;
3. возвращение – обновление и переход к новому состоянию.

В случае «Ташкентского романа» обряд инициации реализуется через спуск в подвал здания, в котором живет главная героиня: «Это был обычный подвал, низкий потолок подпирала нелепая колоннада из больших и малых труб: из одной трубы капала вода со всхлипами, похожими на плач оставленного ребенка» [4].

Несмотря на кажущуюся обыденность, ведь подвал воспринимается как место, гораздо более доступное, нежели «подземный мир» или абстрактная пещера, автор расставляет определенные маркеры, наделяющие обычный подвал магическими функциями.

Таким образом, в художественном тексте инициация строится как динамическая модель прохождения героя через испытание, сопровождающееся болью и кризисом, ведущим к глубинной внутренней трансформации. Несмотря на то что в «Ташкентском романе» описание произошедшего в подвале занимает несколько страниц, данный эпизод значительно влияет на дальнейший сюжет. Мы имеем ос-

нования утверждать, что с героиней Лаги действительно происходят изменения, которые отслеживаются уже внутри нарратива, а не являются документированным изменением, уже произошедших за границами доступного нам текста.

В данном мифопоэтическом анализе мы выделяем категорию памяти как одну из ключевых категорий, определяющих сюжет и внутреннюю структуру художественного мира романа. Как было сказано выше, одним из основных лейтмотивов в развитии персонажей является мотив потери и обретения идентичности.

А. Ассман в своем исследовании «Культурная память» говорит о том, что «идентичность – результат осознания, т.е. рефлексии над прежде неосознанным представлением о себе», а в контексте романа данная рефлексия становится возможна только через воспоминания героев либо же через нахождение атрибутов памяти, таких как письма, архивные документы или археологические раскопки [2: 59].

Таким образом, в романе Афлатуни память может не столько воспроизводиться сознательно, сколько переживаться телесно, через обостренное восприятие, превращаясь в спонтанный акт возвращения в прежнюю идентичность.

Отдельным архетипом и мифом в романе выступает город Ташкент, образуя особый хронотоп как пространство возвращения и культурной памяти.

Понятие хронотопа было введено М.М. Бахтиным для обозначения единства времени и пространства, «воплощенного в художественном образе» [5: 98]. Хронотоп в литературном тексте – это не столько фон, сколько способ структурирования действительности. Он проявляется в том, как организованы события, как выстраивается внутреннее и внешнее движение персонажа, как соотносится прошлое, настоящее и, при наличии, миф.

В «Ташкентском романе» хронотоп не является стабильной структурой, – наоборот, он фрагментарен и подвижен. Соразмерно пластам наррации, которые Афлатуни комбинирует для выстраивания собственного повествовательного принципа, пространственно-временная организация текста сложно классифицируется.

Ташкент в романе занимает особое место: это не просто родной город героини, но и пространство, к которому она возвращается после прохождения инициации, в котором размываются границы между реальностью, воспоминанием и мифом. Хронотоп Ташкента выстроен не по модели достоверного городского пространства, а как слоистое поле памяти, где материальные ориентиры уступают место образности и воспоминаниям.

Таким образом, хронотоп Ташкента в произведении постоянно трансформируется: от повседневного и узнаваемого дома, в который главная героиня возвращается из-за независящих от нее обстоятельств, до символического и мифопоэтического пространства, которое в конце романа автор перестает называть Ташкентом, оставляя за ним статус Города как пространства не только прошлого или настоящего, но и будущего.

Проведенный анализ позволяет рассматривать «Ташкентский роман» как произведение, в котором мифопоэтические коды не «украшают» повествование, а задают его композиционную логику: именно повторяемость мотивов, пороговость ключевых эпизодов и ритм переходов обеспечивают связность фрагментарного опыта героя и превращают частную историю в модель смыслообразования. В этой перспективе кризис самоидентичности раскрывается как процесс, разворачивающийся на стыке личного переживания и надличных культурных сценариев.

Тем самым роман демонстрирует характерный для современной прозы способ работы с традиционными структурами: архетипическое сохраняет универсальность, но актуализируется через материал повседневности, семейной легенды и городского опыта, «переводя» коллективные первообразы на язык нужного времени. Образ Города выступает здесь не фоном, а смысловым узлом, в котором собираются и пересобираются прошлое и настоящее, позволяя увидеть архитектуру текста как динамическое поле памяти и идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С.С.* София-Логос. Словарь: собрание сочинений / Под ред. Н.П. Аверинцевой, К.Б. Сигова. Киев: Дух и Литера, 2006. 912 с.
2. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. *Афлатуни С.* Барокко // ЛитМир: <https://litmir.club/br/?b=240453> (дата обращения: 15.11.2025).
4. *Афлатуни С.* Ташкентский роман // RoyalLib: https://royallib.com/book/aflatuni_suhbat/tashkentskiy_roman.html (дата обращения: 16.01.2026).
5. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотоп в романе: очерки по исторической поэтике. М.: Художественная литература, 1975. 406 с.
6. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М.: Наука, 1989. 400 с.
7. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 384 с.
8. *Пруст М.* В поисках утраченного времени. Кн. 1: По направлению к Свану. М.: Художественная литература, 1973. 467 с.
9. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторение. М.: Институт переводов, 2000. 224 с.
10. *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Институт переводов, 2001. 192 с.
11. *Юнг К.Г.* Душа и миф: шесть архетипов. М.: Совершенство – Port-Royal, 1997. 348 с.

REFERENCES

1. Averintsev S.S. (2006) Sophia-Logos. Dictionary: Collected Works / Ed. by N.P. Averintseva, K.B. Sigov. Kiev. Dukh i Litera Publ. 912 p.
2. Assmann Ya. (2004) Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity / Transl. by M.M. Sokolskaya. Moscow. Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ. 368 p.
3. Aflatuni S. Barocco. LitMir: <https://litmir.club/br/?b=240453> (date accessed: 15.05.2025).
4. Aflatuni S. Tashkent Novel. RoyalLib: https://royallib.com/book/aflatuni_suhbat/tashkentskiy_roman.html (date accessed: 16.05.2025).
5. Bakhtin M.M. (1975) Forms of Time and the Chronotope in the Novel: Essays on Historical Poetics. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 406 p.
6. Veselovsky A.N. (1989) Historical Poetics. Moscow. Nauka Publ. 400 p.
7. Meletinsky E.M. (1976) The Poetics of Myth. Moscow. Nauka Publ. 384 p.
8. Proust M. (1973) In Search of Lost Time. Book 1: Swann's Way. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 467 p.

9. Eliade M. (2000) The Myth of the Eternal Return: Archetypes and Repetition. Moscow. Institut Perevodov Press. 224 p.
10. Eliade M. (2001) The Sacred and the Profane. Moscow. Institut Perevodov Press. 192 p.
11. Jung C.G. (1997) Soul and Myth: Six Archetypes. Moscow. Sovershenstvo – Port-Royal Publ. 348 p.

Сведения об авторе:

Надежда Арменовна Григорянц,
магистрант
Институт филологии
и межкультурной коммуникации
Российско-Армянский университет

Nadezhda A. Grigoryants,
Master's Student
Institute of Philology
and Intercultural Communication
Russian-Armenian University
nadezhda.grigoryants@student.rau.am

А.Е. Строк (Москва, Россия)

Взаимодействие готической литературной традиции с популярной викторианской философией в рассказе Э. Булвер-Литтона «Привидения и их жертвы, или Дом и разум»

Аннотация: В статье анализируется рассказ Э. Булвер-Литтона «Привидения и их жертвы, или Дом и разум» (1859) и его связь с такими актуальными для викторианской эпохи философскими течениями, как спиритуализм, позитивизм и эмпиризм. Обращаясь к форме готических произведений и сохраняя элементы ужаса и тайны, писатель в значительной степени переосмысляет готическую традицию, используя устоявшиеся каноны для выражения философских тенденций современности.

Ключевые слова: Эдвард Булвер-Литтон, готика, готическая традиция, спиритуализм, сверхъестественное, гносеология, викторианская эпоха

A. Ye. Strok (Moscow, Russia)

The Intertwining of Gothic Literary Tradition and Popular Victorian Philosophy in E. Bulwer-Lytton's Short Story "The Haunted and the Haunters; or, The House and the Brain"

Abstract: The article analyses E. Bulwer-Lytton's short story "The Haunted and the Haunters; or, The House and the Brain" (1859) and its connection to the key philosophical movements of Victorian age, such as spiritualism, positivism and empiricism. Adopting the formal features of Gothic fiction and retaining the elements of horror and mystery, the author reinterprets the Gothic tradition completely, using established literary conventions to express the philosophical tendencies of his era.

Key words: Edward Bulwer-Lytton, Gothic, Gothic tradition, spiritualism, supernatural, epistemology, Victorian era

В Великобритании готическая литература оказывается наиболее востребованной среди читателей на рубеже XVIII–XIX вв. Первым готическим романом принято считать «Замок Отранто» («The Castle of Otranto», 1764) Х. Уолпола (1717–1797), а завершение эпохи «классической» готики в литературоведении связывают с романом «Мельмот Скиталец» («Melmoth the Wanderer», 1820) Ч.Р. Метьюрина (1782–1824). Однако было бы несправедливо утверждать, что готическая традиция оказалась неактуальной для последующих эпох. В середине XIX в. она

вступает в диалог с новыми литературными направлениями. Авторы нередко обращаются к уже известным широкой публике формам готического романа, готической драмы и рассказов о привидениях, однако вкладывают в содержание более современные идеи. В этом плане показателен рассказ «Привидения и их жертвы, или Дом и разум» («The Haunted and the Haunters; or, The House and the Brain», 1859) Э. Булвер-Литтона (1803–1873), чьи сочинения пользовались особенной популярностью в викторианскую эпоху.

Творчество Булвер-Литтона стоит рассматривать в совокупности с идейными и духовными исканиями автора, среди которых важную роль играет интерес к спиритуализму. Эссе «О духе, в котором следует воспринимать новые теории» («On the Spirit in which New Theories Should Be Received», 1863) подтверждает, что для Булвер-Литтона спиритические сеансы, постепенно становящиеся центром общественного внимания, являются предметом научного исследования. Писатель стремится выработать определенную методологию. В эссе он утверждает, что исследователь обязан оставаться непредвзятым при выборе методов познания, особенно в тех случаях, когда изучаемые явления выходят за рамки привычных убеждений. При поиске истины не стоит отвергать странные или даже приводящие в ужас способы приближения к ней: «Человек любит что-то больше, чем истину, если он отказывается исследовать гипотезу, претендующую на воплощение новой истины, какой бы непривычной для его убеждений, какой бы противоречащей его теориям она ни была» [Bulwer-Lytton 1864: 139]. Способность выйти за рамки привычного опыта позволяет перестроить восприятие и взглянуть на объект исследования с другого ракурса. Примечательно, что и готическая литература, в противоположность рациональным подходам эпохи Просвещения, уверяет читателя, что вселенная не ограничивается естественными явлениями и для утоления жажды познания мира необходимо уделять внимание и сверхъестественному. «Готическое как часть предромантического возникло в период угрозы чрезмерной интеллектуализации, бурного промышленного развития, грозившего уничтожить воображение как праздную игру ума, заглушить чувствительность индивида» [Соловьёва 1988: 85]. Эпистемологические установки последователей спиритуализма, авторов готических романов и Булвер-Литтона как писателя во многом схожи, так как все они связаны с необходимостью синтеза разума и воображения при попытке изучения явлений, не поддающихся научному объяснению.

Если учесть серьезное внимание Булвер-Литтона к гносеологии, рассказ «Привидения и их жертвы, или Дом и разум» стоит рассмотреть как произведение, выходящее за рамки привычного жанра истории о привидениях. Вероятно, для писателя форма готического повествования служит способом демонстрации собственных размышлений о различных методах познания.

Рассказ был впервые опубликован в журнале «Блэквуд» («Blackwood's Edinburgh Magazine») в 1859 г., но вскоре, в 1861 г., читателю была предложена сокращенная версия произведения, которая и стала печататься издателями впоследствии. Причиной переиздания послужило желание Булвер-Литтона использовать некоторые фрагменты из первой версии рассказа в другом произведении, романе «Странная история» («A Strange Story», 1862). В центре повествования находится типичный для жанра истории о привидениях локус – заброшенный дом с пугающими звуками и необъяснимыми видениями. В «классических» готических повествованиях пространство, населенное призраками, обычно выносится за пределы цивилизации и помещается вдали от больших городов. Булвер-Литтон, напротив, переносит

дом с привидениями в центр Лондона, что можно интерпретировать как призвание пересмотреть традиционное понимание соотношения сверхъестественного и обычного. Потустороннее встроено в повседневную жизнь человека.

При этом в рассказе Булвер-Литтона готический антураж изначально комически снижается. Так, в начале повествования друг рассказчика описывает снятый им ранее дом, который оказывается населенным призраками. Иронично, что героя удивляет не столько сверхъестественное, сколько тот факт, что его жена начинает высказываться разумно: «Самое тут поразительное, что я впервые в жизни послушался жены, хоть она женщина недалекая, и согласился, что невозможно, пробыв три ночи в этом доме, провести там и четвертую» [Bulwer-Lytton 1859: 224]. При этом снижение происходит еще и за счет постоянного обсуждения героями финансовой выгоды съема подобного жилища. Владелец дома обеспокоен наличием привидений в нем лишь потому, что такое место невозможно сдать в аренду на долгий срок, так как все потенциальные жильцы не задерживаются в доме дольше, чем на три дня. По этой причине хозяин дома терпит убытки, и поэтому он просит рассказчика исследовать природу странных явлений, приносящих ему финансовые убытки. Перенос акцента с мистики на материальные проблемы приводит к тому, что стоящие в центре готических повествований привидения в рассказе Булвер-Литтона словно отходят на второй план. Это частично похоже на распространенные в XIX в. пародии на готический роман, например «Нортенгерское аббатство» («Northanger Abbey», 1817) Дж. Остен (1775–1817) и «Аббатство Кошмаров» («Nightmare Abbey», 1818) Т.Л. Пикока (1785–1866), где «у героя открываются глаза на неожиданный факт, в результате чего всему пугающему находится простое логическое объяснение, и иллюзия действия сверхъестественных сил разрушается» [Халтрин-Халтурина 2019: 17].

Необычна и причина, по которой рассказчик решает провести ночь в доме с привидениями. Героем движет интерес исследователя. Рассказчик в начале произведения уверен, что каждому мистическому явлению можно дать научное обоснование: «Собственная моя теория сводится к тому, что сверхъестественного не бывает, и то, что называют таковым, не более чем природные закономерности, действия которых мы пока не знаем» [Bulwer-Lytton 1859: 230–231]. Следовательно, рассказчик здесь предстает приверженцем философии позитивизма, уверенным в возможности получения объективного знания. По мнению героя, в мире не существует и не может существовать необъяснимых явлений, так как абсолютно всё во вселенной подчинено естественным законам. Рассказчик в начале повествования полностью отрицает метафизику, стремясь провести научный анализ таких конкретных данных, как изменение температуры воздуха, плотность материальных объектов в комнатах и т. д.

Однако довольно быстро рассказчик вынужден признать несостоятельность позитивистского подхода, так как сталкивается с явлениями, для объяснения которых нужна качественно иная методология. Практически сразу по прибытии героя в дом происходит ряд традиционных для готических произведений сверхъестественных событий: рассказчик и его слуга слышат странный шорох и шепот, источник которых невозможно обнаружить, на полу появляются следы, мебель двигается, а двери между комнатами самостоятельно открываются и закрываются. Само наличие сверхъестественного типично для готической прозы, но совершенно не традиционной оказывается реакция рассказчика на представшие перед ним феномены. Происходящее скорее увлекает его, чем пугает. Он открыто при-

знается, что привидения интересны ему из-за желания объяснить мистическое, поставить определенный эксперимент: «Я был настроен на проверку своей теории, которая была скорее философской, нежели мистической. И могу заверить вас, что я был не менее спокоен и приготовлен к наблюдениям, нежели всякий экспериментатор, следящий за ходом редкого, хотя, возможно, и опасного химического опыта» [Bulwer-Lytton 1859: 231]. При этом герой утверждает, что будет делать выводы, исходя исключительно из собственного опыта, отчего для него и важно поселиться в доме самому, а не довольствоваться рассказами предыдущих жильцов. Установка на опыт и чувственное познание показывает, что повествователь изначально воспринимает эмпирическое познание как возможный метод решения вставшей перед ним философской проблемы. Герой Булвер-Литтона отказывается верить «предрассудкам фантазии», как он называет многочисленные слухи о происходящем в доме. Герои же традиционных готических повествований (например, «Замка Отранто» Уолпола или «Удольфских тайн» («The Mysteries of Udolpho», 1794; Э. Рэдклифф, 1764–1823) чаще ориентируются именно на местные легенды, старинные предания и мифы, не сомневаясь в их достоверности. Даже сами авторы готических произведений верили в сверхъестественное и часто утверждали, что «их сюжеты приходили к ним во сне и не только имели своей темой демоническое наваждение, но и были написаны под его влиянием» [Kilgour 1995: 22]. Соответственно, отличаются и способы героев противостоять враждебным силам. Если в готических произведениях персонажи в случае опасности стремятся прочесть молитву, а главным спасительным орудием против призраков считают Св. Писание, то повествователь Булвер-Литтона обращается к собранию эссе Томаса Бабингтона Маколея (1800–1859), английского публициста и историка, констатирующего главенствующее значение партии вигов в развитии Англии: «Для чтения я избрал одно из эссе Маколея и решил взять его с собой. В стиле его столько здоровья, в сюжетах – столько деятельной жизни, что он послужит мне противоядием против капризов суеверного воображения» [Bulwer-Lytton 1859: 226]. С одной стороны, подобная переориентация выглядит слегка комично, так как в течение повествования герой внезапно обращается к эссе Маколея четыре раза именно в те моменты, когда ему нужно обрести душевное спокойствие, но, с другой стороны, тот факт, что для утешения рассказчику требуется не Библия, а политико-исторические сочинения, в очередной раз отмечает его сосредоточенность на объективном опыте.

К числу приемов, часто используемых в готических повествованиях, можно отнести гротеск. И люди, и предметы, и сверхъестественные феномены в готических повествованиях всегда изображены с акцентом на какой-либо странной особенности (это могут быть искаженные черты лица или конечности неправильной длины). Призраки тем более обладают неестественными чертами, а предметы неожиданно увеличиваются или уменьшаются в несколько раз. Чувства персонажей тоже описаны преувеличенно детально, чтобы читатель понял ужас героев и, возможно, сам испытал сходные эмоции. Восприятие героем мира напоминает состояние наркотического опьянения, в котором невозможно понять, что реально, а что – плод больного воображения, грозящего свести персонажа с ума. Безумие тоже интересно авторам готической традиции как пограничное состояние психики. С одной стороны, оно способно довести человека до полного физического и морального истощения, а с другой, способно помочь увидеть то, что недоступно

обыкновенным людям, – традиция, знакомая читателям еще со времен Шекспира и английской трагедии мести.

В рассказе Булвер-Литтона, однако, ситуация совсем иная. Читателю ничего не известно ни про внешность героя, ни про облик привидений. Даже чувства героя описаны подчеркнуто лаконично, несмотря на ситуацию, в которой тот находится. Рассказчик не испытывает страха (или, по крайней мере, пытается убедить в этом читателя), так как не может полностью понять сущность тревожащих его видений, что приводит к отказу верить в их существование: «Пока я не боюсь, мне ничего не угрожает. Мой разум отрицает страх. Это иллюзия, я не боюсь» [Bulwer-Lytton 1859: 232]. Нет и детального описания призраков, в то время как в традиционных готических повествованиях они часто имеют опознаваемую физическую оболочку и в качестве узнаваемых лиц постоянно вмешиваются в судьбы героев. У Булвер-Литтона же привидения описаны как нечто неопределенное, предстающее не то как человеческая фигура, не то как тень, не то как что-то незримое, но в то же время постоянно присутствующее рядом. На этом этапе оказывается, что и чувственный опыт не может дать исследователю удовлетворительных ответов на интересующие его вопросы, поэтому снова требуется смена философского подхода.

Рассказчик, рассуждая о природе привидений, сначала утверждает, что призрак лишь блеклый двойник мертвого человека, лишенный души: «Итак, нас более всего тут поражает (как и в самых достоверных рассказах о призраках и привидениях) отсутствие того, что мы сочли бы душой, иначе говоря, высшего, свободного разума. В явлениях призраков нет цели; придя, они почти не говорят, а когда все же говорят, то самое заурядное, как всякий обычный человек» [Bulwer-Lytton 1859: 236]. Такая трактовка значительно отличается от готической традиции, где призраки могут помнить произошедшее за несколько веков до описываемых событий, а также способны быстро перемещаться из одного места в другое. Все это дает им возможность знать больше, чем живые герои, отчего часто призраки служат для последних источниками важной информации, помогающей раскрыть тайну – еще один атрибут готической традиции. У Булвер-Литтона же привидения не обладают подобными возможностями и авторитетом. Это связано как с традиционной для Великобритании опорой на индивидуальный опыт, так и с установками викторианской культуры, не позволяющей сделать выводы о чем-либо до тех пор, пока исследователь не удостоверится в обоснованности самих методов, с помощью которых можно обозначить и затем решить проблему.

По мере того как рассказчик исследует дом, обнаруживается, что сверхъестественные события связаны с действиями медиума, способного вызывать призраков с помощью особого предмета. Такая развязка отсылает читателя к ключевому положению спиритуализма о возможности взаимодействия с загробным миром. «Медиумом считается человек, чье тело излучает особый вид магнетической энергии, которая, как полагают, является связующим звеном между разумом и материей» [Maskelyne 1876: 80]. Однако и это объяснение не представляется рассказчику исчерпывающим, потому что провоцирует новые сомнения касательно возможностей человеческого разума и его взаимодействия с материальными объектами.

Произведение оканчивается своеобразной гносеологической загадкой. Стремясь объяснить сверхъестественное с точки зрения науки, рассказчик вынужден признать, что исключительно материалистический подход не охватывает все аспекты человеческого бытия, отчего возникает необходимость в обращении к спиритуализму. Однако и спиритуализм, в свою очередь, не представляется са-

модостаточной философией. Весь рассказ оказывается интеллектуальной игрой, философским диалогом-головоломкой, попытка решить которую оставляет читателю больше вопросов, чем ответов.

Впрочем, в первой редакции финал был совершенно иным. Если в измененной версии 1861 г. рассказчик сжигает вещи владельца и тем самым снимает проклятие, то в версии 1859 г. повествователь после проделанных действий спустя некоторое время возвращается к дому, где встречается с первым его владельцем, мистером Ричардсом, старинный портрет которого герой видел в доме. Мистер Ричардс путем изучения месмеризма достигает вечной жизни, что очень похоже на сюжет романа «Странная история». В финале он вводит рассказчика в транс, после пробуждения из которого тот находит записку с обещанием мистера Ричардса прийти на могилу молодого человека, тем самым утверждая действенность своих методов продления жизни. Вероятно, Булвер-Литтон все же не стремится утвердить месмеризм в качестве единственной жизнеспособной практики, отчего и выпускает вторую редакцию рассказа, в которой финал остается открытым.

Итак, в рассказе «Привидения и их жертвы, или Дом и разум» Булвер-Литтон отходит от канонов готической литературы, хотя и оставляет основные узнаваемые атрибуты этого жанра (мотив тайны, атмосфера ужаса, присутствие сверхъестественных сил). Писатель вписывает топоры готической традиции в контекст современных философских дискуссий и использует их для постановки вопросов о границах познания.

ЛИТЕРАТУРА

Соловьёва Н.А. У истоков английского романтизма. М.: МГУ, 1988. 232 с.

Халтрин-Халтурина Е.В. От готики к детективу (Джейн Остен и британские иронические расследования) // Поэтика зарубежного классического детектива: коллективный сборник. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 12–24.

Bulwer-Lytton E. On the Spirit in which New Theories Should Be Received // *Caxtoniana: A Series of Essays on Life, Literature, and Manners.* N.Y.: Harper, 1864. P. 137–143.

Bulwer-Lytton E. The Haunted and the Haunters: or, The House and the Brain // *Blackwood's Edinburgh magazine.* 1859. № 86. P. 224–245.

Kilgour M. The Rise of the Gothic Novel. L.: Routledge, 1995. 292 p.

Maskelyne J.N. Modern Spiritualism: A Short Account of Its Rise and Progress, with Some Exposures of So-called Spirit Media. Michigan: University of Michigan Library, 1876. 200 p.

REFERENCES

Bulwer-Lytton E. On the Spirit in which New Theories Should Be Received. In: *Caxtoniana: A Series of Essays on Life, Literature, and Manners.* N.Y. Harper Publ. 1864, pp. 137–143.

Bulwer-Lytton E. The Haunted and the Haunters: or, The House and the Brain. *Blackwood's Edinburgh magazine.* 1859. No 86, pp. 224–245.

Khaltrin-Khalturina E.V. From Gothic to Detective Fiction (Jane Austen and British Ironic Investigations). In: *The Poetics of Foreign Classic Detective Fiction: An Anthology.* Moscow. A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Press. 2019, pp. 12–24.

Kilgour M. (1995) *The Rise of the Gothic Novel.* L. Routledge Publ. 292 p.

Maskelyne J.N. (1876) *Modern Spiritualism: A Short Account of Its Rise and Progress, with Some Exposures of So-called Spirit Media.* Michigan. University of Michigan Library. 200 p.

Solovyova N.A. (1988) At the Origins of English Romanticism. Moscow. Moscow State University Press. 232 p.

Сведения об авторе:

Анастасия Евгеньевна Строк,
магистрант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anastasia Ye. Strok,
Master's Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
nastasya.strok@mail.ru

Библиографии

Bibliography

М.М. Громова (Москва, Россия)

О Лидии Чарской. Библиография (к 150-летию со дня рождения). Часть 8

М.М. Gromova (Moscow, Russia)

About Lydia Charskaya. Bibliography (on the 150th anniversary of her birth). Part 8

1914

[Автор не указан]. Обзор печати // Русский инвалид. 1914. №246. 31 окт. С. 4.

Полемика со статьей [Золотарев 1914]: «...детей наших, видите ли, надо теперь воспитывать в духе: “нет геройства в истреблении врагов”. (В угоду врагам не самим ли нам “истребляться”, г. автор?) Еще того пуще недоволен г. Золотарев “Газеткой” и “Задушевн. Сл.” Особенно последним. О нем автор пишет: *Откровенно-барабанным треском оглушает своих читателей “Задушевное Слово”. “Вперед! Вперед! На славный бой” призывает пресловутая г-жа Чарская. В бесплатном приложении журнал дает очерки В. Русакова “Юные русские герои”, где повествуется о детях, участвовавших в Севастопольской и Русско-Японской войне. Цель этих очерков “пробудить и укрепить в детских душах те же чувства долга и преданности”. Другое “приложение” знакомит читателей “Задуш. Слова” с “Скоучингом, службой юных разведчиков”. Третье “приложение” дает таблицы “Первой помощи”. В “почтовом ящике”, который издавна вызывал осуждение педагогической печати, печатаются многочисленные письма маленьких читателей, раскаленных желанием идти на передовые позиции, и т. д. Это ли не “преступление”? “Этого ли не достаточно, чтобы г. Золотарев наложил на журнал клеймо “зловредный!” Как-то обидно и больно читать подобную критику, да еще автора, носящего русскую фамилию; в те дни, когда свершается великая работа русской армии – видеть разглагольствования о чуть ли не “постыдности” этой работы!! Армия, а с ней и весь русский народ, совершает великое таинство, великое дело на пользу человечества и человеческих идеалов. Это дело захватило умы и взгляды наших детей – работников близкого будущего; и дело педагогики – не скрывать его сущности, а открывать, говорить, кричать о нем этим детям, чтобы навсегда русский подвиг слился с их душой и стремлениями! Наши дети счастливы, что им выпала участь быть свидетелями героических дел их отцов, ищущих принести Родине лавровый венок великой победы...» и пр.*

[Автор не указан]. Отчет о состоянии и деятельности Вятской Епархиальной библиотеки-читальни за 1913-й год // Вятские епархиальные ведомости. 1914. №27. 3 июл. С. 456–466.

Перечень наиболее часто спрашиваемых книг. «Из детской и народной литературы – рассказы и повести Л. Чарской, Алтаева, Немирович-Данченко, Майн-Рида, Тургенева, Толстого, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Загоскина, Желиховской, Лукашевич, и др.» (с. 464).

[Автор не указан]. Отчет о состоянии 2-го Саратовского (в г. Вольске) епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1913–14 учебный год (Тринадцатый со времени открытия училища) // Саратовские епархиальные ведомости. 1914. №23. 1 дек. Разд. паг. С. 1–25.

«Преподавательница русского языка во II классе Зиновия Афонская в праздничные дни после Богослужения в дообеденное время читала ученицам сочинения Л. Чарской “**Лизочкино счастье**” и Бернэт “История маленького лорда”. При чтении преподавательницей обращалось внимание детей на типы и их взаимное отношение, а также на выдающиеся картины природы» (с. 24).

Вахтерова Э. Чтение с детьми в семье (Окончание) // Русская школа. 1914. №2. С. 64–80.

«Еще два слова о, так называемых, “плохих” книгах, какие иногда попадают в руки детей: подарят знакомые, порекомендует подруга. Я никогда особенно не боялась этого – 1) потому что у детей, под влиянием чтения хороших книг, все же до известной степени уже развивается вкус и критическая жидка; 2) так легко бывает, зная содержание книги, навести мысль читателя на ее слабые стороны, если они сами не бросятся в глаза; и наконец, 3) вкус, понимание, критическая жилка – это нечто такое, что прогрессирует, развиваются, и то, что нравилось на первых ступенях читательской лесенки, получает достолюбящую оценку позднее. Так, девочки ученицы, увлекавшиеся произведениями Чарской и писавшие об них восторженные отзывы, через год-другой с удивлением спрашивали себя, что им так нравилось в этих книгах.

Не удивительно, конечно, что об этом себя спрашивают и на это не умеют ответить сами дети, но удивительно и жаль, что и педагоги и руководители детским чтением тоже ничего не умеют ответить себе на вопрос, почему то или другое нравится или не нравится детям. Вот хотя бы по отношению к Чарской, которую, по степени ее читаемости, можно было бы, пожалуй, назвать Вербицкой детской литературы. Моя девочка прочла глупейшую повесть “Юркин хуторок”, которую ей очень, очень рекомендовала ее подруга из интеллигентной семьи. В результате чтения вот отзыв, написанный девочкой по моей просьбе:

“Много в этой книге грубого, например, высокомерное, презрительное обращение “господских” детей с приемышем птичницы Митькой описано вовсе не отрицательно. “Барские” дети изображены очень хорошими, а Митька смешным и глупым. Например, там есть такие фразы: “Митька пошел за господами”, “господа повели Митьку куда-то. И Митька исполнял все приказания своих новых начальников”. И под этими господами и начальниками подразумеваются маленькие дети.”

И дальше:

“Я думаю, автор написал эту книгу так себе, от нечего делать, и постарался скучить вместе массу приключений, которые легко выдумать, но связать между собою, чтоб вышел смысл, довольно трудно. Оттого в книге ни складу, ни ладу...”

Отрицательное отношение к данной книге моей девочки легко понять. Это не чутье художественного, хотя это чутье у нее и есть, это чисто этические мотивы, она недовольна тем, что “описано вовсе не отрицательно” то социальное неравенство, которое девочка моя с самого раннего детства как-то особенно старательно пыталась уничтожить в обиходе своей маленькой жизни. Ей обидно за Митьку, которого пренебрежительно третируют “господские дети”, она негодует на этих “господских” детей за их высокомерие, за их злые насмешки над учителем, и приговор книге в ее смысле сделан вполне правильно.

Но вот другой рассказ той же Чарской, тоже порекомендованный подругой, вызывает восторженный отзыв девочки: “Очень интересная книга”, говорит она с чувством. И когда я перечитываю для себя эту понравившуюся ей книжку (Княжна Джаваха), я опять совершенно ясно понимаю мотив ее отзыва. Не сделалась художественнее манера г-жи Чарской, не больше красок оказалось на ее палитре, но она нарисовала, пусть немного лубочно, образ героической девочки, и овладела симпатиями читательницы. В самом деле, эта княжна Джаваха, смелая, простая в привычках, удалью напоминающая мальчиков, на которых, как известно, любят ходить девочки, не может не нравиться. Нравится и то, что она дружит с прислугой, со старым казаком Михайлой, и гордо держится по отношению к своему аристократичничающему кузену; нравится и то, как она идет одна против всего класса, когда не позволяет обыскивать себя при подозрении в воровстве, не хочет целовать крест, чтобы убедить в своей невинности; и то, как она берет на себя вину всего класса. Пусть образ этой Джавахи – прямой, правдивой, честной, храброй, красивой, гордой, способной, – с нашей точки зрения, не художественен, не реален, может быть, даже несколько лубочен. Он симпатичен, он нравится своими этическими чертами, он нравится тем, что в нем есть героизм. Что он не реален, этого дети, мало знающие жизнь, еще не поймут; что он не художественен, этого дети тоже еще не почувствуют, потому что их захватит содержание. И вот почему и девочка моя, как и многие дети ее возраста, с удовольствием прочла книжку о смелой, красивой, прямой девочке-героине, с ее яркими переживаниями, с ее красочной жизнью. Она прочла, а я несколько не испугалась этого и только задумалась над вопросом о том, как все-таки мало знаем мы детей и как иногда насилуем их самостоятельные

вкусы своими “вето”. Дети любят Чарскую, а мы распоряжаемся с этим очень просто: отрицаем ее, не покупаем ее, и даже не продаем ее в наших интеллигентских складах. И в сущности, очень хорошо выискивая ее недостатки, не ставим себе гораздо более интересного вопроса: в чем ее достоинства? А ответ на этот вопрос, быть может, уяснил бы нам многое в детской психологии» (с. 73–75).

В. П. Библиография. Книги для детского и юношеского чтения // Правительственный вестник. 1914. № 312. 23 дек. (5 янв. 1915). С. 5–6.

Отзыв на повесть «**Цель достигнута**»: «Не проходит года, чтобы г-жа Чарская не дарила нашей детской и юношеской литературы несколькими повестями или рассказами. Однако, отличаясь продуктивностью, г-жа Чарская, особенно за последние годы, подчас грешит слабою отделкою своих произведений, на которых сильно сказывается спешность их писания. Такого недостатка не лишена и настоящая повесть, являющаяся как бы продолжением другого произведения того же автора “На всю жизнь”. Интересная по своему замыслу, новая повесть г-жи Чарской в своей разработке производит впечатление какой-то недоделанности, что вряд ли могло входить в расчёты автора, хотевшего изобразить тип положительной молодой женщины, самостоятельно пробивающей себе дорогу. Тем не менее мирок, далеко не чуждый г-же Чарской, обрисован довольно ярко и колоритно, и в общем повесть может быть прочитана с интересом, хотя вряд ли захватит душу даже молодой читательницы или читателя. Расхолаживают впечатление некоторые несообразности, к которым так чутка особенно внимательно подмечают их молодежь. Берем, например, такой пустяк, как мог автор заставить свою героиню еще с улицы видеть в окне квартиры, занимаемой ею на одном из петроградских дворов, своего ненаглядного сынишку, махать ему руками, той квартиры, в которую можно попасть, стремглав пролетев через двор и только через две-три минуты позвонив у двери. И такие lapsus’ы не единичны. Аудитория у г-жи Чарской велика, и ее слушатели с жадностью ждут появления в свет произведений любимого ими автора. Как велика и благодарна в таком случае задача вполне оправдать эти ожидания».

Гиляровская Н. О детских книгах // Голос Москвы. 1914. № 2. 3 янв. С. 2.

«Можно отметить “Вольные дни Великого Новгорода” Викт. Окса, “**Желанный царь**” Чарской, которая уже зарекомендовала себя способной детской писательницей; лучше других у нее рассказы из гимназической жизни. <...>

Нельзя не отметить сборников “Задушевное слово”, чтение для детей старшего возраста, изд. Вольфа.

Журнал собран за год и представляет собою прекрасный толстый том рассказов, статей, очень интересных по содержанию и прекрасно изданных.

Такой же сборник “Задушевного слова” выпущен и для детей младшего возраста.

В журнале сотрудничают такие силы, как Т.Л. Щепкина-Куперник, Б. Зайцев, и составляется он очень умело.»

Золотарев С. Война и детские журналы // Школа и жизнь. 1914. № 42. Стб. 1085–1088.

«Откровенно-барабанным треском оглушает своих читателей “Задушевное Слово”. “Вперед! Вперед! На славный бой” призывает пресловутая г-жа Чарская. В бесплатном приложении журнал дает очерки В. Русакова “Юные русские герои”, где повествуется о детях, участвовавших в Севастопольской и Русско-Японской войне. Цель этих очерков “пробудить и укрепить в детских душах те же чувства долга и преданности”. Другое “приложение” знакомит читателей “Задуш. Слова” с “Скоучингом, службой юных разведчиков”. Третье “приложение” дает таблицы “Первой помощи”. В “почтовом ящике”, который издавна вызывал осуждение педагогической печати, печатаются многочисленные письма маленьких читателей, раскаленных желанием идти на передовые позиции, служить разведчиком, перевязывать раны» (стб. 1087);

Лицам, взявшимся за ответственное дело детских писателей, нужно найти в настоящее время верный тон и педагогически подойти к детским настроениям, вызванным войною. Не следует заглушать чувства любви к родине, но и не следует направлять его тем тернистым путем, на котором не выстаивает даже сложившаяся нервная система взрослых людей. На плечах наших детей будет и без того лежать слишком тяжелое бремя» (стб. 1088).

К сезону подарочных книг // Известия Вольфа. 1914. № 12. Разд. паг. Стб. 285–292.

«“**Цель достигнута**” – большая повесть любимой детьми и юношеством писательницы Л.А. Чарской. Переживания девушки, стремящейся к самостоятельной жизни и посвящающей себя сценическому искусству, к которому она чувствует и влечение и дарование, ее годы на

драматических курсах, отношения к своим товарищам и подругам и, наконец, достижение заветной цели – вот содержание этой повести, в которую автор вложил много чувства, теплоты и своеобразности своего пера.

«**Княжна Джаваха**» Л.А. Чарской вышла пятым изданием. Эта книга хорошо известна уже обширному кругу юных читательниц и пользуется среди них репутацией одной из интереснейших повестей. Рассказ в ней ведется от лица самой героини, при чем в первой части описаны приключения княжны на Кавказе, во второй – ее житье-бытье в институте» (стб. 287);

«**Бичо-Джан**, Л.А. Чарской. В этой повести известной писательницы рассказывается о приключениях маленького кавказца горца-князя, наследника больших богатств, похищенного родственниками с корыстными целями. Несмотря на характер этой темы, повесть не содержит, разумеется, ничего рискованного, полна захватывающего интереса и, хотя предназначена для младшего возраста, может служить занимательным чтением и для детей постарше» (стб. 290);

«**Записки маленькой гимназистки** (изд. третье) повесть Л.А. Чарской для детей младшего возраста о приключениях бедной сиротки, попавшей в дом богатого родственника» (стб. 291);

«Отдельно от других следует указать на большие изящно переплетенные томы “Задушевного Слова” за 1914 г. для старшего и младшего возрастов.

В первом, для старшего возраста, кроме выдающихся по интересу большой повести из институтской жизни “**Т-а и-га**” Л.А. Чарской и исторического романа “Опальный князь” М.Л. Ордынцева-Кострицкого, – длинный ряд повестей, рассказов из современной жизни и из прошлого России и многих стран и народов... <...>

В “Задушевном Слове” для младшего возраста имеются повести Л.А. Чарской – “**Малютка Марго**”, Кл. Лукашевич “Враги”, М. Цеховской “Комната без окна”...» (стб. 292).

Книги для детей за 1913 г. (Составлено по статье Библиотечн. ком. при Спб. О-ве содейств. дошк. воспит. детей. «Речь». 1913. № 344) // Воспитание и обучение. 1914. № 2. Стб. 57–63.

«Комиссия... перечисляет “старых знакомых, ведущих детскую литературу”, между которыми мы видим прежние имена – Манасеиной, Авенариуса, Алтаева, Лукашевич, Федорова-Давыдова, Елачица, Караскевич-Ющенко, Шведера, Чарской и др.»

Книжные новости // Известия Вольфа. 1914. № 2. Стб. 32.

«Роман Л.А. Чарской “**Виновная (sic!), но...**” пользуется большим успехом: в два месяца разошлось больше половины издания.»

Комарницкий В. Чарская как детская писательница. Докл., чит. на Варшавской выставке образовательных пособий и книг для детей дошкольного и школьного возраста в апреле 1913 г. Варшава: тип. Варш. учеб. окр., 1914. 14 с.

Ле-в. Библиография. Т-во М.О. Вольф. Золотая библиотека // Кронштадтский вестник. 1914. № 291(8789). 24 дек. С. 2.

Отзыв на повести «**Цель достигнута**» и «**Бичо-Джан**»: «На поприще детской литературы г-жа Чарская давно уже приобрела себе почетную известность. Ее повести и рассказы всегда охотно читаются юношеством обоего пола. Названные две книги предназначаются: первая для девочки, а вторая для мальчика и как все выходящее из под пера знакомого уже давно автора, будут прочтены с интересом».

М-ич В. Городская публичная библиотека в 1913 г. // Сибирская жизнь. 1914. № 107. 23 мая. С. 2.

«Симпатии читающей публики по-прежнему сосредоточивались на Л.Н. Толстом, но первенство оспаривали у великого писателя г.г. Амфитеатров и Вербицкая. По степени спроса авторы занимают в нисходящем порядке такие места: первое – Амфитеатров (452), второе – Толстой Л.Н. (443), затем Чарская (детск.) 409, Вербицкая – 375, Немирович-Данченко – 275, Дюма – 251, Мясницкий – 225, Лейкин – 204, Вернер – 202 и т.д.»

Н. П. Библиография. Из сочинений Л.А. Чарской // Вятская речь. 1914. № 56. 12 марта. С. 4.

Рецензии на книги «**Тринадцатая**», «**На всю жизнь**», «**Виновна, но...**»: «Эти три книги весьма характерны для писательской манеры г-жи Чарской. Г-жа Чарская владеет удивительно легким пером, и книги ее читаются с необыкновенною легкостью, действующею увлекательно не только на детей и подростков, но также и на взрослых, а так как в книгах г-жи Чарской,

назначенных для детей, нет ничего такого, что могло бы оскорбить детский глаз или слух, то и нет никакой надобности запрещать детям читать Чарскую, хотя содержание многих из ее произведений довольно пустое, обращенное большею частью на архаическую мораль и на внешнюю жизнь детей.

Таково же содержание и “Тринадцатой”, этой повести о приключениях, и шалостях девочки с добрым сердцем, чуткой совестью и пылким темпераментом.

Вообще же автор отдает предпочтительное внимание жизни сердца своих героев и совсем или почти не затрагивает их умственную жизнь, это сказалось и в повести “На всю жизнь”, – истории молодой девушки по окончании средней школы, – и особенно в “Виновна, но”... (автор хочет сказать: заслуживает снисхождения).

“Виновна, но”... назначается для взрослых читателей и все сплошь занято любовью героини, сначала к мужу, который оказался скверным, а потом зараз к двум мужчинам – добродетельному и любящему Евгению Нераеву и жестокому, бессердечному Даниилу Ключевскому.

Местами проскальзывают фразы о писательской работе героини и даже об участии ее в партии, но все это остается в тумане, на втором плане; на первом же плане – муки любовной страсти, приближающие героиню Чарской к героиням Наградской. И все это изображено легким до соблазнительности языком, который является единственной причиной, что произведения Чарской пользуются таким вниманием читающей публики, хотя они относятся к области беллетристики, а не высоко-художественной литературы: по существу это – легкая болтовня.

Повести “Тринадцатая” и “На всю жизнь” изданы с изяществом, к какому приучило читателя т-во Вольф: великолепны шрифт, бумага, переплет с золотым тиснением и т. д.».

Новости литературного мира // Известия Вольфа. 1914. №12. Разд. паг. С. 2 обл. – стб. 200.

«Л.А. Чарская написала роман из военной жизни (для взрослых) п. з. “Ее величество Любовь”, который появится в 1915 г. на страницах одного из иллюстрированных журналов, одновременно с романом В.В. Муйжеля “В огне войны” и романом И.Н. Потапенко из быта духовенства “Отступление”» (стб. 200).

Отзывы и рецензии... // Известия Вольфа. 1914. №1. Разд. паг. С. 3.

Перепечатка отзыва на повесть «Сестра Марина» [Ш 1913].

Отзывы и рецензии... // Известия Вольфа. 1914. №2. Разд. паг. Стб. 4.

Перепечатка отзывов на повести Чарской. «Желанный царь»: «Можно отметить “Желанный царь” Чарской, которая уже зарекомендовала себя способной детской писательницей; лучше других у нее рассказы из гимназической жизни...» [Гиляровская 1914]; «Щелчок»: фрагмент [М 1913].

Отзывы и рецензии... // Известия Вольфа. 1914. №3. Разд. паг. Стб. 7–8.

Перепечатка отзывов на повести Чарской. «Желанный царь»: фрагмент [В 1913]; фрагмент [Россия 1913а]; фрагмент [Гиляровская 1914]; фрагмент [Николай Т 1913]; «На всю жизнь»: фрагмент [Котлин 1913 № 287]; фрагмент [Варшавский дневник 1913b], «Новая повесть известной, детской писательницы будет прочитана нашим юношеством с тем же интересом, как и ее предшествующие произведения... Внешность издания очень изящна» (Гермес 1914 № 1); «... Повесть “На всю жизнь” можно считать одной из лучших повестей симпатичной писательницы. Читается она с захватывающим интересом... Книга издана роскошно. Мы ее горячо рекомендуем нашему юношеству» [Леонов 1913]; «Сестра Марина»: фрагмент [Ш 1913]; «Тринадцатая»: [Кронштадтский вестник 1913b], [Россия 1913а], фрагмент [Котлин 1913 № 287], фрагмент [Варшавский дневник 1913b], [М 1913].

Отзывы и рецензии... // Известия Вольфа. 1914. №5. Разд. паг. Стб. 4.

Перепечатка фрагмента отзыва на повести и рассказы Чарской для юношества [Н. П. 1914].

Пейн Арвид. Русская литература у латышей // Известия Вольфа. 1914. №4. Разд. паг. Стб. 111–115.

«...каталог одной из крупнейших латышских фирм, “А. Вальтер, Я. Раппа и Ко.”, в Риге. В графе “новейших изданий” в этом каталоге мы находим следующие переводы, выпущенные отдельными изданиями: 1) Максим Горький: “Рождение человека”; 2) Максим Горький: “Сказки”; 3) Максим Горький: “По России”; 4) Л.Н. Толстой: “Рассказы”; 5) А.П. Чехов: “Рассказы”; 6) А.К. Толстой: “Князь Серебряный”; 7) Г. Данилевский: “Княжна Тараканова”; 8) К. Бестужев:

“Жены декабристов” (Истор. Библ.); 9) А. Савин: “Екатерина II и ее фавориты” (Истор. Библ.); 10) Л.А. Чарская: “**Лучший дар**”; 11) П. Соловьева (Allegro); “Праздник солнца и весны”; 12) П. Лесгафт: “Домашнее воспитание детей”; 13) Е. Кувшинская: “Чартизм” и 14) “Очерк о государстве и его власти, по Ф. Кокошкину”» (стб. 112).

Русаков В. О повестях из институтской жизни. Критическая заметка // Известия Вольфа. 1914. № 11. Разд. паг. Стб. 252–256.

Полемика со статьей И. Петербургской «Об институтах» (Русская школа. 1914. № 7–8. С. 103–119).

«“Наши женские учебные институты, это – учреждения, в которых систематически, из года в год, калечатся физически и нравственно сотни и тысячи детей”.

Такое мнение высказано на страницах педагогического журнала “Русская Школа”, в статье, посвященной означенным институтам.

В статье этой нарисована такая ужасающая картина порядков, нравов и обычаев, господствующих в наших женских институтах, такими яркими красками выяснена моральная атмосфера, в которой дети проводят девять лет жизни, что становится страшно за нашу женскую молодежь.

Автор статьи основывает свои положения на лично пережитом им и приходит к заключению, что “если раньше институты могли быть терпимы, то допускать существование их теперь преступно”. <...>

Появление означенной статьи на страницах журнала “Русская Школа” характерный симптом. Ведь не так еще давно в этом же журнале мы читали следующие строки по поводу повестей Л.А. Чарской из институтской жизни и описанных в этих повестях институтских обычаях и порядках:

“Если это не клевета, если есть хоть сколько-нибудь правды в написанном Чарской о педагогах и институте, то остается только сказать родителям: прочтите хоть одну книгу Чарской, и если вы после этого решитесь отдать ваших детей в руки таких (институтских) воспитателей, обречь ваших детей на подобную жизнь, то Бог вам судья” [Масловская 1911].

Эти строки появились в статье г-жи З. Масловской “Наши дети и наши педагоги в произведениях Чарской”. Г-жа Масловская не допускала мысли, чтобы нарисованные Чарской картины жизни в институте могли отвечать истине, она считала их выдуманными, клеветой, пасквилем. Между тем теперь, после статьи г-жи Петербургской, оказывается, что г-жа Чарская в своих книгах “**Записки институтки**”, “**Княжна Джаваха**”, “**За что?**” и др. применила слишком мягкие, слишком нежные краски для обрисовки институтского режима, типов институтского педагогического персонала, самих институток и пр.

Статья г-жи Петербургской является прекрасною отповедью не только г-же Масловской, но и другим quasi-критикам, выступавшим в свое время с нападками против Чарской и выведенных ею писательницею типов учителей и институток.

В другом месте мы уже указывали на тенденциозность и несправедливость нападков против институтских повестей г-жи Чарской (ссылка на [Русаков 1913а]. – М. Г.). Именно, в отличие от многих представительниц педагогического персонала институтов, Чарская, следуя заветам Пирогова, выказала в своих книгах, посвященных описанию жизни и быта институток, *уважение человека в ребенке*. И это уважение заставило ее, не скрывая, дать рядом с положительным типом как из среды педагогов, так и из среды детей, также и ряд отрицательных типов и вывести смешные их стороны. Но Чарская, не забывая, кто ее аудитория, кто ее читатели, сумела все-таки с любовью и в привлекательных красках изобразить и положительные стороны институтской жизни, которых совершенно не видит г-жа Петербургская. Недаром же дети, как свидетельствует сама г-жа Масловская, на вопрос, почему они любят Чарскую, писали: “мы ее любим за то, что она пишет только правду и описывает девочек, как они есть”.

Чарская – не единственная у нас бытописательница институтской жизни, не единственная детская писательница, избравшая темой для своих повестей для юношества – институтскую жизнь. Таких писательниц несколько. И по адресу большинства из них раздаются упреки, что они будто бы черными красками рисуют эту жизнь, что на самом деле эта жизнь совершенно-де другая, лучше, светлее.

Статья г-жи Петербургской свидетельствует, что это мнение не верно. Она свидетельствует, кроме того, что наши детские писательницы, описывая институтскую обстановку, далеко не сказали всей правды, не сказали потому, что не забывали, для кого предназначают свои произведения. Мягко выводя недостатки и смешные стороны самих институток, они щадили, по мере возможности, самые учреждения и их руководителей, исходя из нравственно-педагогических соображений. И эти повести принесли и приносят, очевидно, не вред, а пользу, заставляя юных

читательниц призадуматься и над собственными недостатками и над недостатками своих сверстниц.

Статья г-жи Петербургской не может остаться незамеченной. И, вероятно, в связи с ней заговорят теперь и о повестях для юношества из институтской жизни. Но заговорят, вероятно, в другом уже тоне, признавая, что юные читательницы не даром с таким увлечением читали и читают эти повести, не даром повторяют:

– Все это правда!»

Саввин Н.А. Детская литература и журналистика в 1914 году. Окончание // Педагогический листок. 1914. №8. С. 606–633.

«“Задушевное Слово” для младшего возраста, по заведенному в течение последних лет обычаю, напечатало традиционный роман-повесть Л. Чарской “Малютка-Марго”. Как и всегда, читательницы “Задушевного Слова” поместили не мало хвалебных писем, адресованных автору, а Л. Чарская принуждена была напечатать специальное письмо, извещающее заинтересованных лиц, что она пишет новую повесть, являющуюся продолжением “Марго”. Успех на стороне г-жи Л. Чарской.

А повесть, между тем, такого же характера и достоинства, как и все другие повести Л. Чарской: масса эффектных сцен, много нервующих положений, примитивная психология, – словом, обычная резкость письма Л. Чарской, отлившейся в определенный трафарет» (с. 624); «“Задушевное Слово” для старшего возраста по заведенному обычаю открывается повестью Л. Чарской под оригинальным заглавием “Та-и-та”. Конечно, повесть будет встречена почитательницами писательницы восторженно: написана она в обычном для Л. Чарской стиле» (с. 630).

Саввин Н.А. Опыт ежегодника детской литературы. Детская литература и журналистика за 1913 год. М.: редакция журнала «Педагогический листок», 1914. (Учительская библиотека.) 76 с.

Отзыв на брошюру В. Русакова «За что дети любят Чарскую?» (с. 7), идентичный [Саввин 1913а: 433]. Отзыв на рассказ «**На радость царевичу**», идентичный [Саввин 1913с: 531]. В разделе «Детская журналистика»: отзыв на повести «**Бичо-Джан**», «**Маленькая королева**» (с. 57), «**Цель достигнута**» (с. 64–65), идентичный [Саввин 1913b: 624–625, 632].

Соболев М.В. Тринадцатая. Повесть Л. Чарской, изд. Вольфа. Спб. 1913 г. 241 стр. с рис. В. Спасского // Педагогический сборник. 1914. №12. С. 603.

«Странное заглавие повести объясняется так: г-жа Симановская во время опасной болезни своей дочурки дала обещание: “за одну спасенную и возвращенную мне девочку сохранить жизнь и здоровье двенадцати других”. С выздоравливающей дочерью она переехала в свое лесное имение и устроила там приют, где “слабенькие, болезненные, хилые дети бедных родителей нашли все необходимое для здоровья под гостеприимным кровом доброй лесной помещицы”. Как видите, начало повести подкупающее, но вот в среду кротких детей вступает дочь морского офицера, круглая сирота, “мальчишка в юбочке”, которая с первых шагов начинает куралесить(sic!). Прodelками Коди заполнены все остальные 200 страниц книги, Чего не насочиняла г-жа Чарская, чтобы привлечь внимание юного читателя и замаскировать увядание и того небольшого таланта, который был замечен в ее первоначальных очерках институтской жизни былых дней. Не стоит перечислять все проделки Коди, которая в воде не тонет, в лесу не пропадает, волка побеждает, но начальницу любит и в конце концов обещает не огорчать ее “своими гадкими шалостями и проказами”. Конечно, издатель не пожалел ничего, чтобы приукрасить произведение излюбленного автора; приходится пожалеть г. Спасского, давшего выразительные рисунки для сочинения, от которого надо предостеречь читателей.»

Хроника // Известия Вольфа. 1914. №2. С. 2 обл.

«Т-во М.О. Вольф приступает к печатанию нового издания повести Л.А. Чарской для юношества “**Джаваховское гнездо**”.»

Хроника // Известия Вольфа. 1914. №6. С. 1.

«Следующие издания Т-ва М.О. Вольф допущены Главным Управлением Военно-Учебных заведений в ротные библиотеки: 1) “**Тринадцатая**”, повесть для детей Л.А. Чарской; 2) “**Желанный царь**”, историческая повесть для юношества Л.А. Чарской...»

Хроника // Известия Вольфа. 1914. №7. С. 2.

«Главное Управление Военно-Учебных заведений допустило <...> ...в ротные библиотеки: ... Чарская **“На всю жизнь”**...»; «Л.А. Чарская заканчивает две больших повести для детей старшего и младшего возрастов. Новые произведения популярной детской писательницы будут печататься в “Задушевном Слове” в 1915 году».

Хроника // Известия Вольфа. 1914. № 8–9. С. 2.

«Т-во М.О. Вольф приступило к изданию новой повести Л.А. Чарской **“Цель достигнута”**, являющейся одним из звеньев серии автобиографических повестей названной писательницы 1) “За что?” 2) “Большой Джон”, 3) “На всю жизнь”. Новая повесть Л.А. Чарской взята из жизни воспитанниц драматических курсов и театральных подмостков.»

Хроника // Известия Вольфа. 1914. № 10. С. 1–2.

«Редакция издаваемого Т-вом М.О. Вольф журнала для детей “Задушевное Слово” объявила список главнейших произведений, которые будут печататься в журнале в наступающем с 1 ноября новом, 39-ом, подписном году. В числе их находятся: повесть Л.А. Чарской для юношества **“Дэли-Акыз”**, ее же повесть для детей младшего возраста **“Мадмуазель Муму”**, историческая повесть-хроника Льва Жданова **“Византийская орлица”**, рассказ Клавдии Лукашевич **“Голос сердца”**, Бориса Лазаревского **“Коля на море”**, юмористическая поэма Анат. Кремлева **“Необыкновенное путешествие маленького Джуна”**, рассказ М. Пожаровой **“Друзья маленькой Сайми”**, рассказ В. Цеховской **“Хлопчик”** и мн. др.»

Хроника // Известия Вольфа. 1914. № 11. С. 2.

«Т-во М.О. Вольф выпускает к Рождеству две новые книги Л.А. Чарской: одну для юношества под заглавием **“Цель достигнута”** (из серии автобиографических повестей названной писательницы) и другую для детей школьного возраста под заглавием **“Бичо-Джан”**. Первая книга иллюстрирована И. Гурьевым, вторая Е. Лебедевой.»

Хроника // Известия Вольфа. 1914. № 12. С. 2.

«Вышли первые номера на 1915 год журнала для детей и юношества “Задушевное Слово”, заключающие в себе, между прочим, обещанные повести и рассказы Л.А. Чарской, К.В. Лукашевич, Льва Жданова, Бориса Лазаревского, Анатолия Кремлева, Евг. Шведера, стихотворения М. Пожаровой, Ольги Мар, И. Гурвича и мн. друг., а в приложениях – книжки В.В. Князева, баронессы Е. Мейендорф, Альфонса Додэ, Ж. Маррона и др....»

Чеканов И. Религиозно-нравственные чтения для учащихся в светских средних учебных заведениях г. Курска (Окончание) // Курские епархиальные ведомости. 1914. № 17. 1 мая. С. 366–370.

«После молитвы “Царю Небесный” законоучителем младших классов Гимназии, о. П. Моисеевым, была сказана речь о значении религиозно-нравственного воспитания в детском возрасте и им же прочитан рассказ о “силе молитвы”.

После этого ученицы разных классов прочли наизусть стихотворения: “Молитва” Лермонтова, “Жизнь” Плещеева, “Пред образом Спасителя” Кольцова, “Молитва дитяти” Никитина, “Христос на кресте” Бутовского, “Христос Младенец” Плещеева, “17 октября, 1888 г.” Майкова, “У кровати сына” Аксакова, “Младенец” Жуковского, **“Христианка”** Чарской, “Два Ангела” Бажанова, “К Ангелу хранителю” Золотарева, “Мадонна” Баратынского, **“Молитва”** Чарской, “Ангел” Лермонтова, “Молитва” Гнусарева, “Мадонна” Пушкина, “Молитва Ефрема Сирина” Пушкина, “Иуда” Доброхотова, “Молитва” Кольцова, “Ангел” Майкова, “Молитва” Вяземской, **“Белый Ангел”** Чарской и др. Кроме того хор учениц младших классов весьма стройно исполнил “Солнце и свет”, “Рождественская песня”, “Коль славен”, “Кресту твоему” и “Спаси Господи»» (с. 368).

Чуковский К.И. Лидия Чарская // Чуковский К. Лица и маски. СПб.: Шиповник, 1914. С. 329–344.

Шатов Е. Лидия Чарская. «Виновна, но...» Роман мятежной души. К-во «Венок». СПб. Стр. 228. Ц. 1 р. 50 коп. Анна Мар. «Идущие мимо». Московское Кн-во. Стр. 168. Ц. 1 руб. 25 коп. Наталия Потапенко. Отступница. Кн-во бывш. М.В. Попова. СПб. 1914 г. Стр. 159. Ц. 1 р. // Современник. 1914. Август. Кн. XIII–XV. С. 305–306.

«Женская литература – явление последних дней. Писали, конечно, женщины, и раньше, но их литературная работа текла по общему руслу творчества, и не было речи об особой женской

литературе. Иное дело теперь. Образуется как бы особый уголок в литературе, если и не создавшей еще своего круга тем, то во всяком случае вносящий в трактовку знакомых положений особые оттенки, – с преобладающим интересом к женской судьбе, к женским волнениям, к женским горестям и радостям. Все три указанные выше книги трактуют о женщине; мужские образы введены только как иллюстрация, как оселок, на котором пробуете женская судьба. Неравноценны эти книги по своим литературным достоинствам, не одинаковы по глубине и искренности. Общее в них то, что они – женские книги.

Лидия Чарская не новичок в писательстве. У нее даже есть свой испытанный, преданный круг читателей. Но ей, видимо, наскучили тихие воды институтской литературы, и захотелось на простор литературы для взрослых. Ничего хорошего из этой перемены не получилось. Чарская прибавила своей героине возрасту, заставила целоваться уж не с подругой, а с господином, но сохранила институтскую психологию; здесь и обычно трескучий язык, фальшивая восторженность и подозрительная наивность. Ее героиня, конечно, обладает всеми достоинствами: она знаменитая писательница; женщина, сумевшая завоевать себе полную самостоятельность; ею, конечно, все восхищаются и т. п. Не веришь ее рассказу – и ее обвиняемую нет охоты ни осуждать, ни оправдывать» (с. 305).

Rossica // Известия Вольфа. 1914. № 3. Разд. паг. Стб. 54.

«Чешский издатель Вилимек в Праге, выпустивший ряд повестей Л.А. Чарской для юношества в чешском переводе, приступает к изданию собрания сочинений названной писательницы для детей и юношества в переводе чешских писателей»; «Пьеса Л.А. Чарской **“Лучший дар”** вышла в латышском переводе в издании фирмы Вальтер, Рапп и Ко в Риге».

Rossica // Известия Вольфа. 1914. № 4. Разд. паг. Стб. 70.

«**“Княжна Джаваха”**, повесть для юношества Л.А. Чарской, уже переведенная на немецкий язык г-жою Роннимойс (перевод помещен в журнале **“Kraenzchen”**), переведена, кроме того, на немецкий же язык г-жою Фридою Шток в Вене.»

Мария Михайловна Громова,
младший научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Mariya M. Gromova,
Junior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
marija.gromova@list.ru

Научная жизнь

Academic Life

Т.А. Пивоварчик (Гродно, Беларусь)

**XVIII Международные Карские чтения
«Славянский мир и национальная речевая культура
в современной коммуникации»**

Т.А. Pivavarchyk (Grodno, Belarus)

**XVIII International Karsky Readings
“The Slavic World and National Speech Culture in Modern Communication”**

14–15 мая в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь) состоялись XVIII Международные Карские чтения «Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации». Конференция носит имя первого белорусского академика, выдающегося слависта и белорусиста, фольклориста, палеографа, этнографа, уроженца Гродненщины Евфимия Федоровича Карского.

Организатором чтений выступила кафедра журналистики факультета истории, коммуникации и туризма ГрГУ имени Янки Купалы в партнерстве с МГУ имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургским государственным университетом, Уральским федеральным университетом имени первого Президента России Б.Н. Ельцина и Международной Ассоциацией исследователей языка медиакоммуникации.

В 2026 г. чтения были приурочены к 165-летию со дня рождения Е.Ф. Карского. В работе конференции, которая проходила в очно-дистанционном формате, приняли участие 318 ученых из 104 научных и академических организаций 12 стран (Армении, Беларуси, Болгарии, Израиля, Ирана, Казахстана, Китая, Кыргызстана, России, Словакии, Таджикистана, Узбекистана). В состав участников чтений вошли доктора, кандидаты наук, аспиранты и докторанты, учителя, а также магистранты и студенты в соавторстве с научными руководителями. Были прочитаны 290 научных докладов на русском и белорусском языках.

С приветственным словом к участникам конференции обратился первый проректор ГрГУ имени Янки Купалы А.Е. Каревский, отметив важность научных идей Е.Ф. Карского в современном осмыслении языковых, культурных, исторических процессов. Ученых приветствовал правнук академика А.А. Карский, который многие десятилетия занимается изучением наследия своего знаменитого предка. Инициатор и идейный вдохновитель Карских чтений М.И. Конюшкевич выразила надежду на то, что гений Евфимия Федоровича Карского будет воодушевлять ученых на совместную работу во имя преемственности традиций и диалога культур славянских народов.

Первое пленарное заседание открыл доклад В.А. Белозоровича (Гродно) «“Открытие Беларуси”»: белорусоведение во второй половине XIX – начале XX в.». Докладчик отметил, что период профессиональной деятельности Е.Ф. Карского совпал с оформлением белорусской исторической науки, для которой Е.Ф. Карский значим как ученый, обосновавший самостоятельность белорусского языка, что содействовало развитию белорусской национальной идеи и национального движения.

Живой отклик в зале вызвало выступление В.А. Масловой (Витебск) с докладом «Интегративность лингвистических знаний со знаниями других наук как важнейшая тенденция современности», где автор показал, что взаимодействие разных наук при исследовании одного и того же объекта, в нашем случае языка, – это тенденция времени. Поэтому нужно менять параметры научного мышления в сторону интегрирования различных знаний – не только когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, но и генетики, биологии, квантовой механики (физики) и др., изучающих человека в разных его ипостасях.

С большим вниманием аудиторией был выслушан доклад Л.Р. Дускаевой (Санкт-Петербург) «Эмотивность в медиаречи как борьба за внимание аудитории», где были продемонстрированы особенности вербализации эмоций в научно-популярной медиаречи. По убеждению докладчика, даже сложные темы (например, научные или экономические) транслируются в медиатекстах с демонстрацией интеллектуальных эмоций (удивления, любопытства, радости открытия), что делает информацию интересной для массового читателя. Как было отмечено автором доклада, вербализация эмоций выступает важным компонентом популяризации как технологии речевого воздействия.

М.И. Конюшкевич (Гродно) предложила вниманию слушателей доклад «“Факты языка никогда не потеряют значения” – Е.Ф. Карский, или Морфосинтаксическая концепция Словаря союзов и союзного конструктива русского языка». В выступлении было раскрыто методологическое кредо академика Е.Ф. Карского – в исследовании и описании языка опираться на авторитет самого языка, а также была прослежена преемственность идей ученого в современной лингвистике и экстраполирована на морфосинтаксическую концепцию лексикографического манифестирования служебных слов и, в частности, союзов и союзных конструкций русского языка.

Значимым событием первого пленарного заседания стала презентация первого тома нового словаря М.И. Конюшкевич «Союзы и союзный конструктив русского языка. Грамматика реального употребления. Словарь. Книга 1. Диапазон АБ». По словам самого автора, книга представляет собой начало принципиально нового лексикографического проекта по тотальной инвентаризации союзов и конструкций союзного типа русского языка.

Богатый языковой материал был проанализирован в докладе М.В. Пименовой (Санкт-Петербург) «Орда темная и золотая: скрытые смыслы русских былин». Целью автора было описание цветовых признаков слова *орда*. Материалом исследования выступили словари русского языка, песни и былины, контексты из Национального корпуса русского языка. Основываясь на результатах проведенного исследования, М.В. Пименова заключила, что слово *орда* не тюркизм, как утверждают многие словари, а результат метатезы слова *род*.

Предметом исследования В.В. Катерминой (Краснодар) стала смена дискурсивных парадигм в профессиональных сферах, рассмотренная через призму ан-

глаголизмы неологической метафоры. В докладе были проанализированы изменения ключевых англоязычных неологических метафор, организующих профессиональное мышление и коммуникацию (в бизнесе, медицине, экологии), и показано, как эта метафорическая смена сигнализирует о глубокой трансформации социальных парадигм в этих сферах и фиксируется в пласте профессиональных неологизмов англоязычного дискурса.

О.М. Акай (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Грамматика вовлечения: лакунарные употребления строевых единиц и дейксиса в диджитал-медиа как инструмент управления вниманием аудитории». В центре внимания докладчика были ненормативные, «лакунарные» с точки зрения традиционной грамматики употребления, которые, однако, систематически воспроизводятся в диджитал-среде и выполняют ключевую прагматическую функцию – управление вниманием и вовлечением аудитории.

В докладе В.И. Сенкевича (Брест) декларировалась мысль о том, что эффективным инструментом грамотности обыденного языка и профессиональных научных изысканий выступает «язык сущности», противопоставленный языку как средству коммуникации. Нахождение в состоянии свободного поиска и мотивированных научных штудий не исключает потерь и заблуждения. Их минимизация осуществляется путем антиномического (апофатического) познания, овладения инструментами которого ученый получает шанс осветить насущные вопросы и проникнуть в глубины подлинной сущности вещей.

Доклады на втором пленарном заседании поставили перед аудиторией ряд актуальных вопросов, связанных с изучением и сохранением национальной культуры и национальной исторической памяти.

С особым вниманием аудитория слушала доклад Г.И. Зверевой (Москва) «Культурная память и “мы-идентичность” в цифровой среде: формы взаимодействия». Автор доклада предложил обсудить современные теоретические подходы к изучению форм взаимодействия цифровой культурной памяти и концепта «мы-идентичность» для более полного понимания процессов, происходящих в массовом социальном и историческом сознании в условиях медиатизированного общества.

Живой отклик у аудитории, особенно у ее молодой части, вызвал доклад Е.В. Ничипорчик (Гомель) «Коды национальной культуры в белорусском телеконтенте». Были представлены результаты анализа контента столичного белорусского телевидения, которое успешно справляется с задачей национальной консолидации, продвижения ценностей национальной культуры. В то же время отмечалось, что при использовании преимущественно русского языка в качестве языкового кода телевидение упускает возможность подчеркнуть значимость белорусского слова как важнейшего фактора сохранения национальной идентичности. Доклад вызвал активную дискуссию, что подтверждает злободневность поднятой автором темы.

С большим интересом аудитория слушала доклад М.Л. Ковшовой (Москва) «Загадка и цвет. Цветовое кодирование в русских загадках». В докладе были описаны лексические и грамматические особенности употребления цветовых компонентов в текстах русских загадок, представлена классификация цветовых компонентов в отношении образ / денотат, исследовано употребление цветового компонента в прямом и переносном значении, прослежены тенденции употребления цветовых компонентов в современных загадках, сделаны выводы о роли цветового компонента в кодировании и декодировании загаданного объекта.

А.С. Сумская (Екатеринбург) выступила с докладом «Смысловые доминанты в медиатекстах советских поколений, или как молодые россияне воспринимают нарративы “Русского проекта” от Первого канала». Сравнительный анализ роликов социальной рекламы 1995–1996 гг., представляющих первый опыт медийного конструирования национальной идеи и национальной идентичности россиян после краха СССР, и скриптов студентов-первокурсников, изучающих дисциплину «Основы российской государственности», позволил определить доминирующие ценности молодых россиян (вера, надежда, любовь, семья, взаимопомощь, дом).

Активное обсуждение участниками Карских чтений пленарных докладов на протяжении всего времени конференции свидетельствует об их концептуальности и перспективности для дальнейших научных изысканий.

В рамках конференции были проведены секционные заседания по 13 направлениям. Междисциплинарная секция «Научное наследие академика Е.Ф. Карского. История, культура и этнография славянских народов» была представлена докладами исследователей в области исторических, культурологических, филологических, педагогических наук. А.А. Карский (Санкт-Петербург) на основе архивных и мемуарных материалов детально проследил судьбы всех родственников академика Е.Ф. Карского в период Великой Отечественной войны. В.Г. Корнелюк (Гродно) сообщил о новых сведениях, которые позволяют существенно расширить генеалогическое древо знаменитого академика и поставить вопрос о новых направлениях в развитии «карсковедения». Доклад Л.Д. Бондарь (Санкт-Петербург) о немецких корреспондентах Е.Ф. Карского в 1920-е гг. (М. Фасмере и др.) не только раскрыл особенности научно-организационной деятельности Е.Ф. Карского, но и позволил поднять важные вопросы о научном и – шире – межгосударственном взаимодействии России, Германии и Австрии в первой четверти XX в. Сопоставительный анализ концептуальных основ научного наследия двух исследователей восточнославянских языков – Е.Ф. Карского и П.А. Расторгуева – был представлен в докладе С.Н. Стародубец, О.В. Белугиной, К.Н. Кириченко. Авторам доклада удалось продемонстрировать общее и различия во взглядах ученых-славистов на народную лингвокультуру восточнославянского приграничья.

Особое внимание на секционном заседании было уделено вопросам осмысления и интерпретации наследия великого ученого современным поколением исследователей и общественностью. Доклад А.Г. Шешкен (Москва) был посвящен значению труда Е.Ф. Карского «Белорусы» для формирования концепции истории становления и развития белорусской литературы. Т.Ю. Красовицкая (Москва) в докладе «Е. Карский и языки описания будущего устройства России» рассказала об особой позиции академика Карского по вопросу о государственном устройстве бывшей Российской империи – евразийского геополитического пространства. Обсуждение научных взглядов Е.Ф. Карского в контексте политического, социального и культурного ландшафта России и Беларуси второй половины XIX – первой половины XX в. было представлено в докладах Н.А. Бондаренко (Москва), А.С. Горного (Гродно), Р.С. Горигорчука (Гродно), И.И. Короткевич (Минск), Т.Н. Олиферчик (Минск), Н.В. Самосюк (Брест).

Многие исследователи, чьи доклады были представлены в секции «Сопоставительное, историческое и функциональное описание славянских и других языковых систем», развивали в своих работах идеи и научные принципы Е.Ф. Карского, опираясь на материал белорусского, македонского, немецкого, польского, русского, сербского, украинского, французского, чешского и многих других

языков. Предметом доклада З.Е. Фоминой (Воронеж) стали славянские реалии в немецкой культуре и их изучение с позиции этнолингвистических воззрений Е.Ф. Карского. И.В. Бугаева (Москва) представила аудитории результаты сопоставительного исследования ономастических единиц русских, сербских и польских названий икон в сравнении двух конфессий: православия и католицизма. Исследователь отметила, что поиск наиболее точных вариантов перевода важен не только в богословии, но и в религиоведении, искусствознании, культурологии, а также в экскурсионной деятельности. Н.В. Супрунчуком (Минск) были рассмотрены особенности перевода причастий с сербского языка на белорусский на примере романа лауреата Нобелевской премии по литературе Иво Андрича «Мост на Дрине». Е.Н. Любашевская (Беларусь) поделилась опытом перевода стихотворений сербских, белорусских и российских авторов в рамках социокультурного проекта «Сербия, Беларусь и Россия. Тихое созерцание».

В докладе И.Ю. Граневой и И.Ю. Абрамовой (Нижний Новгород) внимание было сосредоточено на выявлении своеобразия фразеологических единиц русского, сербского и чешского языков, включающих лексему «язык», как фрагмента лексико-фразеологической системы этих близкородственных языков. Сопоставлению способов метафорического кодирования денотата в паремиологическом пространстве русского и французского языков был посвящен доклад О.Н. Ивановой (Витебск). Вопросы сопоставления морфемных структур русских композитов и их белорусских эквивалентов рассматривались в докладе О.М. Николаевой (Минск). На примере фрагмента переводного словаря докладчиком было продемонстрировано многообразие типов формально-семантических расхождений коррелятивных единиц.

Целый ряд секционных докладов был посвящен истории лексического и грамматического строя славянских языков. А.А. Миронова (Челябинск) обратилась к вопросу об эмотивной семантике слов в структуре церковно-приходской летописи XIX в. и доказала, что понимание эмоционально-оценочного компонента церковной летописи в целом возможно только при условии владения лингвокультурным кодом православного мира. В докладе О.В. Зуевой (Минск) были описаны особенности коммуникативной организации и языка (уровни фонетики, лексики, морфологии) посланий князя Константина Острожского 1580–1600-х гг. как памятников кириллической старобелорусской письменности. Послания Острожского на старобелорусском языке были сопоставлены с его польскоязычными письмами, были выявлены и прокомментированы случаи проникновения восточнославянских единиц в тексты на среднепольском языке. В русле исторической лексикологии и исторической грамматики были прочитаны доклады М.С. Хмелевского и О.В. Раиной (Санкт-Петербург), И.И. Апончук (Иркутск), П.С. Басалыга (Минск), Е.Д. Пузаковой (Москва).

На заседании секции «Культурно-историческая память в современном медиадискурсе» были представлены доклады, посвященные актуальной проблеме сохранения культурно-исторической памяти и ее дискурсивной репрезентации. С.В. Кулинская и М.Н. Кунина (Краснодар), опираясь на междисциплинарное наследие академика Е.Ф. Карского и сочетая филологический анализ медийного текста с коммуникативным (дискурс-аналитическим) подходом, выявили ключевые стратегии обращения к исторической памяти в российских СМИ, показывающие, как посредством языка и нарратива осуществляется трансляция ценностей и национальной идентичности. Формульные сочетания русского средневековья в

тексте современных СМИ стали объектом рассмотрения в докладе Е.В. Генераловой (Санкт-Петербург). Л.В. Рычкова (Гродно) на материале контекстов, содержащих конструкции *вспоминать / вспомнить кого / что и вспоминать / вспомнить о ком / о чем*, полученные с использованием корпусных технологий из подкорпуса, содержащего СМИ Гродненщины и Брестчины, сформированного на основе модуля региональных СМИ Национального корпуса русского языка, установила наличие постоянства воспоминаний об определенных событиях в жизни конкретного человека, рабочего коллектива / иного сообщества и выявила соотношение определенных конструкций с тематическими группами лиц и событий. Закономерности речевой объективации в белорусском и российском медиадискурсах различных тем и событий в пространстве исторической памяти были рассмотрены в докладах Э.Г. Шестаковой (Донецк), И.В. Метлушко (Минск), И.И. Минчук (Гродно), Г.А. Задонской (Санкт-Петербург), А.Ю. Песковой (Москва), В.Н. Квашук (Витебск), А.В. Зезюлевич (Гродно), Т.В. Савинковой (Санкт-Петербург).

Доклады в секции отличались острой актуальностью и не только теоретическим, но и прикладным характером. Большой интерес вызвал доклад П.Ф. Сумского (Екатеринбург), в котором были описаны стратегии перекодирования нарративов как механизм трансфера культурно-исторической памяти от медиапоколений, переживших 90-е (советских поколений), к медиапоколениям молодых россиян («цифровых»), для которых эта эпоха является уже историей, зафиксированной в медиатекстах. В докладе С.Б. Зайнуллина (Москва) была поднята тема краудфандинга как инструмента народной поддержки культурно-исторической памяти в современном медиадискурсе. Р.В. Даутовой (Казань) были представлены результаты исследования репрезентации образа защитника Отечества на современном российском телевидении. Исследователь подчеркнула, что для государства с богатой военной историей и традициями, каковой является Россия, защитник Родины – это не только профессионал, но и символ государственного суверенитета, национального единства и патриотизма.

Особое внимание привлек к себе доклад Т.Г. Хасановой и С.Г. Сабировой (Душанбе), посвященный проблеме преломления культурно-исторической памяти о теле сквозь призму эстетических стратегий современных СМИ. Определяя перспективу исследования культурного кодирования телесности через медиа как пространство пересечения дискурсов, авторы подчеркнули: мода и медицина в медийном поле закладывают культурные сценарии, закрепляемые через метафоры, визуальные стандарты и повторяющиеся нарративы. Анализ этой интердискурсивности позволяет понять, каким образом медиа конструируют идеал телесности как безусловную культурную норму, а не как частное предпочтение.

В секции «Когнитивные и лингвокультурологические исследования языка и дискурса» активно обсуждались проблемы взаимосвязи между языком, сознанием и культурой. В докладе Н.В. Макшанцевой (Нижний Новгород) обсуждался вопрос освоения лингвокультурных концептов на основе прецедентных феноменов, был осуществлен анализ культурно-обусловленной ассоциативной ауры, сопровождающей концепты. Лингвоконцептологическая проблематика современного языкознания была представлена в секции докладами А.А. Родичевой (Санкт-Петербург), Е.Н. Радион (Минск), Ф.Ш. Бекмурзаевой (Санкт-Петербург), Ю.С. Елисеевой (Омск), Е.И. Скорокозовой (Москва), Л.Ю. Масловской (Минск), А.В. Садыковой (Бишкек), О.В. Агафоновой (Витебск).

В докладе Т.В. Бобко были рассмотрены особенности функционирования медицинской лексики в обыденной коммуникации в современном русскоязычном интернет-пространстве. Пытаясь установить прагматическую специфику употребления терминов – наименований разделов и областей медицины и определение их функций, автор доклада отмечала ценность этого материала для социолингвистических исследований в сфере наивной лингвистики и наивной прагматики, в частности возможность фиксации как обыденного, неспециального знания о социальной жизни языка, так и процедурного метакоммуникативного знания о том, как и что говорить, если затронуты сложные, болезненные, потенциально травматичные темы.

Особенностям репрезентации телесного кода в национальных лингвокультурах и творчестве писателей были посвящены доклады Ю.А. Башкатовой (Кемерово), А.Р. Нурутдиновой (Казань), Е.Н. Путрич (Минск), А.М. Калюты (Минск), А.В. Чухановой (Минск). Когнитивные основы и лингвокультурные аспекты ономастики обсуждались в выступлениях В.М. Генкина (Витебск), С.В. Адамович (Гродно), Ю.М. Разумовской (Тамбов), О.А. Лукиной (Витебск), Чэнь Цзоу (Витебск).

Интерес вызвал доклад Т.Ю. Завьяловой (Липецк), в котором на материале художественных произведений XIX–XX вв. были подробно проанализированы константные и динамичные составляющие образа России и сделан вывод о том, что в образе России заключается разнохарактерная информация о русском социуме – группе людей, объединенных общностью территории и единством ментальных установок. Особенности гендерной трансформации лингвокультурного типажа *Врач* в синхронии и диахронии были прослежены в докладе А.В. Жарковой (Витебск). О.И. Ничипорчик (Гомель) установила специфику формирования оценочных смыслов в пермских паремиях с отрицанием при именном компоненте.

Особое внимание в секции было к докладу Т.Г. Рабенко (Кемерово) «Речевой жанр с позиции лингвистической вариантологии (на материале корпоративных сайтов адвокатских организаций Кемеровской области)». Автор показал, что речевой жанр предстает в виде модели, структурируемой инвариантными (образ автора – адвокатская организация, образ адресата – доверитель или заявитель, диктумно-модусное наполнение, обусловленное институциональной природой жанра, поликодовость) и вариативными (форма осуществления адвокатской деятельности, различие в субжанрах и пр.) признаками. М.В. Ладутько (Минск) в своем докладе обосновывала необходимость аргументативного измерения научной коммуникации, которое способно дать надлежащие критерии описания, анализа и оценки научно-гуманитарной продукции. Изучение языка как инструмента познания мира и транслятора культурного кода в практике преподавания русского языка как иностранного обсуждалось в докладах Л.Ю. Финашиной (Санкт-Петербург), Е.Н. Александровой и К.В. Чусовой (Уфа).

В работе секции «Этнолингвистический и лингвокультурологический подходы к изучению языков и дискурсов» было несколько доминирующих тем. Этнолингвистический потенциал фольклорных жанров и диалектных текстов стал предметом исследования в докладах О.Н. Крыловой (Санкт-Петербург), А.Б. Ипполитовой (Москва), В.Д. Манашовой и М.Е. Стальной (Томск), М.А. Филипповой (Санкт-Петербург), М.А. Харламовой (Омск).

На проблеме разработки методик ретроспективного анализа целостных языковых процессов в диахронии в процессе изучения этапов развития русской словесности сосредоточила свое внимание И.А. Иванчук (Санкт-Петербург) и предло-

жила вниманию аудитории две новаторские методики анализа разговорной речи прошлых эпох.

Междисциплинарный характер имел доклад М.С. Гутовской «Лингвокультурологическая компетенция больших языковых моделей: оценка способности оперировать русскими этнокультурно маркированными фразеологизмами». Интерпретация культурного кода фразеологии остается для больших языковых моделей сложной задачей, требующей совершенствования алгоритмов и расширения баз данных с привлечением этнографических и культурологических словарей.

Результаты исследования этнокультурной специфики коммуникативного поведения носителей разных языков, в том числе в сравнительно-сопоставительном аспекте, были предъявлены в докладах Е.Г. Богданович (Гомель), В.Г. Глушковой (Белгород), Р.А. Яралиевой (Ростов-на-Дону), И.В. Пивоварчик (Гродно).

Обсуждение материалов фольклорно-этнографических экспедиций было представлено в докладах Н.А. Стародубцевой и С.Ю. Харченко (Волгоград), М.В. Ясинской (Москва), И.М. Струтинского (Москва).

Лингвометодическая и лингводидактическая проблематика рассматривалась в докладах Т.А. Налимовой и Н.Ю. Романовой (Санкт-Петербург), О.В. Данич (Витебск), А.И. Жишкевич (Минск), О.А. Никишовой (Тамбов). Е.Е. Орешина (Тамбов) представила доклад об использовании стратегии доместикации при переводе иноязычных текстов. Е.Г. Ростова (Москва) поделилась опытом использования мультимедийного лингвострановедческого словаря «Россия» для составления заданий, способствующих формированию социокультурной компетенции изучающих русский язык как иностранный или как неродной.

В секции «Грамматика и прагматика дейксисных и строевых единиц в языке и медиаречи» был затронут широкий спектр проблем, касающихся грамматической организации национальных языков и медиатекстов. В докладе С.А. Важника (Минск) на примере особых архаических и диалектных предложных структур белорусского языка описывалась «грамматика конструкций» Е.Ф. Карского. Автор показал, что на звание первого архаического конструктикона белорусского языка по праву может претендовать синтаксическая часть «Белорусов».

Е.Н. Виноградова (Москва) рассмотрела группу отадъективных предлогов, которая не обозначена в большинстве традиционных грамматик русского языка, и провела ее описание в следующих аспектах: основания выделения данной группы предлогов, ее статус и история описания; реестр отадъективных предлогов и их эквивалентов; семантические, парадигматические, синтагматические особенности отадъективных предлогов, специфика функционирования данных единиц. Доклад Т.Н. Пермяковой (Новосибирск) был посвящен функционированию отыменных релятивов в современной медиакоммуникации. Мао Хунин (Москва) в своем докладе остановился на вопросе о грамматикализации и семантике русских отглагольных темпоральных предлогов.

Е.П. Пустошило (Гродно) проанализировала семантический и прагматический потенциал лексемы «менее» как строевого элемента квантитатива в медиатекстах. Семантика и функционирование лексемы «причина» в русскоязычных текстах региональных газет Гродненщины стали предметом рассмотрения в докладе И.А. Чепиковой (Гродно). Доклад А.А. Павловой (Гродно) был посвящен устойчивым междометным конструкциям в русскоязычной сетевой коммуникации и их грамматическим характеристикам.

О.А. Артёмова (Минск) предложила к обсуждению доклад «Дейксис как инструмент конструирования реальности в медиаречи: грамматическая организация и прагматические эффекты». Вопросы прагматики медиатекста стали ключевыми в докладах И.М. Басовец (Минск) «Средства маркирования субъектной референции в ссылочных конструкциях белорусскоязычных медиатекстов», Т.А. Пивоварчик (Гродно) «Прагматика устойчивых местоименных сочетаний как средств идеологизации медиадискурса», И.А. Таировой (Санкт-Петербург) «Конструкция “как известно, X” в русскоязычном медиадискурсе: коммуникативно-прагматический анализ».

Дискуссия в секции «Активные языковые и речевые процессы в медиакommunikации» велась вокруг значимых процессов функционирования языка в медиасфере. Е.Н. Вакулова (Санкт-Петербург) рассказала о новых способах выражения количественности в сфере медиа-, политической и рекламной коммуникации. Ю.В. Малицкий (Минск) на основе анализа белорусских письменных памятников Средневековья решал задачу установления специфики формирования протомедийного мышления в белорусской письменной традиции. По мнению исследователя, изучение обстоятельств формирования основ национального медиамышления имеет фундаментальное значение для понимания логики развития медиасферы и проектирования ее будущего. Анализ того, как в средневековых текстах развивались авторские стратегии изображения реальности, позволяет видеть в современных технологических явлениях не просто вызов цифровой эпохи, но естественный этап в эволюции человеческого мышления, направленный на поиск эффективных способов передачи смыслов.

Влияние медиатизации на речевое поведение человека в разных коммуникативных ситуациях стало предметом рассмотрения в выступлениях Ю.Е. Ивановой (Одинцово), Ю.В. Кулаженко (Гомель), М.А. Муртазаевой (Москва). Доклад В.В. Белоусовой (Москва) был посвящен проблеме «слова года» как инструмента, который способствует созданию единого информационного поля на национальном и глобальном уровнях и выполняет функцию своеобразного «информационного якоря». Благодаря сравнению «слов года» в русском, английском, немецком, польском и др. языках автору удалось выявить общие и специфические тенденции в их выборе в разных языковых сообществах и проанализировать влияние глобальных трендов и локальных особенностей на этот выбор.

В докладах А.А. Кирдун (Минск), Н.О. Митрофанова (Москва), М.А. Волковой (Москва), Чжу Шэнминя (Гродно), М.А. Креховой (Москва) обсуждался вопрос об активных механизмах развития лексики медиадискурса, лексических и семантических инновациях в языке СМИ. Внимание исследователей было уделено и языковым единицам других уровней, в том числе пунктуационному оформлению медиатекстов (В.И. Бужинская, Москва). Теме вариантности морфологической нормы в русской и белорусской медиаречи были посвящены доклады Е.А. Болтовской (Могилев), С.Г. Хвесько (Гродно).

Продуктивный диалог ученых состоялся в секции «Славянские литературы и медиаккультура третьего тысячелетия», где обсуждались диалектические связи художественной литературы и массовой коммуникации. Л.П. Саенкова-Мельницкая (Минск) представила доклад о потенциале кинокритики как части медиаобразовательного процесса. Т.Е. Старостенко (Минск) в концептуальном докладе «Современные направления коммуникативной стилистики художественного текста» определила перспективы развития стилистики диалога, основанные на связи это-

го современного направления стилистики художественного текста с другими науками – философией, психологией, текстологией, дискурсологией.

Влияние эпохи и ее «вкуса» на проблемно-тематические, жанровые, коммуникативно-прагматические, стилистические характеристики художественного и публицистического текстов стала доминантной темой в данной секции, что нашло отражение в докладах Н.И. Михальчук (Минск), Л.В. Скибицкой (Брест), И.П. Безлепкиной (Минск), А.Э. Сабуть (Гродно), П.Д. Яновой (Санкт-Петербург). Специфике использования изобразительно-выразительных средств в произведениях разных авторов и разных литературных направлениях были посвящены выступления С.Н. Кайсаровой (Санкт-Петербург), А.Л. Церковского (Минск), О.Н. Шершнёвой (Могилев). Особый интерес у участников секции вызвала тема жанровой специфики текстов в условиях интермедальности, которая рассматривалась в докладах Д.И. Данюк (Минск), А.М. Морёновой (Москва), В.Ю. Назаренко (Минск), Я.Я. Пекарь (Гродно).

Работу секции «Дискурсивно-стилистические и речезанровые аспекты медиадискурса» открыл программный доклад А.В. Полонского (Белгород) «Языковая реальность современного человека: медийная перезагрузка». Автором доклада было отмечено, что сегодня одна из самых дискуссионных сфер лингвистических исследований формируется на «перекрестке» языка и медиа (разноформатных, традиционных и новых информационно-коммуникационных ресурсов – газет, журналов, радио- и телеканалов, рекламных щитов, вывесок, почтовой связи, смартфонов, интернет-платформ и т. п.), форсированно проникающих во все сферы жизнедеятельности и коммуникативные практики человека, определяя особенности его языкового опыта.

Участники секции обсуждали специфику разных типов медиатекстов. М.А. Гладко (Минск) посвятила свое выступление игроцентрированным моделям медиатекста, выявила и описала структурно-функциональные особенности категории игры как одной из генеральных категорий общения, определяющей коммуникативную результативность медиатекста. Среди докладов, прозвучавших на заседании секции, следует выделить оригинальные по методологии и методике исследования выступления В.В. Богуславской (Москва) «Интернет-отзывы в фокусе лингвокультурологических исследований» и И.Е. Герасименко (Тула) «Медийное бытование песенного дискурса: лингвопрагматический и ценностный аспекты».

Внимание участников секции было сосредоточено на таких популярных жанрах, форматах современного медиадискурса и методах распространения информации в нем, как сторителлинг (О.Л. Цветкова, Ярославль; Е.Н. Ширлина и Е.Н. Сидорова, Москва), массовые комментарии в социальных сетях (М.Ю. Шингарева, Шымкент), интернет-мемы (Е.Г. Быкова, Минск; А.В. Глебова, Москва; А.А. Шавлохова, Томск), интерактивная телебеседа (Е.В. Войтишенюк, Гомель), медиагороскоп (А.М. Мубаракшина и Н.Н. Фаттахова, Казань), модульный рекламный текст (Е.Т. Костюшко, Гродно), электронный листок-некролог (Е.А. Дядкина, Москва).

Активно обсуждались проблемы жанровой и дискурсивной гибридации. Л.А. Усманова (Казань) предложила комплексное описание русскоязычного сновидческого дискурса, формируемого на стыке личного переживания и публичной интерпретации. Д.С. Труханова (Москва) выступила с обсуждением вопроса о конвергенции дискурсов в цифровой профессиональной коммуникации преподавателей РКИ с точки зрения генристики. О.А. Глущенко (Санкт-Петербург) пред-

ставила доклад об экспансии жанра совета в современной бренд-журналистике. Исследователь отмечает формирование «советеллинга» как способа подачи направленной, опциональной и факультативной информации смешанного коммерческого и полезно-познавательного характера.

Фиксировались и анализировались участниками секции новые коммуникативные практики в медиапространстве. А.А. Черкасова (Москва) посвятила свой доклад феномену бимбо-стоицизма как новой медиапрактики «заботы о себе» в русскоязычном Tik-Tok. В.А. Сподарева (Ростов-на-Дону) рассмотрела прагматический потенциал фигур речи в текстах военных корреспондентов. Маркеры оценки и поощрения сотрудников в корпоративных медиа стали объектом изучения З.В. Рогозиной (Иркутск).

Вопросы использования медиатекстов в образовательных практиках обсуждались в докладах М.Р. Тадевосян (Ереван), А.Д. Дудько (Гродно), Е.А. Меркуловой (Санкт-Петербург).

Содержательно насыщенными были дискуссии в секции «Медиатекст в семиотическом и когнитивно-коммуникативном аспектах». Значительная часть докладов была посвящена медиатексту как инструменту формирования медиатизированной языковой картины мира и управления когнитивными процессами. В докладе А.А. Биюмены (Минск) рассматривалась солидарность как прагматическая категория медиадискурса и описывались тематические векторы ее выражения в современных медиа. Е.В. Стоянова (Шумен) поставила вопрос о том, что трансформация средств представления информации в цифровой коммуникации приводит к активизации числового компонента как отражения мысли и эмоции. По замечанию исследователя, с одной стороны, это происходит в контексте действия универсальной когнитивно-языковой тенденции экономии усилий, с другой – создание онлайн-сообществ ведет к формированию в микросоциуме неких кодов общения, в которых числовому компоненту отводится важная роль. Роли лингвистики в становлении государственных символов был посвящен доклад Е.А. Щегловой (Санкт-Петербург). Вопросы фиксации, передачи, объективации различных типов и форматов знания обсуждались в докладах Т.Н. Ефименко (Москва), Н.Н. Приступы (Минск), А.А. Крестьяниновой (Москва), А.Г. Кротовой и А.П. Берест (Новосибирск), А.Н. Карпинчик (Гродно), Хань Юе (Москва).

Н.А. Прокофьева (Санкт-Петербург) обратила внимание на способность ключевых слов текущего момента обрастать обертонами, в результате чего расширяются парадигматические и синтагматические связи, а со временем происходит и семантический сдвиг в значении слова, что обеспечивает наличие у слова коммуникативного веса, его способность быть метонимической заменой события. Функционирование в медиатексте лексических единиц определенных тематических групп рассматривалось в докладах О.А. Шуманской (Минск), А.Ч. Рыжкович (Гродно), А.С. Мирошниченко (Гродно), П.И. Кондратенко и Е.Д. Волошенковой (Санкт-Петербург).

Обсуждались на секции и вопросы коммуникативной организации медиатекстов. О.Б. Трубина (Москва) представила в докладе систему дискурсивных маркеров непонимания в медиатекстах. Роли метатекстового компонента в создании структурно-смыслового единства во взаимодействии участников коммуникации в политическом телешоу был посвящен доклад Е.М. Бебчук и М.Я. Запрягаевой (Воронеж). И.А. Герасимчик (Гродно) рассмотрела метаязыковую рефлексию как инструмент коррекции оценочного потенциала слова в текстах СМИ. Роль факто-

ров адресанта и адресата в содержательно-смысловой и стилистической организации медиатекста обсуждалась в докладах И.А. Ковалевой (Казань), Л.П. Диановой (Москва), В.Н. Мерзляковой (Москва), О.С. Шуколюковой (Минск).

С.В. Ладыгина (Москва) поставила вопрос об этических границах речевых стратегий в ритуальной сфере в контексте славянской ментальности. Речевой репрезентации белорусов в очерках путешествий журналистов Владимира Ворсобина и Ивана Макеева автостопом по России был посвящен доклад А.А. Малышева (Санкт-Петербург).

Семиотические аспекты новых жанров и форматов медиатекстов также стали предметом рассмотрения в докладах. А.А. Градюшко (Минск) представил в своем докладе опыт систематизации признаков ИИ-текста в современных медиа. Д.С. Семак (Гомель) поставила вопрос об оценочной стратегии и средствах ее вербализации в русскоязычных и англоязычных кулинарных обзорах. В.Н. Седанова (Москва) рассматривала проблему репрезентации аграрных культов и славянского календаря через механику циклического времени в видеоиграх.

Три секции конференции работали в рамках тематического поля лингвистики цвета. Тенденциям цветообозначения в славянских языках были посвящены доклады в секции «Славянская цветовая картина мира: социо-, прагма- и психолингвистика». Открыл обсуждение темы доклад Е.М. Марковой (Братислава) «Цвет в аспекте номинативной деятельности человека» с систематизацией слов, внутренняя форма которых транслирует цветовую характеристику. Социолингвистический аспект цветовой номинации был рассмотрен в выступлении Е.Ю. Воробьевой (Москва).

О.А. Мещерякова (Санкт-Петербург) представила опыт анализа конкорданса цветообозначения на материале данных поэтического корпуса НКРЯ и выразила убежденность, что корпусные исследования по цвету позволяют выявить реальные закономерности употребления цветочных слов, их частотность и семантические связи. Автором доклада были продемонстрированы этапы работы с конкордансом цветообозначения на примере стихотворений Ф.И. Тютчева. Следует отметить, что материалом для исследования цветообозначений стал широкий круг дискурсов: массмедийный (Ю.С. Ридецкая, Санкт-Петербург; С.А. Петрова, Санкт-Петербург), экономический (И.И. Воронцова, Москва), медицинский (С.И. Маджаева, Астрахань), рекламный (А.Н. Савицкая, Таганрог; А.И. Ускова, Воронеж), образовательный (П.В. Дорожкина, Москва), художественной литературы и ее перевода (К.И. Иванов, Минск; Т.Л. Зенкова, Сочи). Результаты полидискурсивного анализа цвета тополя были представлены в докладе Т.В. Сивовой (Гродно).

Особый интерес вызвал доклад И.В. Ерофеевой (Чита) «Цвет как конструкт культурно-исторической памяти современного медиатекста». Автор отметил, что архетипическая природа цвета демонстрирует специфику и структуру видения бытия носителя определенной культуры, обогащает пространство медиатекста смысловым духовно-общественным выражением. Традиционно в докладах были представлены результаты психолингвистических экспериментов (Н.С. Редькина, Рязань; Э.М. Байдашева, Астрахань).

В докладе В.Д. Нарожной (Шымкент) были описаны топонимы Южного Казахстана, связанные с органолептическими (зрительными) восприятиями ахроматических цветов в контексте этнолингвистики. Тема обсуждения была продолжена в докладе Е.В. Цветковой (Кострома), посвященном микропонимам Костромской

области, образованным на основе слова *жёлтый* и его синонимов, а также близких по значению «цветовых» слов. Доклад Ю.В. Вайрах (Иркутск) был посвящен концептуализации «белого света» / «света» в семиотике родства.

Грамматические закономерности в образовании и функционировании цветоименований обсуждались в докладах Е.Р. Добрушиной (Москва), С.А. Петренко (Ростов-на-Дону), Е.В. Скачковой (Москва). Диалектная лексика с цветовым компонентом выступила объектом исследования в докладах Е.В. Колесниковой (Москва), С.А. Горской и Ю.Д. Дубовиковой (Гродно), Н.А. Лихановой (Новосибирск). Цветовому компоненту во фразеологических единицах были посвящены выступления О.Н. Григорьевой (Москва), О.В. Крамковой (Нижний Новгород), Е.Д. Сосиной (Москва), И.Ю. Третьяковой (Кострома).

Разнообразием фактологического материала отличались доклады в секции «Исторические, сопоставительные и типологические исследования в лингвистике цвета». В.Г. Кульпина (Москва) внимание сосредоточила на сопоставительном анализе терминов цвета и на разных типах структурно-семантических дивергенций, указав, что в процессе сопоставления проявляется специфика языкового материала, содержащего в интенционале в явной или имплицитной форме цветовой компонент.

Сопоставительному анализу цветоименований в разных языках и цветовых репрезентаций концептов в разных лингвокультурах были посвящены доклады И.В. Елынцевой (Минск), Л.Ф. Бирр-Цуркан и К.В. Манёровой (Санкт-Петербург), М.М. Винихиной (Санкт-Петербург), З.М. Сабиралиевой и Г.З. Мамытовой (Ош), А.И. Шаимкуиловой (Ош), Ф.Ф. Насибуллиной (Казань), Э.А. Черневич (Минск). Так, в докладе Н.В. Дмитрюк (Шымкент) был представлен фрагмент языковой картины мира казахов, русских и англичан, отраженной в соответствующей колористической фразеологии и паремиологии. Проведенный автором лексико-семантический и этнокультурологический анализ с позиций когнитивной семантики и этнолингвистики позволил обнаружить наличие концептуальных метафорических моделей, лежащих в основе многозначности лексических единиц со значением цвета (в частности, красного) сопоставляемых языков. Осуществленное Тали Кигель (Петах-Тиква) исследование образных метафор «цветного воротничка» в английском, русском и иврите дало возможность исследователю говорить о глобальной метафорической системе профессиональной идентичности.

Специфика функционирования цветоименований в текстах разных жанров и дискурсов, в том числе в сравнительно-сопоставительном и переводческом аспектах, обсуждалась в докладах В.И. Коваля (Гомель), М.В. Пименовой (Владимир), Сьюй Цзяцзин и А.А. Мироновой (Челябинск), И.А. Старовойтовой (Москва), К.Г. Апресян (Москва), В.В. Салыковой (Элиста), О.Н. Осадчей (Москва), М.Н. Николаевой (Москва), К.В. Власовой (Тамбов).

Н.И. Перфилова (Пенза) посвятила выступление анализу исконно русской по происхождению лексики в истории русского языка и в современном колоративном словаре русского языка. Е.А. Кожемяковой (Москва) проведено исследование того, как разнонаправленные семантические процессы (генерализация и специализация значений) проявляются в истории цветообозначений.

Большим числом участников была представлена секция «Лингвопоэтика, стилистика и когнитивная этнолингвистика цвета». В.В. Катермина (Краснодар) рассмотрела в докладе проблему системы ценностей, наблюдаемых сквозь призму колоративных метафорических неологизмов англоязычного дискурса. Е.Я. Григо-

рьева (Москва) посвятила доклад особенностям цветообозначения национальных символов Франции и России, продемонстрировав, что многие цветовые сочетания несут отпечаток национального характера народа-носителя языка, отражая политические, культурные и исторические реалии страны.

Лингвокультурологический аспект изучения цветообозначений стал ключевым в докладах Г.Л. Молибога и В.Ю. Потаповой (Тамбов), Т.Ю. Передриенко (Челябинск), Т.В. Сланиковой (Москва), Е.И. Черкашиной (Москва), А.Ю. Комановой и Винья-Тальянти Якопо (Москва).

Целый ряд докладов представлял результаты исследований в русле когнитивной этнолингвистики. Р.Н. Ойроткинова (Новосибирск) в докладе «Цвет как способ словообразования зоонимов в алтайском языке» обратилась к вопросу об этнолингвистической составляющей диалектной лексики, которая содержит в своем составе номинацию цвета. Г.Н. Ягафарова (Уфа) на материале башкирских фразеологизмов рассмотрела роль цветообозначений в номинации характера человека. Отметим также доклад О.С. Цыдендамбаевой (Улан-Удэ) о восприятии черного цвета в бурятской картине мира, выступление Т.Р. Душенковой (Ижевск) о семантике оранжевого / рыжего цвета в удмуртской лингвокультуре, доклад А.С. Шиманской (Москва) «48 чайных и 100 мышинных оттенков в японском языке».

«Язык цвета» как важнейший инструмент авторского стиля и символики в произведениях художественной литературы рассматривался в докладах Джанолах Карими-Мотаххар и Марзие Яхьяпур (Тегеран), Е.В. Мариновой (Нижний Новгород), Ши Фэйфэй (Циндао), С.Н. Тарасовой (Гродно), А.С. Шуруповой и О.С. Шуруповой (Липецк), Е.Ю. Муратовой (Витебск), С.В. Чувак (Гродно), Ю.Н. Русиной (Минск), Н.Ю. Муравьевой и И.О. Широковой (Москва), Н.Н. Вострокнутовой (Санкт-Петербург) и др.

На итоговом заседании Карских чтений были заслушаны отчеты руководителей секций, обсуждены результаты дискуссий и определены перспективы дальнейшего сотрудничества ученых. По итогам конференции будет опубликован сборник научных статей в 3-х томах. Проведение следующих Карских чтений планируется на 2028-й год.

Сведения об авторе:

Тамара Анатольевна Пивоварчик,
кандидат филол. наук
доцент
факультет истории, коммуникации и туризма
ГрГУ имени Янки Купалы

Tamara A. Pivavarchyk,
PhD
Associate Professor
Faculty of History, Communication
and Tourism
Yanka Kupala State University of Grodno
t.pivavarchyk@grsu.by

Критика. Библиография

Critique. Bibliography

Л. Макаријоска (Скопје, Република С. Македонија)

**Македонска зоонимска фразеологија во славјански контекст.
Катерина Велјановска и Биљана Мирчевска-Бошева
(Славика. Либрис. 2025. 189 с.)**

Л. Макаријоска (Скопје, Р.С. Македонија)

**Македонска зоонимска фразеологија во словенски контекст.
Катерина Велјановска и Биљана Мирчевска-Бошева
(Славика. Либрис. 2025. 189 с.)**

L. Makarijoska (Skopje, Republic of North Macedonia)

**Macedonian Zoonymic Phraseology in a Slavic Context.
Katerina Veljanovska and Biljana Mirchevska-Bosheva
(Slavika. Libris. 2025. 189 p.)**

Неодамна излезе од печат ново издание од областа на фразеологијата, од професорките Катерина Велјановска и Биљана Мирчевска-Бошева, кои покрај образовната дејност на Филолошкиот факултет “Блаже Конески” ги поврзува и долгогодишниот интерес кон фразеологијата, а посебно би ги изделе монографските изданија *Фразеолошките изрази во македонскиот јазик со осврт на соматската фразеологија* од Велјановска (2006), *Емоциите и чувствата низ призмата на фразеологијата (македонско-руски паралели)* од Мирчевска-Бошева (2022) и нивното соавторско издание *Имињата во македонската фразеологија* (2021).

Во оваа нова книга под наслов *Македонска зоонимска фразеологија во словенски контекст* тие посветуваат посебно внимание на зоонимите во македонската фразеологија и тоа од споредбен аспект со други словенски јазици.

Во *Воведот* (9–16) авторките посочуваат дека главниот повод за истражувањето на зоонимските фраземи е нивната експресивност, сликовитост и метафоричност, што овозможува изразување не само на надворешниот изглед на човекот, туку и на карактерните особини, интелектуалните способности, емоционалните и физичките состојби и меѓучовечки односи.

Целосната или делумната еквивалентност на голем број зоонимски фраземи во словенските јазици, се објаснува со совпаѓањето на менталната слика на реалноста кај говорителите на различни јазици и со заедничките елементи на културата, а како резултат на регионални културни фактори, етнички одликувачки особености, значењата на значителен број зоонимски фраземи се разбирливи само за носителите на дадена лингвокултура.

Првото поглавје, со наслов *Човекот во зоонимската фразеологија* (17–60) е посветено на разгледување на претставата за човекот што се гради преку зоонимските фраземи, при што се опфатени категориите: надворешен изглед, интелектуални способности, меѓучовечки односи, како и позитивни и негативни карактерни особини. Анализата се темели на материјал од македонскиот јазик и/или компаративен преглед со други словенски јазици.

Фраземите со зоонимска компонента коишто го опишуваат *надворешниот изглед на човекот*, се далеку помалубројни во споредба со оние коишто означуваат карактерна особина или однесување, односно од приближно 1000 зоонимски фраземи во македонскиот јазик, опис на надворешниот изглед даваат само 54, а во нивниот состав влегуваат 37 зооними (*акреп, арслан, бивол, бумбар, волк, вошка, гавран, газела, глиста, гнида, жирафа, кобила, коњ, крава, куче, ламја, лебед, магаре, мајмун, мачка, мечка, мува, овца, орел, пес, петел, пијавица, прасе, прле, прч, рак, риба, свиња, слон, твор, чавка, штрк*), при што преовладуваат цицачите, па птиците и без’рбетниците, а најмалку застапени се рибите. Во анализата се izdelуваат интересни примери во врска со опозицијата слаб: дебел, па според возраста со опозицијата млад: стар, при што забележуваме и помалку познати и познати фраземи, на пр.: за млад човек: *уште му лета умот по чавките, тукушто се испилл од јајцето*, за стариот човек: *стар прч, старо / дрто магаре*, но и: *врсник е со орлите* мотивирана од долговечноста на орлите и *му клекнаа коњите* со оглед на губењето на силата за движење со текот на годините.

Се изведуваат интересни заклучоци дека мал дел, само 6 зооними (*лебед, риба, газела, лав, коњ, кобила*) се употребени во позитивна конотација, зоонимот *мачка* и во позитивна и во негативна, а останатите 30 зооними се употребени само во негативна конотација.

Вториот прилог од поглавјето е посветен на *фразеолошката слика за интелектуалната способност на човекот* врз примери од зоонимската фразеологија на македонскиот јазик. Во повеќе фразеолошки истражувања се истакнува дека кај зоонимските фраземи посебно место заземаат оние што се однесуваат на човечкиот интелект и во различни јазици се реализираат по исти или слични модели, а застапеноста на одредено животно зависи од стереотипните сфаќања својствени за јазичната средина во која фраземата се појавила и се задржала во употреба.

Анализираниот материјал опфаќа 70-ина фраземи од фразеолошки речници на македонскиот јазик и други научни трудови на оваа тема, а како компоненти се застапени 27 зооними (главно домашни животни). Притоа се izdelуваат фраземи со следните значења: интелектуална ограниченост, слабо / кратко помнење, незнаење, неспособност но и добро памтење, интелектуална надареност, опаметување, искуство. Според очекувањата и во согласност со истражувањата во другите јазици, бројот на негативно конотирани фраземи е далеку поголем во однос на позитивните.

Во групата фраземи со кои се означува интелектуалната ограниченост како компоненти најчесто се јавуваат називите за крупни домашни животни: *вол, крава, теле, прле, магаре, коњ*.

Авторките се согласуваат со ставот дека фраземи како: *памети како гуска* ‘има слабо помнење’ и *глушава како гуска* ‘умствено ограничена’, засновани на вековните стереотипи, се одраз на традицијата човекот за припадниците на својот вид да зборува скриен зад маска на различни животни, односно тие се доказ за човековата неупатеност, и придржување до старите, изразито стереотипизирани сфаќања.

Третиот прилог од првото поглавје под наслов *Фразеолошката слика на меѓучовечките односи* е насочен кон анализа на 60-ина зоонимски фраземи во македонскиот јазик што се однесуваат на природата на меѓучовечките односи, меѓусебното разбирање, на довербата и меѓусебното почитување, на емоционалната поврзаност меѓу луѓето, но и на омаловажувањето, прекорувањето, озборувањето, измамата, неслогата, телесното казнување и сл. На пр. значењето ‘љубов и слога’ е својствено за фраземите: *живеат како гулаби / гулапчиња / како гулаб и гулабица; си гугаат како гугутки*. Авторките посочуваат дека за употребата на овие зооними се поврзува и со христијанската симболика каде гулабот претставува симбол на обединување и мири е присутен во сите словенски јазици: *živjeti kao dva goluba* во хрв., *живети као два голуба* во срп., *živeti kot dva golobčka* во словен., *живеят като два гълъба (гугутки)* во буг., *жить как два голубка* во рус., *жити як два голуби, жити як голубів пара* во укр., *żyć jak dwa gołąbki* во пол., *žit jako dva holoubci* во чеш. и *žit' ako dva holuby (holúbky, hrdličky), žit' ako dvaja holúbkovia* во словач.

Омаловажувањето и искористувањето како негативни аспекти на меѓучовечките односи се изразуваат со фраземи во чиј состав се употребени називи за животни кои во народното искуство се асоцираат со глупавост или покорност. На пр. се изделуваат фраземите: *ако си гуска, секој ќе те скубе; ако си овца, секој ќе те стриже; го каниле магарето на свадба, па му нарачале да си го земе самарот и магарето го канеле на свадба за да носи дрва / вода*. Надмудрувањето е изразено во фраземите: *во Прилеп мајмун не игра; испадна мајмун; итра лисица среде станица; магаре со две уши; му подметнува кукавичино јајце*.

Несогласување и нетрпение се изразува со: *се сакаат како мачката и глушецот*; а влошени меѓучовечки односи со фраземите: *живеат како мачка и куче; живеат / се сакаат како кучето и мачето; се гледаат како куче и маче*, што не се потврдува денес, особено кога како домашни миленици делат заеднички дом.

Следниот прилог од поглавјето е посветен на *позитивните карактерни особини на човекот во зоонимската фразеологија* и тоа споредбено во македонскиот и во рускиот јазик. Се изделуваат повеќе особини, на пр. *кроткоста* при што се забележува доминација на домашни животни и инсекти кои во културното сознание се поврзани со тивкост и неспособност за агресија (*јагне, овца, бубалка, мравка*): *божја бубалка; божја овчичка; како бубалка; мирен како бубаче; човек бубалка низ куќа; кроток како пупунец; мирен / кроток како јагне; како овца; мрава / мравка не газе*, а во рус.: *божья коровка; кроткий как голубь; кроткий как ягнёнок; кроткий телёнок; кроткий как овца; овечье сердце у кого-л.; комара / мухи не обидит; комара / муху не зашибёт*.

Во однос на *верноста* забележуваме целосно совпаѓање на зоонимската компонента куче и на значењата во двата јазика (*верно куче и верен како пес* во мак., *собачья верность, верный как пес (собака)* во рус.), што се должи на фактот дека кучето е широко познат симбол за верно животно, па таа негова карактеристика се наоѓа во позадинската слика на овие асоцијативно мотивирани фраземи.

Трудољубивоста, односно трудољубивиот, вредниот човек се претставува преку споредба со *мравка, пчела, крт, коњ* или *вол* во македонскиот јазик: *вреден како мравка / пчела; работи како мравка / како крт / кртица; влече / ринта како вол; работи / 'рмба како коњ*, а во рускиот најчесто преку споредба со *мравка, пчела* и *коњ*. Значењето ‘храбар човек’ во македонската и во руската фразеологија се изразува со: *се бори како лав*, што е разбирливо имајќи ја предвид силата и борбеноста на лавот, а во рускиот јазик има и споредби со *леопард, тигар* или со

мечка: бесстрашный как лев; смелый как медведь; смелый как тигр; смелый как леопард; храбрая как лъвица.

Следниот прилог од поглавјето е насловен *Мрзливоста како негативна особина на човекот (македонско-руски паралели)*. Се посочуваат на пр, фраземите: *лежи / се оптегнала како крава; како волк на припек (легнал); се пече како гуштер на камен; се оптегнал како раштански смок* со кои во македонскиот јазик се изразува мрзливоста како немање желба за работа или дејствување. Сите тие се обединети со заедничка слика за навиките на овие животни долго да лежат и да уживаат на сонце. Покрај овие изрази со истото значење се користи и *живее како трут*. Може да се забележи дека мрзливиот човек или безделникот често се споредуваат со различни животни, на пр. во рус. се среќаваат следните зооними: *ворона, голубь, еж, лягушка, карась, корова, собака, муха, овца, слон, тетеря, тюлень, ворон*, додека во мак.: *гуштер, волк, коњ, крава, мува, смок, сојка, овца, трут, чавка*. Во поглед на употребените зооними се забележува поголемо разидување во двата јазика, но според моделот и значењето присутни се повеќе сличности.

На претставата за жената (*врз материјал од македонската и руската зоонимска фразеологија*) ѝ е посветен последниот прилог од првото поглавје. Интересот е насочен кон надворешните особености (пр. возраст, биолошки особености): *дебела како крава*; внатрешните (психолошки, морални, интелектуални) особености на пр. *се бори / храбра како лавица*, но и: *има кокошкин / птичји / страчкин мозок, глупава како гуска*, во рус. *глупая как курица; куриные (цыплячьи, птичьи) мозги* и интересни примери за социјалните односи и сл. во македонскиот и во рускиот јазик.

Во второто поглавје *Фразеолошка слика на животинскиот свет (61–112)* вниманието е насочено кон одделни зооними, при што во првиот прилог подетално се разгледуваат *зоонимските фраземи со компонента волк во македонскиот, во српскиот и во рускиот јазик*, а во нив се изразува стравот од волкот, непосредната изложеност на голема, дури и смртна опасност, суровоста, алчноста, храброста и самостојноста итн. (мак. *гладен како волк*; срп. *гладан као вук; гладан као курјак* и рус. *голоден как волк*.) На пр. за мак. се посочени и фраземите: *Му влегува на волкот в уста; Ние за волкот, а тој на врата* и др. Може да се заклучи дека во трите јазика физичките особини на волкот се доведуваат во врска со позитивните особини на човекот, додека однесувањето на волкот, т. е. неговиот карактер му се припишува на човекот најчесто во негативен контекст. Ќе ја споменеме познатата изрека од лат.: *Волкот крзното / влакното го менува, ама не и карактерот*. Или на пр. *кој живее меѓу волци, и самиот ќе стане волк*.

Зоонимските фраземи со компонента *куче / пес / кутре* се една од најбројните и семантички најразнообразните групи во фразеолошкиот систем, а авторките ги разгледуваат споредбено во македонскиот и во рускиот јазик. Тие се поделени во следните групи: надворешен изглед (слабост, изнемоштеност, на пр.: *слаб како куче, нема каде куче да го гризне*), карактерни особини (*верен како куче / пес, скита како глува кучка, живеат / се гледаат / се сакаат / се слагаат како мачка / маче и куче*), физичка состојба, животен статус, психички состојби, интелектуални способности и фраземи што упатуваат на место и време, како на пр. во македонската фразеологија: *кучешко време; куче не стои врзано на ова време*, но и: *поминал / трга раат како пците на Василица* мотивирана од карактеристичен обичај за Василица. Авторките заклучуваат дека и во македонската и во руската фразеологија преовладува негативниот однос кон кучињата, и покрај добропознатата верност на кучињата, тие се прикажуваат со потценувачки тон и со негативно значење.

Посебен прилог е посветен на фраземите со компонента *мачка / мачор* во македонскиот и во рускиот јазик, со цел да се согледаат разликите и сличностите во значењата и употребата. Ќе споменеме некои попознати фраземи во мак.: *како мачка со опашка, мачка на грб не паѓа*.

Авторките посочуваат дека зоонимот *мачка* може да се употреби за означување пријатна и непријатна надворешност. На пр., во рус.: *как паршивый кот, худой / тощий / ободранный кот, как облезлый / драный / ободранный кот* за маж, а за жена: *как дохлая кошка, как паршивая / шелудивая кошка, худая / тощая / ободранная / драния / облезлая кошка* се употребува за означување многу слаба, изнемоштена личност. Во македонскиот јазик мачката се користи за означување привлечна личност (*добра мачка*), додека во рускиот јазик таквата асоцијација не е потврдена.

Исто така, во македонскиот јазик доаѓаат до израз и некои пагански обичаи и верувања, пр. преку фраземата *првите мачиња се фрлаат во вода* кои во рускиот фразеолошки материјал не се среќаваат. Од друга страна, пак, во рускиот јазик мачката се користи за доловување на сликата на вљубен човек, за означување количина и други значења кои отсуствуваат во македонскиот јазик.

Предмет на посебна лингвокултуролошка анализа е и зоонимот *змија* како компонента на руските и на македонските фраземи (пр. со негативна конотација: *ладен како змија, има змија во џебот*). Авторките заклучуваат дека и во двата јазика зоонимот *змија* се јавува како симбол за: предавство и неблагодарност, подмолност и дволичност и опасност скриена зад мирна појава. На пр. во рус. *выкормить змею; выкормил змейку за свою шейку; змею за пазухой; запазушная змея*.

Третото поглавје *Емоциите и зоонимската фразеологија* (113–121) е посветено на проследувањето на одделни емоции во зоонимската фразеологија, а анализата потврдува дека токму зоонимските фраземи со својата експресивност, сликовитост и метафоричност се соодветни за изразување на емоционалните и физички состојби и сл., а посебно внимание се посветува на *гневот низ призмата на зоонимската фразеологија во македонскиот и во рускиот јазик*. Со гневното однесување на човекот се поврзуваат на пр.: *како бесно / одвргано куче, како разјарен бик, лут како рис / рис* и др., додека во рускиот јазик како компоненти се потврдуваат и *мечка и волк: злойкак медведь; разъяренный как медведь; сердитый как волк*.

Четвртото поглавје насловено *Темпорални и колоративни димензии на зоонимската фразеологија* (123–130) е осврт на зоонимите во релација со основните концепти како време и боја, со анализа на симболичките конотации што ги носат во различните јазични традиции. Во зоонимските фраземи што припаѓаат на фразеосемантичкото поле ‘време’ како компоненти се јавуваат 13 зооними: *волк, гавран, глвче, гуштер, зајак, змија, куче / пес, кокошка, коњ, мечка, мачка, петел, риба*. Во македонската фразеологија покрај: *први / полноќни петли* ‘околу полноќ’; *втори петли* ‘зора е’; *кај петли / пред петли време, петлени зори* ‘рани зори, мугри’, посебно интересни се оние со значење ‘никогаш’ *кога ќе ги стрижеме петлите; на свински стриг; кога ќе ги стрижат мајмуните, кога ќе обели гавранот, кога на коњот ќе му пораснат рогови / кога ќе пушти коњот рогови*.

При анализата на *Боите во зоонимската фразеологија на македонскиот, на рускиот и на хрватскиот јазик* според авторките целта е согледување на разликите и сличностите во семантиката и начинот на образување на фраземите во трите јазика, како и утврдување на улогата на хроматските компоненти за значењето на конкретните фраземи. Се доаѓа до заклучок дека преовладуваат сличностите, но дека постојат и разлики како во изборот на компонентите, така и во значењата на фраземите.

Во првиот прилог од петтото поглавје *Зоонимските фраземи во различни жанрови* (139–164) се разгледуваат и *архаичните зооними во македонската фразеологија*, присуството и значењето на зоонимите со турско потекло во македонската фразеологија, нивната семантика и културна функција. Станува збор за 10-ина зооними (*арслан, ајван, биљбиљ, мандија* и др.) кои се задржале во фраземите, иако во современиот јазик повеќе не се во активна употреба па се делумно заборавени или целосно непознати за помладите генерации, односно претставуваат јазични елементи од минатото, зачувани во народните говори со своите лингвостилистички и културно-етнолошки вредности. На пр.: *како арслан е; не може по атог – удри на самарот, од ат на магаре (падна); пее како биљбиљ*, а бележиме и варијанти со иронично значење: *пее како биљбиљ од блато / пондила*, со негативна конотација: *здодевен како тавтабита/дрвеница*.

Поаѓајќи од поширокото поимање на фразеологијата, според кое се вклучуваат и пословиците, поговорките, поздравните и клетвените формули, гатанките, анегдотите и др. сродни жанрови, авторките посветуваат внимание и на *Зоонимите во клетвите во македонскиот јазик*, на пр. *Змија да го изеде!, Орли и врани да го изедат! Вошки да го јадат! Кукумјавки дома да му кукаат!*, а меѓу тешките клетви со кои се посакува нечија смрт се вбројува: *Да го јадат црвите!*

Посебно поглавје е посветено на *Зоонимите во гатанките во македонскиот јазик*. Гатанките чија одгатка е одреден зооним се израз на духовната и материјалната култура и народниот светоглед, а во средиштето на разновидната тематика се природата и човекот, неговата трудова дејност и секојдневието.

На крајот на книгата се приложени *Индексот на македонските зоонимски фраземи* (165–172) и списокот на *Користена литература* (173–183).

Трудот под наслов “Македонска зоонимска фразеологија во словенски контекст” од Катерина Велјановска и Биљана Мирчевска-Бошева нуди нов пристап кон зоонимите во македонската фразеологија од споредбен аспект со други словенски јазици и несомнено веќе го привлече вниманието на научната јавност, а за македонистиката е особено важно тоа што овозможува вклучување на македонската фразеологија во нови славистички истражувања.

Сведенија об авторе:

Лиљана Макаријоска,
член препоавателскогo состава
Универзитет Святых Кирилла и Мефодия,
Институт македонскогo јазика имени Крсте
Мисиркова

Лилјана Макаријоска,
член на факултетот
Универзитет “Св. Кирил и Методиј”,
Институт за македонски јазик “Крсте
Мисирков”

Liljana Makarijoska,
Faculty Member
Ss. Cyril and Methodius University, Krste
Misirkov Institute of the Macedonian
Language

makarijoska@imj.ukim.edu.mk

ISSN 2309-9917
DOI 10.24249/2309-9917-2026-77-3-1-171

STEPHANOS
2026
№ 3 (77)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow
2026
Май — May